

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1982

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ—1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. К. КУЛИЕВ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКОВ)

Глаголы речи (*verba dicendi*) как семантическая группа тюркских глаголов впервые были изучены Н. К. Дмитриевым (3). Об этой группе глаголов на материале азербайджанского языка содержатся сведения в работе З. И. Будаговой (9). Глаголы речи тюркских языков рассматриваются также в очерке Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой (1). Семантике глаголов речи в узбекском языке посвящена докторская диссертация И. Кучкартаева (4).

В настоящей статье ставится целью проследить лексико-семантическое развитие основных глаголов речи огузской группы тюркских языков и дать их этимологический анализ.

Как известно, глаголы речи широко употребительны и играют первостепенную роль в процессе общения. В тюркских языках, в том числе и в огузских, к ним относятся многочисленные корневые, синтетические и аналитические общие и частные глаголы речи. В настоящей статье анализируются наиболее употребительные из них.

Одним из широко распространенных глаголов речи является глагол азерб., тур., гаг. *de-*, туркм. *dij-* 'говорить, сказать'. Основное его значение — констатация произносимых субъектом отдельных слов или фраз.

Достаточно подробные сведения о глаголе *de-* сообщаются Э. В. Севортяном, который полагает, что в древнейших и средневековых памятниках этот глагол выступает с открытым гласным *e*, и его первоначальная форма реконструируется как *te-* с древними диалектными модификациями *tij-//dij-*, **tie-//die-* (ЭСТЯ, III, 223—224).

А. М. Щербак предполагает, что архетип данного глагола имел форму **tä-* (6, 197). С. Е. Малов приводит три формы данного глагола *tä-*, *ti-*, *di-*, в ранних памятниках — *ti-*, *tä-*, а в памятнике XIV века «История пророков» Рабгузи — *di-* (ПДП, 428—429). В «Древнетюркском словаре» отмечены формы *te-* и *ti-* (ДТС, 545, 558). Начальный согласный *t* сохранился в кыпчакской группе тюркских языков; башк. *tu-*, хак. *ti-*; в огузских языках начальный согласный звонкий, то есть *d*. Форма с закрытым гласным *dij-* широко распространена не только в туркменском, но и в ряде других тюркских языков (ЭСТЯ, III, 224).

Мы полагаем, что этимология глагола *de-* непосредственно связана с именем *til//dil* 'язык'.

В значении «говорить, сказать» в туркменском языке употребляется глагол *ajt-*, встречающийся почти во всех тюркских языках, кроме современного азербайджанского литературного, турецкого и гагаузского языков.

О семантическом развитии этого глагола Н. К. Дмитриев пишет: «С точки зрения семантики, интересно отметить, что глагол *айт*- обозначал не только „говорение“ как таковое, но и вообще всякое проявление звуковой человеческой речи. Отсюда понятно, что *айт*- соответствует нашим понятиям: „говорить (нормальным голосом)“, „говорить громко“, т. е. „выкрикивать“, „громко передавать слова“ и даже „петь“. Отголоском этого последнего смыслового нюанса является хотя бы туркм. *айдым* < *айт* + *ым*, что в современном языке означает ‘песня’» (3, 571).

Вопрос о происхождении глагола *aj*- давно привлекал внимание тюркологов. В работах Э. В. Севортяна (ЭСТЯ, I, 99—100) и К. Т. Рамазанова (11) представлен обзор всей доступной литературы. Не желая повторять предыдущих авторов, отметим только, что глагол *aj*- тесно связан с именем *ауз*, *аус* ‘рот, отверстие’ (РС, I, 82). В слове *ауз*//*аус* согласный *з*//*с* — показатель множественности, *ау* — корень. Полагаем, что глагол *aj*- восходит к этому корню. В древнетюркских памятниках встречается написание *ajuу*, ‘слово’, ‘указание’, ‘предписание’, явно связанное с корнем *aj* ‘слово’ (ДТС, 29).

Глагол *aj*- встречается в древнетюркских письменных памятниках в честь Тоньюкука и в «Покаянной молитве манихейцев» (приблизительно V в. н. э.): [31] «*Bilgä Tönücuq baqa ajdu* ‘А мне, мудрому Тоньюкуку, (он) сказал’; [32] «*Qujuлуу könlüncä aj, bän saqa nä ajaјun — tidi* ‘Назначай наказания по своей воле, что (еще) тебе скажу сказал’ (ПДП, 63); [153] «...*t(ä)ni ajmys...*» ‘...всевышний бог велел...’ (ПДП, 120). В приведенных примерах глагол *aj*- употребляется в значении «сказать».

Понудительная форма глагола *aj*- (то есть форма *ajt*-) в письменном памятнике в честь Тоньюкука выражает значение ‘заставить, приказать говорить’: [34] «...*gayan baqarı anca ajdumys...*» ‘...приказал сказать мне каган’ (ПДП, 63).

Глагол *ajt*- в «Кутадгу билиг» (XI в.) Юсуфа Баласагуни и в «Истории пророков» (XIV в.) Рабгузи кроме значения «говорить», имеет еще понудительное значение — «заставить говорить» (ПДП, 355).

Таким образом, глагол *aj*- (форма основного залога) встречается уже в ранних тюркских письменных памятниках (в честь Тоньюкука), где он имеет понудительную форму *ajt*- и значение «заставить, велеть, сказать». В том же значении этот глагол встречается и в средневековых памятниках.

В тюркских языках имеются глаголы, подобные *ajt*-, например, туркм. *alda*-, *aldat*- ‘обманывать’. Наблюдаются случаи, когда форма понудительного залога *ajt*- возвращается к исходной семантике (5, 525).

В туркменском языке глагол *ajt*- употребляется довольно часто. Основное его значение — сообщение и высказывание. В словаре даются следующие его значения: «говорить, сказать, сообщить, извещать»: *Достуң айбыны йүзүне айт* (посл.) ‘О недостатках друга говори ему в лицо’; «рассказывать»: *эртеки айтмак* ‘рассказывать сказки’; «петь, исполнять (песню)»: *айдым айт*- ‘петь песню’; «называть, именовать»: *айдыны айтмак* ‘назвать, сказать чье-либо имя’; *Муңа наме дийип айдылар?* ‘Как это называется?’; *азан айтмак* (религ.) ‘призывать к молитве’ (Туркм. РС, 35).

С корнем *aj*- в туркменском языке связан ряд слов: *айдыжы* ‘рассказчик, сказитель, рассказывающий’; *Айдыжы акмак болса, диңлейжи дана герек* (посл.) ‘Пусть рассказчик будет глуп, зато слушатель должен быть умен’; *сөз айдыжы* ‘сват’, ‘сваха’; *айдымчы* ‘певец’. Форма взаимно-совместного залога глагола *айдыш*- имеет значение «соревноваться друг

с другом в красноречии, в искусстве петь или рассказывать» (Туркм. РС, 32).

Так как глагол *ajt-* обычно означает также, что речь говорящего воспринимается слушателем, он в туркменском языке употребляется с глаголом *ber-*: *ajdur ber* 'говорить кому-то'. Здесь глагол *ber-* выражает адресованность речи другому лицу, слушателю.

Глагол *ajt-* встречается в дастане «Китаби-Деде Горгуд» в значениях «говорить» и «петь»: *Гыз ајдыр: Чалма озан! Ајытма озан!* (КДГ, 59) 'Девушка говорит: Не играй, озан! Не пой, озан!'; *Дирсэ хан ајдыр...* (КДГ, 21) 'Дирсе хан говорит...'

Глагол *aj-* встречается и в языке произведений азербайджанских классиков — Насими, Хатаи и др.: *Әжәр үзүндүр ајдырсан рәвадыр* (Насими, XIV в.) 'Если говоришь (это) твое лицо, (то) приемлемо'. *Ајдым: Еј дилбәр, демшидин көстәрәж шәм'и рүхум* (Хатаи, XVI в.) 'Говорил (я): Возлюбленная, (ты) обещала показать свое красивое лицо'.

Глагол *aj-* сохранился в физиулинском говоре карабахского диалекта и имишлинском говоре восточной группы диалектов азербайджанского языка (12, 38).

Другим более употребительным глаголом речи является: азерб. *söjlä-*, туркм. *sözle-*, тур. *söjle-*, гаг. *söle-* 'сказать', 'рассказывать'. Глагол туркм. *sözle-* расчленяется на корень *söz-* 'слово' и глаголообразующий аффикс *-le*. С помощью аффиксов *-la*, *-le*, *-lä*, *-da*, *-de* в современных тюркских языках образуется множество глаголов. Эти продуктивные аффиксы употребляются как с тюркскими, так и с заимствованными корнями.

Первоначальным значением глагола *sözle-* Н. К. Дмитриев считает «произнести слово», «молвить слово» (3, 573). В азербайджанском и турецком языках звук [z] данного глагола трансформируется в [j]; в гагаузском — [z], видимо, перейдя в [j], выпал из корня, в результате чего гласный звук корня [ö] стал долгим. Таким образом, древняя форма этого глагола сохранилась в туркменском языке. Корень *söz* неизменен в форме взаимно-совместного залога этого глагола: в азербайджанском языке *sözläş-* 'сговориться', 'спорить' (АРС, 317).

Кроме глагола *söle-*, в гагаузском языке имеется и глагол *sozle-* со значениями «решать, принимать какое-л. решение»; «утверждать»; «благословлять, напутствовать» (ГРМС, 429). Конечно, здесь оба глагола образованы от имени *söz*, причем *sözle-*, в отличие от *söle-*, приобрел и другие значения.

Глагол *sözlä-* встречается в древнетюркских письменных памятниках («Кюль-Тегин» и «Золотой блеск»): [26] *İnim Kül tigin birli sözläşdimiz* (ПДП, 31) 'Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-Тегинном...'; [520] *Qorkmanlar, m(ä)n amty siz lärkä tirilmis tultaqumyn sözläjin!* («Золотой блеск», X в.) (ПДП, 154) 'Не бойтесь! Я теперь расскажу вам о причине моего воскресения (из мертвых)'. В древнетюркских письменных памятниках глагол *sözlä-* употреблялся в значениях «говорить, рассказывать» (ДТС, 512), а *sözläş-* «беседовать» (ПДП, 422): *Otağka örkelep süge sözlemedük* (МК, III, 208) 'Рассердившись на шатер, он не разговаривал с войсками'.

Глагол *sözlä-* в современных огузских языках имеет примерно то же значение, что и в древнетюркских письменных памятниках: туркм. *Өмрүмде бир гезек ялан сөзледим* 'В жизни единственный раз я говорил неправду'; *Полторацкий хер митингде сөзледим* (Б. Кербабаев. Айгытлы адим) 'Полторацкий говорил (выступал) на каждом митинге' (ТДС, 607); тур. *Накikati söyle-* 'говорить правду' (РТС, 150), *fikrini söyle-*

‘сказать свое мнение’ (РТС, 831); гаг. *йалан сөле* — ‘говорить неправду’, *санмасыны сөле* — ‘высказать свое мнение’, *масал сөле* — ‘рассказывать сказки’; *Сөля, ким сенин достун, да бян сөлейжам, кимсин сян* ‘Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты’ (ГРМС, 430—431).

В возвратно-спрадательном залоге глагол *söjlä-* в азербайджанском, турецком и гагаузском языках, кроме залогового значения «быть сказанным», приобрел и лексическое значение «говорить (разговаривать) с самим собой» (АРС, 317; РТС, 789; ГРМС, 431), а форма взаимно-совместного залога *sözläs-* в азербайджанском и турецком означает «ругаться, спорить», «резко говорить» и «условиться, договариваться» (АРС, 317), а в гагаузском языке — «разговаривать, беседовать, переговариваться» (ГРМС, 431).

В туркменском языке форма *sözleş-* как бы лексикализуется: *гоңшың билен сөзлешмек* ‘переговорить с соседом’, *телефон аркалы сөзлешмек* ‘говорить по телефону’. Кроме того, данный глагол имеет и залоговое значение: «переговариваться», «договариваться», «улаживать» (Туркм. РС, 588).

Глагол *gerle-* употребителен в туркменском языке со значениями: «говорить, сказать»: *русча герле* — ‘говорить по-русски’; «произносить речи, выступать с речью, высказываться»: *йыгмакда герле* — ‘выступить на собрании’, перен. «ругать, бранить»: *Сен оңа герлемез, онда гүна ёк* ‘Ты его не ругай, он не виноват’ (Туркм. РС, 173). Корень этого глагола *ger-* в туркменском языке имеет значения: «слово, слова», «речь, разговор», перен. «дело, вопрос, предмет разговора» (Туркм. РС, 172).

В. В. Радлов приводит корень *kāp* в значениях «речь», «поговорка, пословица», «разговор» и связывает его с персидским словом *کتاب* (РС, II, 1185). Н. К. Дмитриев (3, 573), Э. В. Севортян (5, 314) и другие тюркологи придерживаются аналогичного мнения.

Глагол *gerle-* и корень его *ger-* широко распространены в тюркских языках. В словаре В. В. Радлова слово *ker* дается в значениях: «мысль, значение», «возможность», *ker söc* ‘повесть, предание’ (РС, II, 1184). *Ger//ker* ‘слово, разговор’ широко распространено как в киргизском литературном языке, так и в его фольклоре; имеется ряд аналитических форм со словом *ger*, *gēr*, *ker*: *ker sal-*, *ker ayt-*, *ker ur-* ‘говорить, заговорить’; *ker je-* ‘быть послушным’, ‘относиться с уважением к словам другого’; *ker ойло-* ‘обдумать, поразмыслить’; *Анда Манас муну ойлоп, албан турдүү кер ойлоп* (фольк.) ‘Тогда Манас вот это подумав, о многом-многом поразмыслив’ (КРС, 374—375).

В туркменском языке также существует множество выражений, связанных с словом *ger*: *Гуры генден палав болмаз, яг билен түвуси болмаса* (посл.) ‘Из пустых слов плова не сварьшишь, если нет масла и риса’; *Догры герлиниң досты ёк* (посл.) ‘У говорящего правду друга не бывает’; *Дунйаде гер көп, Мекгеде арап* (посл.) ‘В мире слухов — как в Мекке арабов’; *Элли герден белли гер* (посл.) ‘Чем полсотни слов пустых, лучше одно ясное’ (Туркм. РС, 172). В туркменском языке от корня *ger* образовались также следующие слова: *гербаз* (*герба:з*) ‘красноречивый’; *гер-гурруң* ‘разговоры, толки, пересуды’; *герлейши* ‘речь’; *герлемезеклик* ‘неразговорчивость, молчаливость’; *герлемсек* ‘говорун’; *герлешик* ‘переговоры’; *герчи* ‘сплетник, клеветник, ябедник’ (Туркм. РС, 172—173).

Кроме того, корень *gär//ger//gar* ‘слово речь, разговор’ распространен во многих тюркских языках: узб. *gan* (Узб. РС, 107), ккалп. *gēr* (РККС, 885), уйг. *gēr* (Уйг. РС, 676).

В западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется аналитический глагол *g’ar elä-*: *қан елэмәх’//ган ела-*

mäh ‘бесседуй, по кап ели риками’.

беседова В а ны выра сомненн

Кро со значе ду’, гов (Туркм.

(Туркм. ражатель да-, пер

Фор кализуе иш бара

ляется п лаприме титься

В т вать» у гелдим

глагола güngün

Гла с помо языке с залог, с

Реч азерб. s древнее sog- ‘сп

Кор допрос’ етя фо

взаимно имеет з ская ф

сор- и В а

глагол перегов риться»

консулн ряд сло

перегов даныша пізік//с

консулн маа ‘б

Гл 1623) я

məx' 'беседовать, разговаривать'. — *Ə, kəp elə, niyə dınmırsən?* '— Беседуй, почему молчишь?'. — *Биз бурја кəлдих' кин, гəжаларнан бир əз кəп елијəх'* '— Мы пришли сюда для того, чтобы побеседовать со стариками'. *Тəпə чыхардылар, гəп елəрдилəр* 'Они поднимались на холм и беседовали' (12, 158).

В азербайджанском языке, по нашим наблюдениям, употребительны выражения *g'ar joldaşy* 'собеседник', *g'arlaş-* 'беседовать' и т. д. Несомненно, слово *g'ar* имеет прямое отношение к слову *ger//qer*.

Кроме названных в туркменском языке употребляется глагол *gürle-* со значениями «говорить, разговаривать»: *догры гүрле-* 'говорить правду', 'говорить правдиво'; *əвнүп гүрле-* 'говорить хвастливо, хвастаться' (Туркм. РС, 224). Этот глагол образован от имени *güg* 'разговор, беседа' (Туркм. РС, 224) с помощью аффикса *-le*. Корень *güg* имеет звукоподражательное происхождение. Ср. азерб. просторечн. *gug-gug et-//guyul-da-*, перен. 'говорить'.

Форма взаимно-совместного залога данного глагола как бы лексикализуется: *gürleş-* 'говорить, беседовать, разговаривать с кем-либо', *иш барада гүрleşмек* 'разговаривать о делах'. Кроме того, она употребляется и в залоговом значении: «договариваться, уславливаться», как, например, *Биз театрда душущмагы гүрleşдик* 'Мы договорились встретиться в театре' (Туркм. РС, 224).

В туркменском языке в значении «говорить, разговаривать, беседовать» употребляется глагол *gürrüçleş-*: *Сизчи билен гүрrüçleşмäge селдим* 'Я пришел побеседовать с вами' (Туркм. РС, 225). Синонимом глагола *gügüçleş-* в туркменском языке является аналитический глагол *gügüç et-*.

Глагол *gürrüçleş-* образован от имени *gürrüç* 'разговор', 'беседа' с помощью аффикса *-le*, форма же *gürrüçle-* в туркменском языке отсутствует. Форма *gürrüçleş-* выражает взаимно-совместный залог, образованный, по-видимому, от глагола **gürrüçle-*.

Речь двух собеседников в огузских языках передается глаголом: азерб. *soq-*, *soquş-*, туркм. *soqa-*, тур., гаг. *soq-* 'спрашивать'. Форма *soq-* древнее: она отмечена и в древнетюркских письменных памятниках как *soq-* 'спрашивать, расспрашивать' (ПДП, 422; ДТС, 509).

Корень глагола *soq-* сохранился в словах азерб. *soraq* 'расспрос, допрос', 'весть', *soqu* 'вопрос, допрос' и т. д. (АРС, 316). Что же касается формы *soquş-*, то можно сказать, что это лексикализованная форма взаимно-совместного залога глагола *soq-*. *Soquş-* в гагаузском языке имеет значение «расспрашивать друг друга» (ГРМС, 428), а туркменская форма данного глагола *soqa-* может быть расчленена на корень *soq-* и аффикс *-a*.

В азербайджанском, турецком и гагаузском языках употребляется глагол *danuş-*. В азербайджанском языке он имеет значение «говорить, переговариваться, разговаривать», «сговориться, уговориться, договориться» (АРС, 121), а в турецком и гагаузском языках — «советоваться, консультироваться» (ТРС, 209; ГРМС, 132). В этих же языках имеется ряд слов, связанных с глаголом *danuş-*: азерб. *данышыг* 'говор, речь, переговоры, разговоры', 'уговор, условие', 'соглашение', 'слух, молва', *данышган* 'говорливый, разговорчивый', 'говорун' (АРС, 121); тур. *danışık//danışım* 'совещание, консультация, совет', *danışman* 'советник, консультант' (ТРС, 209); гаг. *даныш* 'совет, наставление', *даныша дурмаа* 'беседовать, разговаривать' (ГРМС, 132).

Глагол *danuş-* 'знаться', 'просить совета', 'разговаривать' (РС, III, 1623) является вариантом со звонким *d* в анлауте глагола мышления

tanyš- (tany+š-) 'узнавать друг друга, знакомиться, сблизиться' (РС, III, 1623).

Близким по значению к глаголу азерб. danuš- является глагол тур. konuş- 'говорить, разговаривать, беседовать' (ТРС, 560) и синкретичное имя konuş 'расположение, размещение' (ТРС, 560). Глагол konuş- в гагаузском языке имеет значения «гулять, угощаться, пировать», «беседовать», а имя *конуш* 'гулянье, гульба', 'званный вечер' (ГРМС, 280). Этот глагол расчленяется на корень qop- и аффикс взаимно-совместного залога -иш. Глагол qop- (тур., гаг.)//qop- (азерб., туркм.) имеет значения «останавливаться (на ночлег, кочевье)», «располагаться», «опускаться, садиться» (ТРС, 559; ГРМС, 279; АРС, 109; Туркм. РС, 187).

Глагол konuş- приводится и В. В. Радловым в следующих значениях: 1) «вместе останавливаться, спускаться»; 2) «жить по соседству»; 3) «иметь деловые сношения»; 4) «разговаривать, беседовать, быть в дружбе»; «быть дружелюбно расположенным» (РС, II, 542—543).

От первого и второго значений в огузских языках развился ряд имен: азерб. qonşu, туркм. qonşu, тур. qonşu, гаг. qonşu 'гость' (АРС, 109; Туркм. РС, 188; ТРС, 558; ГРМС, 280), тур. qonşaq 'ночлег, остановка' (ТРС, 558).

Таким образом, глагол тур. qonuş- прошел следующий путь развития: qop- — форма основного залога, а qonuş- — возвратного. Как видно из фактов гагаузского языка и материалов словаря В. В. Радлова, первоначальная семантика глагола qonuş- 'вместе останавливаться' переосмыслилась, и глагол приобрел значение «разговаривать, беседовать».

В турецком языке имеются многочисленные выражения, связанные с глаголом qonuş-: konuşkan 'разговорчивый, словоохотливый', konuşu, konuşma 'беседа, разговор', 'лекция, доклад, речь', konuşmacı 'оратор', konuşuk 'договор, соглашение' (ТРС, 560).

Глагол qonuş- принимает аффиксы страдательного и понудительного залогов: konuşul- 'говориться, обсуждаться', konuştur- 'заставить, велеть говорить' (ТРС, 560).

Во всех огузских языках употребляется глагол азерб. oxu-, туркм. oqa-, тур., гаг. oqu- со значениями «читать», «учиться». В азербайджанском языке этот глагол имеет и значение «петь», «исполнять (песню)» (АРС, 275), в азербайджанском, туркменском и гагаузском языках он выражает и значение «освящать (чтением молитвы)»: азерб. dua oxu- 'читать молитву', gıgap oxu- 'читать коран': *Молла дуаны эввалчэ өзү үчүн охујар* 'Молла в первую очередь молится для себя'; туркм. dogı oka- 'читать молитву'; *Хер молла өз билдигини окар* (посл.) 'Каждый молла читает то, что (он) сам знает' (Туркм. РС, 486), (ГРМС, 349).

Глагол oqu-//oqu- встречается и в древнетюркских письменных памятниках (ПДП, 404). В письменном памятнике буддийского содержания «Золотой блеск» (X в.) он приводится в значениях «звать» и «читать»: [6] ...mini oqudy 'призывал меня'; ...тапа оqudy '...прочитал (ее) мне'; [7] ...oquju tügä (ttim) '...я прочитал' (ПДП, 154).

Те же значения глагол oqu- выражает и в «Диване» Махмуда Кашгари: Ol meni okıdı 'Он позвал меня' (МК, III, 254); Er bitik okıdı (МК, III, 254) 'Мужчина читал книгу'.

Глагол oqu-//oqa-//oxu- расчленяется на корень oq- и аффикс -a//-y//-u. В корне этого глагола в турецком, гагаузском и туркменском языках имеется согласный q, а в азербайджанском варианте он заменился спирантом x. Этот факт довольно подробно рассмотрен А. М. Щербакимом (7, 98—99). Что касается глаголообразующего аффикса -a в туркменском и -u//-u в остальных огузских языках, то следует отметить, что эти аффиксы в разных тюркских языках образуют одни и те же гла-

голы. Э. В. Севортян полагает, что «...чередующиеся гласные восходят к тем же словопроизводным аффиксам с синкретичным значением, образовавшим данные глаголы от утерянных в тюркских языках более древних глагольно-именных корней синкретичного характера» (5, 441).

В. В. Радлов приводит в своем словаре со ссылкой на уйгурский язык слово *ok* в значениях «крик, голос, слово» и синкретичный с этим именем глагол *ok*- со значениями «звать, называть», а глагол *okyl-//okyu-* со следующими значениями: «звать, приглашать, кричать», «петь о (птицах и людях)», «читать, учиться» (РС, I, 991—994). Такая же этимология глагола *okyl-//okyu-* дается и Э. В. Севортяном (ЭСТЯ, I, 439—441; 5. 441).

В огузских языках имеется ряд слов и выражений, связанных с корнем *oxi*: азерб. *oxuži* 'читатель', *oxi zaly* 'читальный зал', *oxutuş* 'ученый' (*oxutuş adam* 'ученый человек'); туркм. *oqalga* 'читальня'; тур. *oqul* 'школа, училище', 'учебное заведение', *oqumatuş* 'неграмотный'; гаг. *oqujži* 'читатель' и т. д.

В значениях «заговорить о ком, чем-либо; промолвить, сказать, вдруг разговориться» употребляется глагол: азерб. *dillän-*, туркм., тур. *dillep-*. В турецком языке этот глагол приобрел и значение «становиться предметом разговоров, приобретать дурную славу (репутацию)», «попасть на язык» (ТРС, 232).

Глагол азерб. *dillän-* расчленяется на корень *dil-*, глаголообразующий аффикс *-lä* и аффикс возвратного залога *-n* (РС, III, 1417). Начальный согласный данного корня исторически был глухим (ПДП, 430; ДТС, 559). Он сохранился и в ряде современных тюркских языков, как, например: тат. *tel* 'язык' (Тат. РС, 528).

Форма взаимно-совместного залога: азерб. *дилләш-* имеет значения «ссориться, браниться, пререкаться», «сговориться, условиться» (АРС, 132), туркм. *дилләш-* 'договориться, сговориться' (Туркм. РС, 270), тур. *dilleş-* 'говорить, беседовать по душам' (ТРС, 232). Таким образом, *dillän-* и *dilläş-* — лексикализованные залоговые формы восстанавливаемого глагола **dillä-*.

Со значением «повторять» в огузских языках употребляется глагол: азерб. *täkrarla-*, туркм. *teqararla-* (*teqar:arla-*), тур., гаг. *teqararla-*, который расчленяется на *täkrar* (араб.) и аффикс *-la*.

Синонимом глагола *текрарла-* в туркменском языке является глагол *гайтала-*, который состоит из корня *гайта* и аффикса *-ла*. Корень *гайта* имеет значения «раз», «напротив»: *бир гайта* 'раз, один раз', *гайтадан* 'снова, заново, вновь', 'повторно', *гайтаргы* 'ответ, отпор, сдача' (Туркм. РС, 143).

Корень глагола *гайтала-* восходит к древнетюркскому *qaj-* 'поворачиваться' (ДТС, 406).

В значении «звать, позвать, вызывать» в огузских языках употребляется глагол: азерб., тур. *çaууғ-*, туркм. *çaғуғ-* (*ça:ғуғ-*), гаг. *çaағ-*. В гагаузском языке этот глагол, кроме значения «перекликаться» выражает также значение «поднимать шум, шуметь, галдеть» (ГРМС, 524). В туркменском и гагаузском языках в корне данного глагола сохранился долгий гласный. Глагол *çaууғ-* или *çaғуғ-* широко распространен в огузских и кыпчакских языках. Э. В. Севортян считает, что основой его является *çaу//çaғ*, и это подтверждается наличием парного существительного *çaғ* *ciğ* 'шум', 'крик' и в выражении *Çağ ciğ köpti* (МК, III, 128) 'Поднялся шум, крик' (5, 268).

В азербайджанском языке глагол *чағыр-* в понудительном залоге имеет две формы: *чағырт-* и *чағыртдыр-*, в последнем из которых выступает двойной аффикс понудительности (АРС, 388).

В огузских языках имеются слова с корнем названного глагола: азерб. *чагырым* 'расстояние, на которое доносится окрик', *чагырышчы* 'призывник' (АРС, 388); туркм. *чагырыш* 'повестка', 'созыв' (Туркм. РС, 716); тур. *çağırma/çağır* 'зов, окрик' (ТРС, 163); гаг. *чаарыш-баарыш* 'крик, шум, гам' (ГРМС, 524).

Близки по значению к глаголу *çauγ-* употребляющиеся в азербайджанском языке глаголы *säslä-, hajla-* 'звать, окликать'. Глагол *säslä-* расчленяется на *säs* 'звук' и глаголообразующий аффикс *-lä*, а *hajla-* на междометие *haj* 'отклик, шум' и аффикс *-la*. В туркменском языке форма основного залога данного глагола отсутствует, а форма возвратного залога *seslen-* означает «откликаться, отзываться». Форма основного залога данного глагола в туркменском языке восстанавливается как **sesle-*.

Глагол: тур. *sesle-* (ТРС, 766), гаг. *sesle-* (ГРМС, 412) обозначает «прислушиваться, слушать», а в азербайджанском языке *säslä-* 'звать, позвать'. Этот глагол в словаре В. В. Радлова приводится для турецкого языка в значениях «обратить внимание, подслушивать» (РС, I, 489). Форма возвратного залога данного глагола азерб. *säslän-*, тур. *seslen-* употребляется в значениях «крикнуть, воскликнуть», «позвать», как, например: *Seslendim duymadı* 'Я позвал, а он не услышал'. В турецком языке он имеет и значение «отзываться, откликаться»: *Çağırırım seslenmedim* 'Я крикнул, а он не сткликнулся' (ТРС, 766). Глагол *seset-* в гагаузском языке имеет значения «окликать, подзывать кого-л.», «отзываться, откликаться» (ГРМС, 413).

В значениях «кричать, звать, петь» в диалектах турецкого языка употребляется глагол *ünle-*, образованный от имени *ün* 'голос, звук' (ТРС, 888) с помощью аффикса *-le*. Этот глагол встречается и в дастанах «Китаби-Деде Горкут»: — *Унум үнлән бәјләр, сөзүм динлән бәјләр* (КДГ, 28) — Беки, откликайтесь на мой голос, беки, слушайте мои слова'.

В значении «шептать, шепнуть» в огузских языках употребляется: азерб. *puşyl-da-*, туркм. *puşyrda-*, тур. *fısylda-, fısyla-* (*qulayuna fısylda-* 'шептать на ухо'), гаг. *fısyrdä-*. Эти глаголы образованы от звукоподражательных слов.

К группе глаголов речи относится также азерб., гаг., тур. *sus-* 'молчать, хранить молчание'. В таком значении в туркменском языке употребляются глаголы: *dym-, gerlemän dug-, sem bol-*. Как синоним глагола *sus-* в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется глагол *kigi-*. Глагол *sus-*, по-видимому, образовался от слова *sus*, которое в гагаузском языке имеет значение «тишина, спокойствие», «тихий, молчаливый, неразговорчивый, безмолвный» (ГРМС, 439).

К числу глаголов речи относится также азерб. *g'änäş-* (*g'änäş-*), туркм. *geñeş* 'советоваться, посоветоваться, обращаться за советом'. С такими значениями в турецком языке употребляются глаголы: *akıl danış-, istişare et-, danış-* (ПТС, 854).

Глагол *kenğeş-* 'советоваться' и синкретичное с ним имя *kenğeş* 'совет', 'совещание' встречается в «Диване» Махмуда Кашгари: *Ol manğa kenğeşdi* 'Он со мной советовался' (МК, III, 394); *kenğeş* 'совет', 'совещание'. (МК, III, 365).

Форма *känä-* в значении «просить о совете, советоваться» отмечена В. В. Радловым (РС, II, 1067), а *keñä-* 'советоваться' — авторами «Древнетюркского словаря» (ДТС, 298). В последнем приводятся примеры из «Дивана» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни: *Ol manğa kenğedi* 'Он со мной советовался' (МК, III, 396); *Barajın men*

emdi qadaşım tара/кеңäjin аңар мен бу іш 'Пойду-ка я теперь к моему родственнику/и посоветуюсь с ним в отношении этого дела' («Кутадгу билиг», наманганский список, 405₂) (ДТС, 298).

Глагол *кәңәш-* 'дать совет', 'просить совета', 'советоваться', 'смирено говорить, объяснять, говорить с достоинством' В. В. Радлов расчленяет на корень *кәңә-* и аффикс *-ш* (РС, II, 1069). Значит, *кәңәш-* — форма взаимно-совместного залога глагола. Что касается начального согласного данного глагола, то можно сказать, что древнетюркский *q* в туркменском языке переходит в *g*, а в азербайджанском в *g'*, то есть древнетюркский *q* ослабляется, что отмечено и А. М. Щербаком (6, 166). Гласный *e* корня, как и в древнетюркском, сохранился в туркменском языке, а в азербайджанском *e* переходит в *ä*.

Глагол *геңеш-* синкретичное с ним имя *геңеш* употребляется в туркменском языке: *геңеш* 'совет': *геңеш бер-* 'давать совет', 'советовать', 'посоветовать'; *Нәхили геңеш берйәрсиңиз?* 'Что вы советуете?'; *геңеш сал-//эт-* 'обратиться за советом, посоветоваться'; *геңеш сора-* 'просить совета'; *Дост геңешде белли, семиз табакда* (посл.) 'Друг узнается на совете, жирное — на блюде'. Имя *геңеш* в туркменском языке имеет и значение «совещание» (Туркм. РС, 171).

Глагол *кеңеш-* 'советоваться, совещаться' и синкретичное с ним имя *кеңеш* 'совет' употребляются и в киргизском языке (КРС, 374). Кстати заметим, что синкретичность имен и глаголов, как полагает А. М. Щербак, вполне закономерное явление: «Факты глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и отчасти соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы нетюркских языков позволяют думать, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие — состояние, т. е. был синкретичным» (7, 12):

Что касается имени *кеңгеş* (мы берем форму, отмеченную Махмудом Кашгари), то, как полагает В. Л. Гукасян (у него *kāngāš*), у древних тюрков это слово означало «собрание верховных правителей», а у огузов — «совет правителей» и «народного собрания» (2, 72).

Рассматривая азербайджанские слова (тюркские. — Г. К.), заимствованные персидским языком, Г. Зариназаде относит к их числу имя *кәнкач* и его фонетические разновидности, означающие «совет», «совещание», «совещание в делах и принятие мер», а также глагол *кәјнкаш-* 'совещаться' (10, 380).

В азербайджанском и туркменском языках имеется ряд слов, связанных с корнем глагола *кеңгеş-* — азерб. *кәңәшлк*, *кәңәшмә* 'совет', *кәңәшкли* 'согласованный' (8): *Кәңәшкли дон кен олар* (посл.) 'Платье, сшитое по согласованию, бывает свободным'; туркм. *геңешчи*, *геңешдар* (*генешда: р*) 'советник, советчик', *геңешли* 'согласованный'. 'с согласия' (Туркм. РС, 171).

Глаголы речи в огузских языках перечисленными выше не исчерпываются. Имеется еще ряд глаголов речи звукоподражательного и междометного происхождения, которые нами здесь не рассматриваются.

Приведенные глаголы речи по их распространенности в огузских языках можно сгруппировать следующим образом:

1) общие для всей группы глаголы: азерб., тур., гаг. *de-*, туркм. *dij-*; азерб. *söjlä-*, тур. *söle-*, туркм. *sözle-*, гаг. *söle-*; азерб. *soruş-*, туркм. *sora-*, тур., гаг. *sor-*; азерб. *oxu-*, туркм. *oqa-*, тур., гаг. *oqu-*; азерб. *täk-garla-*, туркм., тур., гаг. *teqarlarla-*; азерб., тур. *şayug-*, туркм. *şayug-*, гаг. *şaağ-*.

2) глаголы, общие для трех языков: азерб., тур., гар. danyş-; азерб. dillän-, туркм., тур. dillen-; азерб. säslä-, тур., гар. sesle-; азерб., гар., тур. sus-.

3) глаголы, употребляющиеся в двух языках: азерб. ruçylda-, туркм. ruşyrdä-, тур. fusylda-, fysla-, гар. fysyrdä-; азерб. g'äñäş-, туркм. geñeş-.

4) глаголы, встречающиеся в одном языке: туркм. ajt-, geple-, gürlä-, gürgünleş-; тур. qonuş-; туркм. gajtala-, тур. ünle-; туркм. dym-.

Исследование глаголов речи огузских языков показало, что в тюркских языках в системе глаголов наряду с фонетическими и структурными различиями имеются различия семантические. Анализ структуры и семантики глаголов даже внутри одной группы тюркских языков позволяет выявить их первичные формы и значения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРС — «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965.
 ГРМС — «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973.
 ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 КДГ — «Китаби-Дәдә Горгуд». Баку, 1962.
 КРС — «Киргизско-русский словарь». М., 1965.
 МК III — «Divanü Lugat-it-Türk tercümesi», çeviren: Besim Atalay, cilt III, Ankara, 1941.
 ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
 РККС — «Русско-каракалпакский словарь». М., 1967.
 РС — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, СПб., 1893; т. II, СПб., 1899; т. III, СПб., 1905; т. IV, СПб., 1911.
 РТС — «Русско-турецкий словарь». М., 1972.
 Тат. РС — «Татарско-русский словарь». М., 1966.
 ТДС — «Туркмен дилиниң сөзлүги». Ашгабат, 1962.
 ТРС — «Турецко-русский словарь». М., 1977.
 Туркм. РС — «Туркменско-русский словарь». М., 1968.
 Узб. РС — «Узбекско-русский словарь». М., 1959.
 Уйг. РС — «Уйгурско-русский словарь». М., 1968.
 ЭСТЯ I — «Этимологический словарь тюркских языков». М., 1974.
 ЭСТЯ III — «Этимологический словарь тюркских языков. В-Д». М., 1930.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 322—460.
2. В. Л. Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1978, № 2, стр. 66—80.
3. Н. К. Дмитриев. Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы. — В кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 570—576.
4. И. Кучкартаев. Семантика глаголов речи в узбекском языке. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1978.
5. Э. В. Севорган. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
6. А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
7. А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.
8. «Азәрбајҹан дилинин орфография лүгәти». Баку, 1975.
9. З. И. Будагова. Фе'лин лүгәти мә'на гуруплары. — В кн.: «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», ч. I, Баку, 1960.
10. Г. Зәринәзәдә. Фарс дилиндә Азәрбајҹан сөzlәри. Баку, 1962.
11. К. Т. Рамазанов. Ајалга сөзүнүн етимолокијасы. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1965, № 6, стр. 111—117.
12. Р. Рустәмов. Азәрбајҹан дили диялект вә шивәләриндә фе'л. Баку, 1965.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. Н. ТИХОНОВ

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СИСТЕМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

I. В разработку теоретических и прикладных проблем словообразования в тюркских языках существенный вклад внесли Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, А. К. Боровков, С. К. Кенесбаев, Е. И. Убрятова, П. Азимов, А. Гулямов, Т. М. Гарипов, А. А. Юлдашев, А. Ходжиев и другие известные тюркологи. В исследованиях этих ученых рассматривались и некоторые аспекты влияния русского языка на систему словообразования отдельных тюркских языков. Конкретные наблюдения в этом плане содержатся в основном в работах по лексикологии. Однако не всегда влияние русского языка на словообразование в тюркских языках отделяется авторами от собственно лексических заимствований.

Широкое распространение получило мнение, что в области словообразования русский язык не оказал на тюркские языки существенного влияния. Работы, где специально изучаются отдельные участки деривации тюркских языков, испытавшие благотворное влияние русского словообразования, пока немногочисленны. В них обычно не поднимаются принципиально важные для теории и практики проблемы взаимодействия русского и тюркских языков в области словообразования. В изучении узбекского словообразования в целом проделана значительная работа, связанная прежде всего с именами таких языковедов, как А. Гулямов, А. Н. Кононов, В. В. Решетов, А. К. Боровков, А. Усманов, З. Магруфов, М. Мирзаев, А. Ходжиев и др. Определенное внимание уделялось и уделяется вопросам влияния русского языка на узбекское словообразование. Ряд интересных наблюдений в этом плане содержится в исследованиях М. П. Пулатова, А. Усманова, Р. Даниярова, Х. Д. Джамалханова, Э. Ш. Шаахмедова¹ и др. Они касаются общих и частных проблем сочетаемости заимствованных из русского языка имен существительных с узбекскими словообразующими аффиксами, словобразовательного оформления заимствованных имен прилагательных и глаголов, калькирования с русского на узбекский язык. Актуальными вопросами влияния

¹ М. П. Пулатов. Рус тилининг ўзбек тили лугат составининг бошидаги роли. Ташкент, 1958; Р. Данияров. Заимствование русско-интернациональных личных имен узбекским языком. Канд. дисс., Ташкент, 1967; Х. Д. Джамалханов. Из истории формирования и развития узбекской ботанической терминологии. Канд. дисс., Ташкент, 1968; Э. Ш. Шаахмедов. Вопросы калькирования с русского на узбекский язык. Канд. дисс., Ташкент, 1974.

русского языка на узбекское словообразование, на наш взгляд, являются: характеристика лингвистических и экстралингвистических факторов влияния русского языка на узбекское словообразование; исследование сфер и определение степени такого влияния; выявление и обобщение форм проявления словообразовательной активности заимствованных слов в сфере различных частей речи; изучение на материале основных частей речи случаев активизации, расширения диапазона действия узбекских аффиксов и целых словообразовательных типов под влиянием русского языка; выявление и описание закономерностей сочетаемости заимствованных из русского языка слов с узбекскими аффиксами; взаимодействие аффиксальных заимствований из русского языка с узбекскими производными словами, созданными на базе русских слов при помощи узбекских аффиксов; определение условий и степени членности заимствованных из русского языка слов в узбекском языке. В настоящей статье делается попытка наметить возможные пути исследования и решения выдвинутых проблем.

II. Как известно, однокоренные слова в русском языке объединены в гнезда. Из целого гнезда узбекский язык нередко заимствует только одно какое-либо слово — непроизводное или производное. Однако в результате тесных контактов двух языков, охватывающих самые разнообразные сферы трудовой и интеллектуальной деятельности их носителей, многие родственные слова русского языка переходят в узбекский большими группами и в составе лексики последнего тоже создают словообразовательные гнезда, например: **космос**, **космонавт**, **космонавтка**, **космонавтика**; **велосипед**, **велодром**, **велоспорт**, **велотрек**; **рентген**, **рентгенограмма**, **рентгенография**, **рентгенодиагностика**, **рентгенология**, **рентгенолог**; **бензин**, **бензобак**, **бензовоз**, **бензозаправщик**, **бензоколонка**.

Часть производных слов гнезда (иногда весьма значительная) выступает в сочетании с узбекскими словообразовательными элементами (аффиксами, основами). Это объясняется тем, что заимствование некоторых производных слов гнезда осуществляется путем частичного калькирования. Кроме того, заимствованные члены гнезда деятельно участвуют в узбекском словопроизводстве. Поэтому гнезда с гибридными словами, состоящими из русско-узбекских элементов, становятся обычными в системе узбекского языка. Например: **бронь**, **бронли**, **бронлаш**, **броневтомобиль**, **бронепоезд**, **бронекатер**, **бронейбойка**, **бронейбойчи**, **бронетанк**, **бронетранспортер**; **абстракция**, **абстракционизм**, **абстракционист**, **абстракт**, **абстрактлаш**, **абстрактлаштирмақ**, **абстрактлаштириш**, **абстрактлик**, **абстракционистик**; **химия**, **химик**, **химик**, **химиявий**, **химикатлар**, **химизация**, **химизациялаштирмақ**, **химизациялаштириш**, **химизатор**, **химиотерапия** и др.

Такие гнезда иногда состоят из большого числа аффиксальных и особенно сложных слов: **газ**, **газли**, **газсиз**, **газламоқ**, **газлаш**, **газчи**, **газификатор**, **газификация**, **газификацияламоқ**, **газификациялаш**, **газник**, **газоанализатор**, **газогенератор**, **газолин**, **газомер**, **газомер**, **газомет**, **газопровод**, **газосварка**, **газсимон** ('газообразный'), **газсушилка** и др.; **кино**, **киноактер**, **киноактриса**, **киноаппарат**, **киноаппаратура**, **кинодраматург**, **кинодраматургия**, **киножурнал**, **кинокартина**, **кинокомедия**, **кинолаштирмақ**, **кинолаштириш**, **кинолента** (кинолентаси), **кинология**, **киномеханик**, **кинооператор**, **киносъемка**, **киномошабинлар**, **кинотеатр**, **кинотрилогия**, **киноустановка**, **кинофестиваль**, **кинофикация**, **кинофикациялаштирмақ**, **кинофикациялаштириш** и другие (более ста слов).

Наличие обширного фона родни создает благоприятные условия для семантического и словообразовательного освоения заимствуемых русских слов. В составе гнезда лучше осмысливаются семантические связи однокоренных слов. Каждое заимствованное производное слово в гнезде

и на узбекской почве выступает как мотивированное обозначение предмета или явления, независимо от того, находится ли оно в словообразовательном отношении с одним из однокоренных слов или просто членится на фоне своей родни, не вступая в словообразовательную пару ни с каким словом.

III. В составе гнезда, как правило, одно из слов выступает в качестве исходного. Это непроизводное слово. Остальные слова являются производными и находятся в словообразовательных отношениях или с исходным словом или с одним из производных слов. В словообразовательных цепочках и парадигмах своеобразно переплетаются заимствования и образования, созданные на базе русских слов с помощью узбекских аффиксов, например:

а) гнезда с исходным именем прилагательным:

реал	{	реал-лик реал-изм → реал-ист → реалист-ик реал-лаш/моқ но-реал
рационал	{	рационал-изм → рационал-ист рационал-изация рационал-изатор → рационализатор-лик рационал-лаш/тир/моқ → рационаллаштир-иш;

б) гнезда с исходным именем существительным:

Маркс	{	маркс-изм { маркс-ист → марксист-ик → анти-марксистик марксизм-ленинизм маркс-чи → марксчи-ленинчи маркс-ча → марксча-ленинча
демократ	{	демократ-изм демократ-ия → демократ-ик → анти-демократик демократ-лаш/тир/моқ → демократлаштир-иш демократ-лаш/моқ

Достаточно значителен в гнездах удельный вес узбекских аффиксальных образований. Часто одно русское исходное слово на узбекской почве дает целый пучок производных. Это свидетельствует об активной роли заимствований из русского языка в узбекском словопроизводстве.

Примеры:

коллектив I, сущ.	{	коллектив-чилик коллектив-лик коллектив II, прил. коллектив-ла/моқ → коллективла-ш коллектив-лаш/тир/моқ → коллективлаштир-иш
система	{	система-ли система-сиз система-ла/моқ → системала-и; система-лаш/тир/моқ → системалаштир-иш

Узбекские аффиксы последовательно, один за другим могут присоединяться к основе исходного слова, как бы нанизываться на нее. Причем, они одинаково легко сочетаются с производным словом любой ступени словообразования, независимо от его русского или узбекского происхождения. Примеры (гнезда даются сокращенно):

идея	{	идея-ли идея-сиз идея-вий → идеявий-лик иде-ал I, сущ. → идеал-изация иде-ал II, прил. → { идеал-изм → идеал-ист → идеалист-ик идеал-лаш/тир/моқ → идеаллаштир-иш
партия	{	партия-ли партия-сиз партия-вий → партиязий-лик
группа	{	группа-чи группа-боз → группабоз-лик
машина	{	машин-ист машина-чи → машиначи-лик машина-шунос → машинашунос-лик машина-соз → машинасоз-лик машина-лаш/тир/моқ → машиналаштир-иш

Итак, в составе гнезда в словообразовательных отношениях находятся как русские заимствования, так и слова, созданные на узбекской почве. Словообразовательные пары, перенесенные из русского языка (ср. *машина — машинист, музыка — музыкант, комбайн — комбайнер, милитаризм — милитарист, оппортунизм — оппортунист* и т. п.), в синхронной системе словообразования узбекского языка занимают значительное место, а в процессе развития гнезда выступают одним из источников его пополнения. Однако главным и более мощным источником обогащения и пополнения гнезда заимствованных слов рано или поздно становится узбекская аффиксация.

IV. Аффиксация на базе русизмов активно действует в системе трех основных частей речи — имен существительных, прилагательных и глаголов.

1. Имена существительные

1) В области имен существительных наиболее продуктивными являются названия лиц. В словообразовательном освоении русизмов и в производстве слов на базе заимствований из русского языка самое деятельное участие принимает узбекский суффикс лица *-чи*, соответствующий более чем пятидесяти русским суффиксам, образующим названия лиц мужского и общего рода: *-щик(-чик), -овщик(-евщик), -льщик(-ельщик); -тель(-итель); -ец, -енец, -овец(-евец), -лец; -ик; -ник, -льник; -ун; -ак(-як); -ин; -анин(-янин); -ан(-ян); -ист; -ант(-янт), -ент; -атор, -тор; -ор, -ёр, -ер, -онер; -ир; -арь; -ар(-яр); -ит; -ат; -ач; -ок; -ль; -тай; -ич, -ович; -аш(-яш); -яй, -тяй; -ак(а); -л(а); -к(а)* и др.

Суффикс *-чи* присоединяется к основам с самой разнообразной семантикой и структурой и образует название лица по самым различным признакам: по роду деятельности и занятий; по политическим убеждениям, принадлежности к тем или иным идейным течениям; по специфическим чертам характера и склонностям; по отношению к учреждениям, организациям и т. п. При помощи суффикса *-чи* широко образуются названия лица во всех сферах производственной деятельности, культуры, отдыха, спорта и т. д.: 1) спорт — *спортчи*, теннис — *теннисчи*, физкультура — *физкультурачи* и др.; 2) гармонь — *гармончи*, гитар — *гитарчи* и др.; 3) трамвай — *трамвайчи*, монотип — *монотипчи*, экскаватор — *экскаваторчи*, комбайн — *комбайнчи*, сеялка — *сеялкачи* и др.; 4) роман — *романчи*, элегия — *элегиячи*, мемуар — *мемуарчи* и др.; 5) сварка — *сваркачи*, заправка — *заправкачи* и др.; 6) Ленин — *Ленинчи*, Мичурин — *мичуринчи*, Стаханов — *стахановчи* и др.; 7) стачка — *стачкачи*, забастовка — *забастовкачи*, локаут — *локаутчи* и др.; 8) магазин — *магазинчи*, склад — *складчи*, лоток — *лотокчи* и др.; 9) табель — *табельчи*, учет — *учетчи* и др.; 10) десант — *десантчи*, гранатомёт — *гранатомётчи* и др.; 11) завод — *заводчи*, колхоз — *колхозчи* и др.; 12) цирк — *циркчи*, фокус — *фокусчи* и др.; 13) дружина — *дружиначи*, гестапо — *гестапочи* и др.; 14) интрига — *интригачи*, шантаж — *шантажчи* и др.; 15) забой — *забойчи*, мартен — *мартенчи*, гардероб — *гардеробчи* и др.

См. также: *мебель* — *мебельчи*, монтаж — *монтажчи*, турбина — *турбиначи*, трубопровод — *трубопроводчи*, секундомер — *секундомерчи*, мимика — *мимикачи*, интервью — *интервьючи*, импорт — *импортчи*, заказ — *заказчи*, доклад — *докладчи*, самовар — *самоварчи* и т. п.

Словообразование при помощи суффикса *-чи* не знает тех семантических, стилистических, формальных ограничений, какие испытывают его русские эквиваленты. Суффикс *-чи* играет большую роль в приобщении заимствований из русского языка к системе узбекского словообразования. Среди узбекских суффиксов, образующих названия лица и используемых при образовании слов на базе русизмов, он имеет самый широкий диапазон действия. Остальные суффиксы лица имеют узкое применение, встречаются лишь в отдельных группах слов или в составе единичных образований. Так, например, суффикс *-соз* (таджикско-персидского происхождения, обозначает 'делающий', 'строющий') сочетается с небольшой группой существительных типа *машинасоз*, *станоксоз*, *паровозсоз*, *тепловозсоз* и т. п., которые соответствуют русским *машиностроитель*, *станкостроитель*, *паровозостроитель*, *тепловозостроитель*. Сюда же: *монументсоз* (синоним *монументчи*), *ящиксоз* (от *ящик*) (синоним *ящикчи*). Немногочисленны образования с суффиксом *-боз* (тоже таджикско-персидского происхождения) типа *группабоз*, *цитатбоз* и др.

Суффикс *-лик* образует названия лиц по месту рождения и проживания: Сибирь — *сибирлик* ('сибиряк'), Москва — *москвалик* ('москвич'), Ленинград — *ленинградлик* ('ленинградец'), Новгород — *новгородлик* ('новгородец') и т. п.

2) После суффикса лица *-чи* самым продуктивным суффиксом имен существительных является *-лик*. Сочетаясь с русскими основами личных имен существительных, он обозначает занятие, звание, общественное положение, должность лица: *авторлик*, *акушерлик*, *прокурорлик*, *президентлик*, *педагоглик*, *партизанлик*, *оппонентлик*, *новаторлик*, *штрейкбрехерлик*, *токарик*, *судьялик*, *мастерлик*, *доцентлик*, *донорлик*, *дири-*

жерлик, депутатлик, врачлик, вахтерлик, кандидатлик и др. В этом случае *-лик* по значению обычно соответствует русскому суффиксу *-ств(о)*.

Широко сочетается *-лик* с личными именами существительными, образованными на базе русизмов при помощи суффикса *-чи*, например: *разведкачилик, машиначилик, газетачилик, коллективчилик, саботажчилик, растратчилик* и др. Некоторые из этих слов совмещают значения абстрактного имени существительного и прилагательного. Например, слово *коллективчилик* обозначает «коллективный» и «коллективизм», «коллективность». Но: *террорчилик, растратчилик* обозначают понятия «терроризм», «растрата» и выступают только как существительные.

Суффикс *-лик* присоединяется также к названиям лица с суффиксом *-соз: станок — станоксоз — станоксозлик, машина — машинасоз — машинасозлик*. В современном узбекском языке слова типа *станоксозлик, машинасозлик* возникают уже, минуя среднюю ступень — название лица с суффиксом *-соз*, ибо под влиянием русского языка формируется новый словообразовательный тип: эти слова образуются путем присоединения составного аффикса *-созлик* к существительному, обозначающему процесс создания какого-либо предмета. Примеры: *авиаomotor — авиаomotorсозлик, автомобиль — автомобилсозлик, комбайн — комбайнсозлик, экскаватор — экскаваторсозлик, тепловоз — тепловозсозлик, самолет — самолетсозлик* и др. По данным имеющихся словарей², слова на *-созлик* делятся на два типа. К первому относятся слова, выступающие только как имена существительные, в которых суффикс *-созлик* соответствует конечной части сложных слов *-строение: моторсозлик, комбайнсозлик, экскаваторсозлик* и др. Ко второму типу относятся слова, совмещающие функцию имен существительных и имен прилагательных: *автомобилсозлик, вагонсозлик* и др. В «Узбекско-русском словаре» под редакцией А. К. Боровкова читаем: «**Вагонсозлик** вагностроение; // **вагностроительный**; ~ заводи вагностроительный завод»; «**Авиамоторсозлик** авиамоторстроение; ~ заводи авиамоторстроительный завод»; «**Паровозсозлик** паровозстроение; // паровозстроительный; ~ заводи паровозстроительный завод», но: «**Тепловозсозлик** тепловозстроение».

Как единый словообразовательный аффикс выступает также *-бозлик*, например: *цитата — цитатбозлик* (ср. рус. *цитатничество*), *штик* ('штык') — *штикбозлик* ('штыковой бой, штыковая атака') и др. Ср. в сочетании с узбекскими основами: *бемаза — бемазабозлик, қарсак — қарсакбозлик, пичоқ — пичоқбозлик* ('поножовщина') *қарор — қарорбозлик, чапак — чапакбозлик* ('хлопанье в ладоши'). Но: *қимор* ('азартная игра') — *қиморбоз — қиморбозлик, қайроқ* ('кастаньеты') — *қайроқбоз — қайроқбозлик*. Суффикс *-бозлик* употребляется в явно отрицательном значении чрезмерной увлеченности чем-либо. Ср. *план* и *планбозлик* (неодобр. 'плановая чехарда, чрезмерное увлечение составлением планов' — «Узбекско-русский словарь». М., 1959); *цитата* и *цитатбозлик* ('чрезмерное увлечение цитатами, «жонглирование» цитатами, цитатничество'. Там же).

Суффиксы *-созлик, -бозлик* ни авторы грамматик, ни составители словарей обычно не фиксируют³. Очевидно, настало время отличать, с

² См., например: «Узбекско-русский словарь», М., 1959; *Олим Усмон, Ренат Данияров*, Русча-интернационал сўзлар изоҳли луғати. Тошкент, 1965; *Р. Кунгуров, А. Тихонов*. Обратный словарь узбекского языка (Пособие для студентов). Самарканд, 1969.

³ Эти суффиксы отсутствуют и в «Грамматике современного узбекского литературного языка» А. Н. Кононова (М.—Л., 1960), и в списке «Словообразовательных и словоизменяемых аффиксов узбекского языка» З. М. Магруфова (Приложение к «Узбекско-русскому словарю» под редакцией проф. А. К. Боровкова), где дана подробная характеристика аффиксальной системы существительных узбекского языка.

одной стороны, суффиксальные комплексы *-соз+лик*, *-боз+лик*, с другой — самостоятельные суффиксы *-созлик*, *-бозлик*, достаточно продуктивные в современном узбекском языке.

Суффикс *-лик* присоединяется также к прилагательным русского происхождения или образованным в узбекском языке на базе основ русских слов, например: *рентабел — рентабеллик*, *коллегия — коллегияллик* — *коллегиаллик*, *пассив — пассивлик*; *параллель — параллеллик* (также *параллелизм*), *оператив — оперативлик*, *либерал (сущ.) — либерал (прил.) — либераллик* (также *либерализм*), *синхрон — синхронлик* (также *синхронизм*) и др. В отадъективных образованиях *-лик* полностью соответствует русскому суффиксу имени качества *-ость*.

Суффикс *-лик* образует имя качества от прилагательных с отрицанием *-сиз*, созданных на базе русизмов. Примеры: *мотор — моторсиз — моторсизлик*, *партия — партиясиз — партиясизлик*, *система — система-сиз — системасизлик*; но: *тактика — тактикасизлик*. Последний пример показывает, что существительные на *-сизлик* по аналогии с существующими могут появляться и в тех случаях, когда нет производящего имени прилагательного с суффиксом *-сиз*. Потенциально оно существует, если даже словари его не фиксируют.

3) От заимствованных русских слов остальные разряды существительных образуются редко. Немногочисленную группу составляют производные слова с суффиксом *-хона*: *ремонт — ремонтхона*, *почта — почтахона*, *силос — силосхона* ('силосная траншея, силосная башня'), *консул — консулхона* ('консульство, учреждение'), *доктор — докторхона* ('амбулатория, поликлиника') и др.

4) Несмотря на активное влияние русского языка на узбекское словообразование, в узбекском языке имеются лишь три русских аффикса⁴, которые свободно присоединяются к исконно узбекским производящим основам. Другие русские словообразующие аффиксы на узбекской почве непродуктивны, хотя и вычленяются свободно в составе заимствованных из русского языка слов. Однако на этом лишь основании нельзя считать, что они не стали фактом узбекского языка, как иногда утверждают некоторые исследователи.

В составе заимствований из русского языка легко вычленяются следующие аффиксы имен существительных: суффиксы *-изм*; *-ист*; *-ация*; *-атор*; *-ик*; *-ант*, *-ент*; *-ер*, *-ор(ёр)*, *-онер*; *-тор*; *-ура*; *-ика*; *-ия*; *-ир*; *-ат*, *-иат*; *-итет*; *-ит*; *-есса*; *-ка*, *-овка*; *-аж*; *-мейстер*; *-арий* и др.; приставки *анти-*, *а-*. Они функционируют как полноценные аффиксы, обладают словообразовательным значением, которое реализуют в словообразовательных парах, в ряду однотипных образований, представленных в узбекском языке минимум двумя-тремя парами, а чаще всего большими пластами слов. Так, суффикс *-изм* в слове *марксизм* свободно выделяется и легко осмысливается, с одной стороны, на фоне однокоренных слов *Маркс*, *марксист* и т. д., с другой стороны, на фоне одноструктурных, однотипных образований, какими являются *ленинизм*, *дарвинизм*, *большевизм*, *коллективизм*, *коммунизм* и другие; суффикс *-ист* в слове *медалист* вычленяется не только потому, что это существительное входит в пару *медаль — медалист*, но и потому, что в узбекском языке имеется более трехсот таких пар. Ср. *акварель — акварелист*, *автомобиль — автомобилист*, *модель — моделист*, *мотор — моторист*, *протез — протезист*, *пропаганда — пропагандист* и т. п.

⁴ Это фамилие- и отчествообразующие аффиксы: *-ов(-ев)*, *-ович (-евич)*, *-овна (-евна)*.

Достаточно отчетливо выделяются русские аффиксы и в словах, имеющих связанные корни. Ср. *туризм* — *турист*, *атеизм* — *атеист*, *нигилизм* — *нигилист*, *футуризм* — *футурист*, *фанатизм* — *фанатик*, *эклетицизм* — *эклетик*; *механизация* — *механизатор*, *эксплуатация* — *эксплуататор*, *агитация* — *агитатор*; *оккупация* — *оккупант*, *эмиграция* — *эмигрант*; *литература* — *литератор*, *скульптура* — *скульптор*, *корректур* — *корректор* и др.

Членимость этих слов и выделение в их составе полнокровных аффиксов подтверждают также примеры употребления таких аффиксов в сочетании со свободным корнем.

Связанные заимствованные корни в узбекском языке представлены разнообразными типами: 1) в сочетании с аффиксами, с которыми употребляется связанный корень в русском языке, например: *гуманизм* — *гуманист*, *пульверизация* — *пульверизатор*, *антагонизм* — *антагонист*; 2) в сочетании с русским и узбекским аффиксами: *бронхлар*, *бронхит*; *архаизация*, *архаизм*, *архайк* ('арханческий'); *гальванизация*, *гальваник* ('гальванический'); *дефолиантлар*, *дефолиация*; 3) в сочетании только с узбекскими аффиксами: *валентли*, *валентлик*.

Последние два случая особенно ярко свидетельствуют о том, что в словах со связанным корнем выделяются полноценные словообразовательные аффиксы.

Семантическому освоению русских словообразовательных аффиксов способствует тесное взаимодействие русских и узбекских производных слов. Во многих случаях заимствованные образования находятся в отношении синонимии и конкуренции с производными словами, созданными на базе русских основ при помощи узбекских словообразовательных аффиксов. Благодаря наличию рядом узбекского эквивалента значение русского суффикса воспринимается без каких бы то ни было затруднений, хорошо осмысливается. На фоне узбекского заимствованное производное слово имеет прозрачную семантическую и словообразовательную структуру. Ср. в словообразовательных парах:

-ёр, -ор, -онер// -чи, -дор: *лифт* — *лифтер* и *лифт* — *лифтчи*, *комбайн* — *комбайнер* и *комбайн* — *комбайнчи*, *шахта* — *шахтер* и *шахта* — *шахтчи*, *коллекция* — *коллекционер* и *коллекция* — *коллекциячи*, *акция* — *акционер* и *акция* — *акциядор*;

-ист, -онист// -чи: *юмор* — *юморист* и *юмор* — *юморчи*, *контрабанда* — *контрабандист* и *контрабанда* — *контрабандачи*, *кавалерия* — *кавалерист* и *кавалерия* — *кавалериячи*, *экспансия* — *экспансионист* и *экспансия* — *экспансиячи*;

-ист, // -шунос, -навис: *араб* — *арабист* и *араб* — *арабшунос*, *архив* — *архивист* и *архив* — *архившунос*; *новелла* — *новеллист* и *новелла* — *новелланавис*;

-ант (-янт), -ент// -чи: *диплом* — *дипломант* и *диплом* — *дипломчи*, *диверсия* — *диверсант* и *диверсия* — *диверсиячи*, *музыка* — *музикант* и *музыка* — *музикачи*.

Дублетные образования встречаются не только в сфере наименований лиц. Варианты достаточно продуктивны в области имен действия. Ср. *синхронизация* и *синхронлаш*, *полимеризация* и *полимерланиш*, *паспортизация* и *паспортлаштириш*, *рационализация* и *рационалаштириш*, *тарификация* и *тарифлаш*, *стабилизация* и *стабиллаштириш* и др.

Особый тип дублетных образований составляют заимствованные имена существительные на *-ация*, *-изация* и образованные на их базе при помощи узбекских аффиксов *-лаш*, *-лаштириш* и др. имена действия. Ср. *сатурация* и *сатурациялаш*, *модернизация* и *модернизациялаш*, *ратификация* и *ратификациялаш*, *архаизация* и *архаизациялаштириш* и др. В таких узбекских производных именах действия «процессуаль-

ность» выражена дважды: при помощи суффикса *-(из)ация* и узбекских аффиксов *-лаш*, *-лаштириш*.

На наш взгляд, это нецелесообразно. Вряд ли подлежит сомнению, что двойное выражение предметности действия необходимо устранить, ибо оно без всякой надобности чрезмерно удлинит слово: присоединение аффикса *-лаштириш* к суффиксу *-(из)ация* удлинит узбекское существительное на восемь звуков (и букв). Дело в том, что эта вновь прибавленная часть слова никакой новой информации не несет. Она выражает то же, что и суффикс *-(из)ация*.

Устранение двойственности выражения можно осуществить двумя путями: первый путь — сохранение суффикса *-(из)ация* и отказ от прибавления аффиксов *-лаш*, *-лаштириш*; второй путь — устранение, усечение суффикса *-(из)ация* и прибавление узбекских аффиксов прямо к корневой части слова, например, *милитарлаштириш*, *модернлаш* и т. д. При этом, в ряде случаев, конечно, могут возникнуть различные морфологические препятствия, семантические трудности, например, трудности в выражении необходимой информации при помощи усеченных основ. Так, в результате устранения суффикса *-(из)ация* в слове *архаизация* остается корень *арха-*. Он уже явно не передает той информации, которую обычно выражает в комплексе с «привычными» для него аффиксами (*архаизм*, *архаический*, *архаизировать* и т. п.). Однако и в таких случаях можно найти (или создать) необходимые основы для образования имени действия, например, *архаиклаштириш* вместо *архаизация-лаштириш*. Существительное *архаиклаштириш*, образованное от основы имени прилагательного *архайк* ('арханческий'), сохраняет ясные формальные и семантические связи с своим производящим.

Одновременно с решением проблемы выбора форм на *-(из)ация* или *-лаштириш* должны решаться вопросы образования самих глаголов, так как рассматриваемые существительные являются производными от глаголов. В современном узбекском языке существуют аналитические и аффиксальные типы глаголов, соотносительные с именами существительными на *-(из)ация* и *-лаштириш*, например: *модернизация қилмоқ* и *модернизациялаштирмоқ*, *ратификация қилмоқ* и *ратификацияламоқ* и т. п. Если сохранить имена существительные на *-(из)ация*, то, естественно, следует оставить аналитические глаголы типа *модернизация қилмоқ*. Если же отдать предпочтение образованиям типа *модернизациялаштириш*, то останутся аффиксальные глаголы, то есть *модернизациялаштирмоқ*.

Разработка оснований выбора одного из вариантов и последовательное соблюдение принятых принципов в образовании новых слов при словообразовательной обработке новых заимствований остается одной из актуальных задач современного узбекского (шире — тюркского) языкознания. В связи с этим в специальном изучении нуждаются и вопросы устранения словообразовательной дублетности в названиях лиц, а также в области других разрядов имен существительных, где в результате благотворного влияния русского языка вариантность получила исключительно широкое распространение. Рекомендации по выбору вариантов могут быть разработаны лишь с обязательным учетом словообразовательных возможностей узбекского языка, тенденций его развития, всех путей и широких перспектив дальнейшего сближения и взаимообогащения русского и узбекского языков.

2. Имена прилагательные

1) Имена прилагательные на базе заимствований из русского языка образуются при помощи аффиксов *-ли*, *-сиз*, *-(в)ий*, *-симон*, *-аро*, приставки *но-*.

Наиболее активным в словопроизводстве является суффикс *-ли*. В случае необходимости он может присоединяться к основам с любой структурой. Широкая сочетаемость этого аффикса с разнообразными типами производящих основ объясняется также его полисемией. По данным А. Н. Кононова, в современном узбекском языке аффикс *-ли* обозначает «наличие того, обладание тем, что названо в исходной основе». Кроме того, он образует имена прилагательные «с предметным значением», со значением «характерного признака», со значением «годный для чего-либо», «годный на что-либо», «доступный, возможный к осуществлению»⁵.

Причину исключительной продуктивности суффикса *-ли* некоторые языковеды видят в бедности класса относительных прилагательных в тюркских языках и в большой потребности в его пополнении. Справедливо об этом пишет Т. М. Гарипов: «В связи с общей относительной бедностью класса собственно прилагательных в тюркских языках и довольно медленным расширением круга своих основ, необходимых для построения новых слов, а также (и может быть, главным образом) потому, что многие языки тюркской семьи щедро включали в свой словарный состав большое число заимствований (в основном, имен существительных), аффикс *-лы* стал с необыкновенной легкостью осваивать эти новые для себя и чуждые ему по происхождению основы. В результате этого крайне интересного процесса в башкирском языке появились целые пласты слов, образованных от иноязычных основ при посредстве аффикса *-лы*. Наиболее широко представлены в башкирском языке образования от основ, заимствованных из русского языка»⁶. Все это полностью можно отнести и к узбекскому языку. Аффикс *-ли* в нем имеет исключительно широкие словообразовательные возможности, присоединяясь к именам существительным с самой разнообразной структуры и семантики, например: *пломба — пломбали, палата — палатали, резьба — резьбали, ракета — ракетали, руда — рудали, кислота — кислотали, музыка — музыкали, частота — частотали* и др.

Аффикс *-ли* по семантике соответствует множеству русских аффиксов, выражающих различные словообразовательные значения: *-н-ый, -ов-ый, -ск-ий, -ист-ый, -очн-ый, -ическ-ий, -альн-ый, -ан-ый (-ян-ый), -ичн-ый, -ив-ый, -ивн-ый, -онн-ый* и др. Ср. *миллионный* и *миллионли*; *литровый* и *литрли*; *смолистый* и *смолали*; *ритмичный*, *ритмический* и *ритмли*; *конституционный* и *конституцияли*; *циклический* и *циклли*; *музыкальный* и *музыкали* и др.

К продуктивным аффиксам прилагательных относится также *-сиз*, несколько уступающий по активности *-ли*. По значению он соответствует русским префиксальным образованиям с приставками *не-, а-*, префиксально-суффиксальным образованиям, созданным по модели *без- ... -н-ый*: *портфель — портфельсиз, партия — партиясиз, контроль — контролсиз, симметрия — симметриясиз, план — плансиз, дотация — дотациясиз* и др. Ср. *бессистемный* и *системасиз*; *бесконтрольный* и *контролсиз* и др.

Большинство имен прилагательных с аффиксами *-ли* и *-сиз* в узбекском языке образует антонимические пары, например: *перспективали — перспективасиз, планли — плансиз, системали — системасиз, пальтоли — пальтосиз* и др.

В отдельных случаях производные слова с суффиксом *-сиз* вступают в синонимические отношения с именами, образованными при помощи приставки *но-*. Ср. *комплектсиз* и *нокомплект*.

⁵ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 147—148.

⁶ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, стр. 124.

Аффикс **-аро**. Прилагательные с этим аффиксом соответствуют русским производным словам типа *межобластной (областлараро): район—районаро, район/лар — районлараро* и др.

Аффикс **-(в)ий**. А. Н. Кононов отмечает, что он «служит для производства имен прилагательных от имен существительных; в узбекском языке непродуктивен, сохраняется лишь в старых заимствованиях»⁷. В последнее время этот аффикс широко и довольно удачно используют для образования имен прилагательных на базе русизмов, например: *этика—этикавий, техника — техникавий (техникавий экинлар), музыка — музикавий, гигиена — гигиенавий, агротехника — агротехникавий, идея—идеявий, химия — химиявий, партия — партиявий (антипартиявий)* и др. Иногда такие слова выступают как синонимичные образования с прилагательными на *-ли, -ик*. Ср. *этика — этик и этика — этикавий, техника — техник и техника — техникавий, музыка — музикали и музыка — музикавий*.

Аффикс **-симон**. Соответствует русским именам прилагательным на *-подобный -образный, -видный*, то есть выражает значение подобия, сравнения. Например: *воронка — воронкасимон* ('воронкообразный'), *газ — газсимон* ('газообразный'), *конус — конуссимон* ('конусообразный, конусовидный'), *машина — машинасимон* ('похожий на машину', 'механический'), *порошок — порошоксимон* и др. В русском языке отсубстантивные прилагательные на *-видный, -образный, -подобный* весьма продуктивны не только в сфере общеупотребительной лексики, в разговорно-бытовой речи, но и в различных терминологических системах. В «Обратном словаре русского языка» (М., 1974) зафиксировано 149 прилагательных на *-видный, 44 на -образный* и 33 на *-подобный*. Все три типа в современном русском языке активно пополняются, контакты русского и узбекского языков в сфере этих прилагательных постоянно укрепляются, расширяются.

Приставка **но-**. Используется она в немногочисленных случаях: *реал — норал, объектив — нообъектив, комплект — нокомплект, нормал — ноноормал, легал — нолегал, органик — ноорганик* и др.

2) Под влиянием русского языка в узбекском языке сформировался целый ряд суффиксов, образующих относительные прилагательные от имен существительных. К ним относятся: *-йк* (ср. рус. *-ическ-ий*), *-он* (ср. рус. *-онн-ый*), *-ив* (ср. рус. *-ивн-ый*), *-ал* (ср. рус. *-альн-ый*), *-ар* (ср. рус. *-арн-ый*), *-абел* (ср. рус. *-абельн-ый*).

Самым продуктивным из них является суффикс *-йк (-ат/йк, -ет/йк): миф — мифйк, эмблема — эмблематйк, синтез — синтейтйк, драма — драматйк, схоласт — схоластйк* и др.

В качестве производящих при них часто выступают имена существительные на *-ия*. Причем, элемент *-ия* при сочетании производящей основы с суффиксом *-йк* усекается: *монография — монографйк, орфоэпия — орфоэпйк*.

Большая группа производных прилагательных на *-йк* одновременно соотносится с существительным — названием лица и с однокоренным существительным на *-ия*: *ортопед — ортопедйк и ортопедия — ортопедйк, литограф — литографйк и литография — литографйк, поэт — поэтйк и поэзия — поэтйк* и др.

Среди производящих большими пластами представлены существительные на *-метр* и *-метрия, -лог* и *-логия, -скоп* и *-скопия, -граф* и *-графия* и др. От них образованы имена прилагательные: *радиометрик, трионометрик* и др.; *микроскопик, стереоскопик* и др.; *библиографик* и др.;

⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 132.

дерматологик, диалектологик, онкологик, антропологик, палеонтологик, патологик и др.

Значительную группу составляют прилагательные с суффиксом *-ик*, соотносительные с существительными на *-изм*, *-ист*: *дуализм*, *дуалист* — *дуалистик*; *сенсуализм*, *сенсуалист* — *сенсуалистик*; *позитивизм*, *позитивист* — *позитивистик*.

Суффикс *-ик* активно образует прилагательные на базе существительных на *-ика*. Происходит смена суффиксов *-ика// -ик*: *ботаника* — *ботаник*, *специфика* — *специфик*, *баллистика* — *баллистик*, *статистика* — *статистик*, *математика* — *математик*, *статика* — *статик* и др.

Аффикс *-он*⁸ является менее продуктивным, чем *-ик*. Он присоединяется к основам на *-ация* (*-яция*), *-ция*, *-сия*, *-зия*: *мультипликация* — *мультипликацион*, *радиация* — *радиацион*, *пунктуация* — *пунктуацион*, *реакция* — *реакцион* и др.

Аффикс *-ив*. Присоединяется к основам на *-ация*, *-ция*, *-сия*, *-с*, *-т*: *регресс* — *регрессив*, *лесомелиорация* — *лесомелиоратив*, *импульс* — *импульсив*, *мелиорация* — *мелиоратив*, *конспект* — *конспектив*, *консультация* — *консультатив*, *декорация* — *декоратив* и др.

От слов на *-ция*, *-сия* иногда образуются два прилагательных, при помощи аффиксов *-ив* и *-он*: *индукция* — *индуктив*, *индукцион*; *демонстрация* — *демонстратив*, *демонстрацион* и др.

Аффикс *-ал* (*-уал*, *-онал*). Один из продуктивных аффиксов: *гений* — *гениал*, *инструмент*, — *инструментал*, *горизонт* — *горизонтал*, *интеллект* — *интеллектуал*, *минимум* — *минимал* и др.

Аффиксы *-ар* (*-яр*), *-абел*. Встречаются в единичных образованиях: *комфорт* — *комфортабел*; *элемент* — *элементар*, *молекула* — *молекуляр*, *парламент* — *парламентар* и др.

В немногочисленных случаях используются приставки *анти-*, *супер-*, *ультра-* и др.: *демократик* — *антидемократик*, *империалистик* — *антиимпериалистик*, *коммунистик* — *антикоммунистик*, *партиявий* — *антипартиявий*, *фракцион* — *антифракцион* и др.; *ультратовуши тулқинлари* ('ультразвуковые волны'), *ультрабинафша нуллар* ('ультрафиолетовые лучи'), *ультрақисқа тўлқин* ('ультракороткие волны') и др.

3. Глаголы

1) Заимствованные из русского языка имена существительные и прилагательные активно участвуют в образовании глаголов. Наиболее продуктивными аффиксами, при помощи которых образуются от них глаголы, являются *-ла-моқ*, *-лаш-моқ*, *-лаш/тир-моқ*. Производные слова с суффиксом *-лан-моқ* в этой системе словообразования занимают скромное место.

Подавляющее число образований приходится на аффикс *-ла-моқ*. Он образует глаголы: а) от имен существительных: *пломба* — *пломбаламоқ*, *заряд* — *зарядламоқ*, *бронза* — *бронзаламоқ*, *газ* — *газламоқ*, *норма* — *нормаламоқ* и др. Нетрудно заметить, что аффикс *-ла-* имеет обширный состав производящих существительных с самой разнообразной семантикой и структурой. Это и названия конкретных предметов, и веществ, и слова с абстрактным значением, и имена действия, и т. д. Данное обстоятельство определяет перспективные возможности рассматриваемого словообразовательного типа; б) от имен прилагательных:

⁸ В указанной работе А. Н. Косонова говорится о суффиксе *-ион* (стр. 154). Однако здесь *-и-*, как нам кажется, является фонемой производящей основы и поэтому в состав аффикса входить не может.

нейтрал — нейтралламоқ, популяр — популярламоқ, синхрон — синхронламоқ, абстракт — абстрактламоқ и др.

Аффикс *-лаш-мок*. Образует глаголы: а) от имен существительных: *машина* — *машиналашмоқ*, *шаблон* — *шаблонлашмоқ*, *кооператив* — *кооперативлашмоқ*, *мотор* — *моторлашмоқ* и др.; б) от имен прилагательных: *пассив* — *пассивлашмоқ*, *стандарт* — *стандартлашмоқ*, *флексив* — *флексивлашмоқ*, *рационал* — *рационаллашмоқ* и др.

Аффикс *-лан-мок*. С заимствованными основами сочетается редко: *кристалл* — *кристалланмоқ*, *адрес* — *адресланмоқ*, *индукция* — *индукцияланмоқ* и др. Это, очевидно, объясняется тем, что он в современном узбекском языке в конкурентной борьбе уступает свои позиции аффиксу *-лаш-моқ*⁹.

Сюда же относятся глаголы возвратно-страдательного залога на *-ланмоқ*, которые образуются на базе глаголов, имеющих суффикс *-ламоқ*. Здесь вычленяется *-ла-н-моқ*, а не *-лан-моқ*. Ср.: *норма* — *нормаламоқ* — *нормаланмоқ*, *деформация* — *деформацияламоқ* — *деформацияланмоқ*, *дистилляция* — *дистилляцияламоқ* — *дистилляцияланмоқ* и др.

Аффикс *-лаш/тир-мок*. Он обычно не выделяется в узбекских грамматиках. В списке аффиксов З. М. Магруфова имеется только *-лаштириш*. Автор пишет, что этот аффикс «образует имена действия (отглагольные существительные), соответствующие русским существительным, образованным с помощью окончаний „-фикация“, „-изация“, напр., *электрлаштириш* ‘электрификация’, *радиолаштириш* ‘радиофикация’, *коллективлаштириш* ‘коллективизация’»¹⁰. Впрочем, данные словаря это не подтверждают. Существительное *коллективлаштириш* в словаре дается как производное от глагола *коллективлаштирмоқ*, который образован от *коллективлашмоқ*. Другое существительное *радиолаштириш* вообще отсутствует в словаре. Имеются лишь глаголы *радиолашмоқ* и *радиолаштирмоқ*. Значит: *радио* — *радиолашмоқ* — *радиолаштирмоқ* — *радиолаштириш*. Что же касается третьего слова — *электрлаштириш*, то, по данным словаря, оно тоже является производным от глагола: *электр* — *электрлашмоқ* — *электрлаштирмоқ* — *электрлаштириш*.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях *-лаш-* и *-тир-* выступают как самостоятельные аффиксы, последовательно (один за другим) присоединяющиеся к производящей основе.

Однако комплекс *-лаш/тир-моқ* все же существует в узбекском языке, и в современном узбекском языке немало слов, которые образованы присоединением *-лаштир-моқ* к производящей именной основе. Примеры: *романтика* — *романтикалаштирмоқ*, *драма* — *драмалаштирмоқ*, *газ* — *газлаштирмоқ*, *индивидуал* — *индивидуаллаштирмоқ*, *район* — *районлаштирмоқ*, *кино* — *кинолаштирмоқ* и др. По данным «Узбекско-русского словаря», при этих глаголах отсутствуют образования на *-лаш-моқ*, которые могли бы выступить производящими. Иное дело: *стабил* — *стабиллашмоқ* — *стабиллаштирмоқ*, *реал* — *реаллашмоқ* — *реаллаштирмоқ*, *революцион* — *революционлашмоқ* — *революционлаштирмоқ* и т. д.

Глаголы, образованные на базе заимствований из русского языка при помощи добавления к ним узбекских деривационных аффиксов, свободно участвуют во внутривербальном словообразовании, имеют весь предусмотренный для узбекских слов набор залоговых и иных форм. Ср. *кооператив* — *кооперативлашмоқ* — *кооперативлаштирмоқ* — ко-

⁹ О параллельных образованиях с суффиксами *-лаш-моқ* и *-лаш-моқ* см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 251.

¹⁰ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 722.

оперативлаштирилмоқ, машина — машиналашмоқ — машиналаштирмоқ — машиналаштирилмоқ и т. п.

2) Чрезвычайно широкие возможности узбекского языка в образовании аналитических глаголов от имен существительных путем прибавления к ним грамматикализованного слова *қилмақ* (делать), например: *шрифтовка қилмақ, унификация қилмоқ, телефон қилмоқ, тормоз қилмоқ* (= *тормозламоқ* 'тормозить'), *сортировка қилмоқ*, (ср. *сортламоқ*), *диктовка қилмоқ, симуляция қилмоқ* и др. Такие глаголы успешно конкурируют с аффиксальными образованиями, широко употребляются в современном узбекском языке и не обнаруживают тенденции к сокращению. Обычно аналитические глаголы предшествуют образованию аффиксальных слов и выступают как важное звено в глагольном словопроизводстве, ибо служат как бы ступенью, предшествующей аффиксации. Аффиксальные производные легче и быстрее возникают там, где уже имеются аналитические глаголы.

* * *

Русский язык оказал и продолжает оказывать существенное влияние на словообразование узбекского языка в области имен существительных, прилагательных, глаголов.

Прежде всего следует отметить, что под влиянием русского языка значительно пополнилась производящая база узбекского словообразования. Узбекский язык заимствовал из русского языка не только отдельные слова, но и целые, зачастую обширные гнезда слов.

Займованные русские слова активно участвуют в узбекском словопроизводстве, образуя целые лучки производных, относящихся к разным частям речи (чаще — к именам существительным, прилагательным, глаголам, реже — к наречиям).

Самым продуктивным способом словообразования является аффиксация. При помощи узбекских суффиксов на базе займований из русского языка созданы большие группы имен существительных, прилагательных, глаголов. В сфере имен существительных особую активность проявляют аффиксы *-чи, -лик*, в именах прилагательных *-ли, -сиз*, в глаголе *-ла-моқ, -лаш-моқ, -лаштир-моқ* и др.

Значительно увеличился семантический потенциал и соответственно расширился словообразовательный диапазон ряда узбекских аффиксов, возросла их функциональная нагрузка.

Под влиянием русского языка активизировались многие словообразовательные типы узбекского языка. Например, в именах существительных расширили свои границы названия лица и действующих предметов, механизмов, наименования производственных процессов, названия отвлеченных понятий и т. д., отдельные разряды сложных слов.

Узбекский язык заимствовал из русского языка ряд словообразовательных аффиксов, которые беспрепятственно сочетаются с исконно узбекскими основами. К ним относятся фамилие- и отчествообразующие аффиксы. Пополнился инвентарь аффиксов узбекского языка, образующих относительные имена прилагательные *-ик, -он, -ив, -ар(-яр)*.

Хорошо освоены в узбекском языке многие русские суффиксы и отдельные префиксы, например: *-ик* (в названиях лица), *-изм, -ист, -атор, -ка* (в названиях лица женского пола), *анти-, супер-, ультра-*. Не все они сочетаются с узбекскими производящими основами, однако, несмотря на это, играют заметную роль в системе узбекского словообра-

зования, обогащая систему словообразовательных корреляций узбекского языка.

Узбекский язык заимствовал из русского немало слов со связанными корнями. Типы таких слов многообразны. Они составляют специфический участок узбекского словообразования.

Следует подчеркнуть, что русский язык оказывает заметное влияние на систему словообразования узбекского языка, обогащая инвентарь словообразующих аффиксов, расширяя словобразовательные возможности многих словообразовательных аффиксов и целых типов.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В. Г. РОДИОНОВ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО СТИХА

Проблемы, связанные с генезисом народного стиха, в той или иной мере затрагивались во многих работах, посвященных поэзии тюркоязычных народов¹. Из них в первую очередь хотелось бы выделить статьи В. М. Жирмунского², в которых впервые были рассмотрены вопросы зарождения стихотворного ритма в древней тюркской поэзии и которые заложили основы нового направления в тюркском стиховедении — историко-генетического, тесно примыкающего к исторической поэтике.

В данной статье исследуется вопрос ритмики народного стиха, изучение которого непосредственно связано с исследованием возникновения других элементов стихотворной речи: строфы, повторов и т. п.

Основными принципами анализа в подобных исследованиях являются генетическое, типологическое и контактное сравнение и сопоставление при их четком различении. Например, сопоставление чувашского стиха со стихами других тюркоязычных народов, в основном, относится к генетическому сравнению. Причем в этом случае не все отмечаемые общие явления могут быть объяснены родственными отношениями. Естественно, духовная культура каждого из древних тюркских племенных объединений имела свои характерные особенности, которые со временем могли проникнуть в культуру соседних народов. Выявлению сходных элементов, возникших в результате взаимодействия разных культур, способствуют контактные сравнения. Таким образом, если схожие явления не находят объяснения с точки зрения генетической общности, то они часто могут быть объяснены историческими связями народов. В некоторых случаях причину возникновения сходных элементов следует искать прежде всего в типологических параллелях, то есть в общих закономерностях зарождения того или иного явления.

¹ См.: З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964; Г. М. Васильев. Якутское стихосложение. Якутск, 1965; И. В. Стеблева. Поэзия тюркоз VI—VIII веков. М., 1965; *ея же*. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971; М. К. Хамраев. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963 и др.

² В. М. Жирмунский. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 3—24; *ея же*. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 23—42.

Вторым принципом анализа народного стиха является историко-стадиальный подход к вопросу. Любое сравнение не дает результата, если неизвестно, к какому периоду относятся выявленные параллели. Например, сравнение чувашского стиха со стихами сибирских тюрков скорее может дать генетические и типологические результаты, нежели контактные. А такие же сравнения чувашского стиха со стихами огузской и кыпчакской групп языков могут выявить параллели не только генетические и типологические, но и контактные.

При изучении истории духовной культуры предков чувашей следует исходить из следующей периодизации: 1) пратюркский или пратюркский период, 2) древнебулгарский период, 3) среднебулгарский период, 4) позднебулгарский или старочувашский период и 5) новочувашский период.

Пратюркский период. К концу этого периода тюркские языки составляли две большие группы (*з*-языки и *р*-языки). Многие общие элементы, отмечаемые в языке чувашей и сибирских тюрков, относятся к пратюркскому периоду.

Древнебулгарский период связан с распадом пратюркской общности и образованием новых племенных объединений. В этот период предки чувашей из числа родственных им племен имели контакты прежде всего с огузами, а из неродственных — с аланами и другими ираноязычными, кавказоязычными и финно-угорскими племенами. Элементы духовной культуры, относящиеся к данному периоду, выявляются при сравнении культуры чувашей с культурами азербайджанцев, туркмен, турков, осетин, дагестанских народов, венгров и др.

Среднебулгарский период начался примерно со времени переселения булгар в Поволжье и завершился к моменту образования Золотой Орды. В этот период предки чувашей имели тесные связи с местными финно-угорскими племенами (мари, мордва, удмурты, коми) и Древней Русью.

Позднебулгарский или старочувашский период охватывает времена Золотой Орды и Казанского ханства. В эту эпоху основные этнические черты чувашей окончательно сложились, и они находились в тесных контактах с казанскими татарами и мари́йцами.

Новочувашский период. Начиная с середины XVI века чувашаи находились в составе русского государства. В этот период они имели этнокультурные связи с русскими, татарами и мари́йцами.

Третьим принципом исторического анализа тюркского стиха является его комплексность. Иначе говоря, генезис поэтики должен рассматриваться в тесной связи с закономерностями внутреннего развития общества и конкретной истории этносов. Связующим звеном между поэтической структурой фольклора и жизнью общества является система жанров устного поэтического творчества. В первобытном обществе искусство слова и его общественные функции составляли некое синкретическое единство. Изучение же генезиса и развития жанров, на наш взгляд, позволяет выделить некоторые моменты возникновения стихотворной речи в фольклоре.

В устно-поэтическом творчестве народов мира имеется множество чисто типологических параллелей. К таким закономерностям относится, например, разделение фольклора по формам повествования и изображения. Повествующий фольклор в основном рассказывает и объясняет. А обрядовая поэзия прежде всего показывает и изображает.

Разделение устного творчества на повествующую и изображающую формы у тюркоязычных народов восходит, вероятно, еще к раннему периоду пратюркской общности. На основе лексической этимологиза-

ции общетюркского термина *jopak/jıtax* и его основы *jop* 'легенда', 'рассказ шамана о приключениях души больного в потустороннем мире'³ можно предположить, что первоначально данный термин применялся вообще к повествовательному фольклору. Этот термин в различных его фонетических вариантах выражает в современных тюркских языках следующие значения: легенда, предание, миф, сказка, загадка. Очевидно, в древнюю эпоху все тексты этих жанров именовались *jopak*, и этот жанр, вероятнее всего, исполнялся родовым шаманом (*камчы, юмçă*).

Повествовательные тексты *jopak* противопоставлялись текстам избразительного жанра. Последние имели свое особое название: *tel* 'речь', 'язык'. Впоследствии тексты, произносимые во время обрядов, начали называться и *sab, sagatak* (отсюда чуваш. *сăмах* 'речь')⁴.

Жанр песен у всех тюркоязычных народов обозначается одним общим термином, встречающимся в различных фонетических вариантах: др.-тюрк. *jug, ug, tur.*, ног., башк. *jug, kirk.*, тув., хак. *ug, kaz.*, ккалп., тат. *žug, uz.*, узб. *žig*, карач. *zug*, якут. *угуа*, чуваш. *jugu*. Данная лексема сопоставима с финно-угорским словом *aga* 'пение', 'подражание мелодии', санскрит. *agka*, др.-инд. *agkaa*, армян. *eg* 'песня'⁵. Можно предположить, что праформа *jağ* 'песня' проникла в тюркский язык в результате контактов его носителей с древними ираноязычными племенами, очевидно, еще в пратюркский период. В таком случае следует признать, что протетическая фонема *j* в начале слова соответствует законам языка болгаро-чувашского типа: тюрк. *it*, чуваш. *jut* 'собака'; тюрк. *açu, eçi*, чуваш. *juž* 'бродить', 'киснуть'; тюрк. *avul, aal, yal*, чуваш. *jal* 'деревня', 'селение' и т. д.

Таким образом, на основе данных терминов фольклорных жанров можно утверждать, что обрядовая поэзия еще в пратюркский период разделилась на две группы текстов: *tel* (*сарамак, сăмах*) и *jağ*. Отличались же они друг от друга прежде всего соотношением в тексте напева и слова. Впоследствии из них развились обрядовая песенная поэзия (*йыр, юрă*) и речевая (безнапевная) обрядовая поэзия (*тел, алгыс, сăмах, чѣлхе*). А обрядовой поэзии противопоставлялись тексты повествовательного фольклора *йомак*.

Чувашский речевой стих бывает двух видов: речитативный и интонационно-речевой, что объясняется двумя темпами речевых стихов. Речитативный стих по темпу скорый, подвижный, а интонационно-речевой — медленный. К первому относятся заговоры (*чѣлхесем*) и наговор дружки на свадьбе (*манкѣрѣ такмакѣ*). Языческие молитвы (*кѣлѣ сăмахесем*) в интонационном отношении более разнообразны, они исполнялись в медленном темпе.

Анализ фольклорных жанров показывает, что тексты речитативного стиха предшествуют текстам стиха интонационно-речевого. Такое деление речевого ритма, очевидно, произошло еще в пратюркский период. Самыми древними являются языческие заговоры, строфы которых организуются посредством простого двучленного психологического параллелизма. Отличия между частями — семантические и интонационные: первая по тону носит незавершенный характер, а вторая завершается на более низком тоне. Однако обе они являются речитативами. Помимо ускоренного темпа и синтагматического деления, большую ритмообразующую роль в заговорах играет пауза в конце строфы. Она

³ Р. Г. Ахмедьянов. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 110.

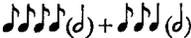
⁵ Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. I, Йошкар-Ола, 1979, стр. 127—128.

фиксирует границы ритмической единицы, состоящей из двух элементов — синтагм.

В других видах заговоров (именуемых А. Н. Веселовским «эпическими») на первое место по значению выдвигается ритмико-синтаксический параллелизм. Здесь интонирование двух ритмообразующих синтагм происходит иначе. Неоднократное повторение одного и того же слова в начале синтагм приводит к некоторому ритмическому напряжению на этих участках фразы. Таким образом, заговаривающий произносит данное слово, подчеркнуто выделяя его из общего лексического ряда. Подобный лексический повтор способствует развитию аллитерации⁶, а манера исполнения приближается к интонационно-речевой форме.

Основу ритма в интонационно-речевых стихах создают те же речевые синтагмы, которые организуют ритм в речитативном стихе, однако здесь они интонационно разнообразнее и богаче. В них ритм образуется не посредством повторения одинаковых стрóf, а вертикальным повтором синтагм в строфе. Ритмом и интонацией выделяется смысловое ядро высказывания. В более поздних молитвословиях ритмические единицы подвергаются слоговому выравниванию. Поэтому можно допустить, что развитие ритма в речевых стихах шло от простого повтора синтагматических членений к интонационному и слоговому выравниванию ритмических единиц. Причем ритмическая организация в заговорах первоначально базировалась на быстром темпе и повторении строфы. Следует отметить, что эволюция этой первоначальной формы ритмической организации была связана с изменением самой функции жанра, в свою очередь, зависящей от общественно-социальной жизни народа и его этапов.

Ритмическая организация чувашского речевого стиха генетически сопоставима с речевой поэзией сибирских тюрков (*алгыш, алгыс*), казанских татар (*тел*) и других тюркоязычных народов. Очевидно, подобная же ритмическая организация речевой поэзии финно-угорских народов Поволжья относится не к контактным, а к типологическим параллелям.

Ритм напевно-речевого стиха (песен) отличается рядом особенностей. Во-первых, он возникает из единства слова и напева. Во-вторых, в таком стихе ритмическая единица может образоваться из различных элементов: равнодлительных (с точки зрения напева, мелодии) ритмических частей, определенного количества слогов и т. п. Тексты чувашской обрядовой поэзии, имеющие непосредственную связь с ранними формами художественного творчества, основываются главным образом на равнодлительном ритме. А это значит, что в таком стихе две части ритмической единицы всегда равны друг другу:

Ритмическая единица, образующаяся в подобных случаях из двух равнодлительных частей, именуемых в тюркском стиховедении *тураками*, не обязательно должна состоять из равного количества слогов, так как их нехватка компенсируется «растягиванием» напева. В подобных песнях ритм образует главным образом равнодлительность, поэтому равностопие становится второстепенным элементом в стихе. Это ясно прослеживается в чувашских песнях без слов, характерных для верхних чувашей. В таких песнях равнодлительность ритмических единиц соблюдается неизменно.

⁶ О возникновении тюркской аллитерации см.: В. Г. Родионов. Чувашское стихосложение и тюркская аллитерация. — «Труды Чувашского НИИ», вып. 103. Чебоксары, 1930, стр. 100—114.

В лирических пёснях низовых чувашей встречается и иной тип ритма. Здесь нет ни горизонтальной, ни вертикальной равнодлительности, соблюдаемой в массово-игровых жанрах обрядовых песен. В лирических пёснях низовых чувашей ритм организуется при помощи слога. В таком стихе строго соблюдается равное количество слогов в строках, хотя две части в строке по музыкальной длительности могут быть и разными, например⁷:

$$\frac{9}{10} (\text{Атӑл юхмасть туллиех}) + \frac{15}{8} (\text{ай, пулсан та}) \quad 7 + 4$$

$$\frac{10}{8} (\text{Атӑл юхмасть туллиех}) + \frac{13}{8} (\text{ай, пулсан та}) \quad 7 + 4$$

$$\frac{10}{8} (\text{Илемӗ вёт ҫапла та}) + \frac{15}{8} (\text{юр юрласан}) \quad 7 + 4$$

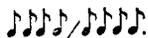
‘(Волга не течет, как бы полнехонька) + (ай, не была да)

(Волга не течет, как бы полнехонька) + (ай, не была да)

(Красиво ведь так да) + (песни петь)’.

Равнодлительные стихи тесно связаны с плясовыми напевами. Поэтому не удивительно, что к ним относятся прежде всего песни, исполнение которых включает в себя ритмические движения, например, хороводные. Имеются все основания полагать, что они генетически родственны. Равнодлительность необходима в танцах, для исполнения различных плавных движений в такт. При этом следует учитывать, что равносложие естественно и в равнодлительных стихах, хотя и является второстепенным по отношению к равнодлительности частей ритмической единицы. Уместно вспомнить, что чувашским народно-разговорным термином *ҫемӗ* в первую очередь обозначается не равносложный, а равнодлительный ритм. Равносложие же господствует только в лирических пёснях. Таким образом, осознанное применение равносложности в текстах песен (несмотря на его присутствие в самых древних текстах) осуществлялось значительно позднее, чем использование равнодлительности. При этом в лирических пёснях низовых чувашей музыкальное развитие шло на основе осознания и признания равносложности, а у верховых чувашей — на основе сохранения и дальнейшего развития равнодлительности.

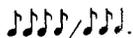
Чувашские песни с равнодлительным ритмом имеют сходство с пёснями не только генетически родственных, но и неродственных народов. Очевидно, подобный ритм характерен почти для всех первобытных племен и возник еще на ранней стадии развития первобытного общества. Он, по-видимому, восходит к естественному ритму природы (биологическому, физическому). В древний период, когда еще мелос и стих составляли органическое единство, ритм обрядовых танцев и песен, вероятно, был равнодлительным. Причем равнодлительность имеет бесчисленное множество вариантов. Очевидно, наиболее естественным и удобным для стиха оказалось четвертичное деление двух ритмических частей:

Так как любая музыкальная фраза имеет

тенденцию к удлинению в последнем такте, то, очевидно, в итоге обра-

зовалась следующая структура равнодлительного ритма:

⁷ В начале ритмических частей строк дробью показан размер музыкального такта, а в конце строк — количество слогов в ритмических частях. Текст переведен с максимальным сохранением поэтической и языковой структуры оригинала. См. книгу: «Песни низовых чувашей», кн. 2. Чебоксары, 1982, стр. 20—21.

Из такого дробления, по-видимому, постепенно образовался семисложный размер с постоянной цезурой после четвертого слога. Подобная форма стиха типична для поэзии многих тюркоязычных народов. Она преобладает и в словаре Махмуда Кашгари (XI в.).

Лирические песни, как известно, имеют более позднее происхождение, нежели обрядовые. Можно заключить, что многосложник (в основном имеющий одиннадцать слогов) тоже является поздним образованием. Причину возникновения многосложника следует искать в особенностях самих же песен. Исполнению песенной лирики свойственна протяжность. При этом следует учесть, что лирические песни низовых чувашей развивались в период Золотой Орды и Казанского ханства под воздействием лирической поэзии кыпчакоязычных соседей. Только контактными связями можно объяснить наличие одиннадцатисложника в старинных песнях татар, казахов, низовых чувашей и восточных мари-йцев.

Изучение генезиса стихотворного ритма в сравнительно-историческом аспекте может дать интересные результаты. Данная проблема нуждается в дальнейших разработках на материале поэзии различных тюркоязычных народов.

ОНОМАСТИКА

А. ГУСЕИНЗАДЕ

ОЙКОНИМЫ ЗАКАВКАЗЬЯ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ЭТНОНИМ «БИЧЕНЕК»

Ойконим *Биченек* (Шахбузский район Нахичеванской АССР) является одним из семантически искаженных географических названий азербайджанской топонимии (5, 148). На пятыверстной карте Кавказского края ойконим зафиксирован как *Беченаг* (32, 37), а по списку тридцатых годов — как *Бичанек* (4, 113). Народное толкование на базе современного азербайджанского языка возводит его к глаголу *бичмек* 'косить' (19). Согласно этому объяснению *Биченек* означает «покос» или «участок для покоса». Такое толкование ойконима не является убедительным, так как при этом не учитываются его ареал и варианты, без которых не может быть установлена истинная этимология этого слова. Если принять во внимание, что «топоним в речи представлен множеством вариантов, без рассмотрения которых невозможно удовлетворительное изучение условий и особенностей его существования» (23, 18), то очевидно, какое большое значение приобретают его ареал и варианты при осмыслении каждого топонима.

Географическое название *Биченек* в топонимии Закавказья не единственное. Перевал Зангезурского хребта на границе Шахбузского района Нахичеванской АССР и Армянской ССР, по которому проходит шоссе Евлах — Нахичевань, именуется *Беченагским* (32, 37; 28, 46). Ареал этого названия охватывает Грузию и Северный Кавказ. Грузинский вариант ойконима — *Бичингаурткари* сохранился в современной топонимии республики в Душетском районе (14, 159) а в историческом списке населенных мест Горийского уезда Тифлисской губернии (1915 г.) он зафиксирован как *Бичананткари* (22, 100)¹. В современной топонимии

¹ Морфологическая структура рассматриваемых топонимов такова: 1) *Бичингаурткари* = *Бичинга* + *ур* + *т* + *кари*. В *Бичинга* (*Бичинга* — корень) происходит редукция коренного гласного в результате прибавления *-ур*. *Ур* — суффикс со значением происхождения. Употребляется для образования фамилий от личных имен (по своему назначению идентичен *дзе* и *швили*); *т* — показатель множественного числа родительного падежа; *кари* — частичный топоформант. 2) *Бичананткари* = *Бичана* + *н* + *т* + *кари*. *Бичана* — корень (имя собственное); *н* — *ан* (*-ean* — *иан*) суффикс принадлежности, также примыкает к форме именительного падежа имени собственного и образует патронимические названия; *т* — показатель множественного числа родительного падежа; *кари* — частичный топоформант. Семантика ойконимов в целом: *Бичингаурткари* 'место поселения Бичингауров' (*Бичингаури* — фамилия). *Бичананткари* 'место поселения потомков Бичаны' (*Бичана*//*Бичина* — личное имя). Эти данные сообщены нам П. А. Цхадаея — заведующим топонимической лабораторией при кафедре нозогрузинского языка Тбилисского государственного университета, за что, пользуясь случаем, выражаем ему свою признательность.

Осетии название *Бицента*, как сообщает А. Дз. Цагаева, «закреплено за каменистым пастбищным участком у самого сел. Задалеск» (48, 83).

Следы изучаемого ойконима ведут и в Украинскую ССР. *Печенеги* — наименование поселка городского типа в Чугуевском районе Харьковской области и *Печенеги* — в Коломыйском районе Ивано-Франковской области (10) являются вариантами из ряда данного географического названия. Необходимо напомнить, что до недавнего времени Чугуевский район Харьковской области и Коломыйский район Ивано-Франковской области УССР также именовались *Печенежскими* (9). В Белоруссии среди других топонимов тюркского происхождения встречаются варианты исследуемого названия (13, 80). К их числу относится *Печенежин* в Костюковичском районе (20, 289).

Сфера распространения топонима простирается за пределы Советского Союза. В юго-восточной части Румынии данное название отражено в двух вариантах: *Печеняга* и *Бечениг*. Первый из них — *Печеняга* является названием двух населенных пунктов, один из которых расположен к юго-востоку от города Галац в староречье Дуная, на границе с Молдавской ССР, а другой — к югу от города Констанца, недалеко от побережья Черного моря. Второй вариант — *Бечениг* — это название села, расположенного севернее г. Бузэу². Как сообщает И. Блашкович, географические названия, связанные с именем *печенек*, сохранились в топонимии южной Словакии в нескольких, причем до неузнаваемости измененных, вариантах: «Например: *Veša* (округ Левице), *Vešepov* (округ Нове-Замки), *Vešenyöd*, ныне *Pečenice* (округ Левице), *Veša n/Wolom* (близ *Šala*), *Bös* (*Sabčikovo* на Житном острове), *Pačán* (там же)» (8, 63).

На современной карте Турции, составленной по данным 1946 года в уездах Иабан-Ова, Муртаза-Ова и Касаба Анкарского санджака, указаны четыре населенных пункта с названием *Печенек*. В этом же санджаке, недалеко от Шерефлю Коч-Хисар, расположена долина *Печенек-Озю* (Печенежская долина). Из ряда этого же ойконима два варианта сохранились в Эльбистанском уезде Мараша, а четыре — в районе Коньи. Кроме упомянутых названий, в Турции имеются также топонимы *Беченек* и *Бечене*. Первый из них — хутор в Аксарайском уезде Коньи, а второй — название двух деревень в административно-территориальных районах в Су-Шахри (Сивас), и в Эмир-дагы (45, 312).

В современной топонимии Ирана прослеживаются персидские варианты рассматриваемого географического названия — *Биджнавенд* и *Биджанабад*. *Биджнавенд* — населенный пункт в сельском округе Сомах, входящем в Чегенинский район шахрестана Хорремабад (40) и сельский округ в районе Ширван-Чардовель шахрестана Илам (41). *Биджанабад* — населенный пункт в восьмом остане на правой стороне р. Хелилруд (12, 3—9). Принадлежность их к ряду *Беченек* не подлежит сомнению. Корнями этих слов являются *Биджна* и *Беджне*, к которым присоединены ираноязычные суффиксы: *-венд* и *-абад*. Корни ойконима представлены в арабской традиции, согласно которой отсутствующие в арабском языке фонемы заменены их арабскими эквивалентами *п//б* и *ч//дж*. Что касается изменения или редукции гласных звуков в составе корней, то это результат воздействия суффиксов.

В исторической топонимии СССР ороним *Бедженак* (47, л. 37⁵) отмечен анонимным персоязычным автором (X в.) на восточной границе Руси и, по мнению В. Ф. Минорского, соответствует современному назва-

² Эти сведения сообщены нам В. А. Жучкевичем, которому автор, пользуясь случаем, выражает свою благодарность.

нию Урала или одного из его отрогов. Этот же ороним *Бедженак* упоминается у арабоязычного автора XIV века Аби-л-Фида (43, 205). На исторической карте Закавказья *Пацианк* — название девятого гавара в Арцахе (33, 49), *Ротпациан* — третьего гавара в Ути (33, 51), *Бачангани* — девятого гавара в Пайтаракане (34, 359), *Биджни* (24, 270) или же *Бчни* (46, 58) — название крепости в гаваре Ниг Айратской области. Все это варианты топонима *Беченек*.

Предлагаемый обзор ареалов и вариантов названия *Беченек* не является исчерпывающим, ибо сфера распространения его гораздо шире. На наш взгляд, представляет интерес также вопрос о том, выступало ли слово *печенек* в роли антропонима и этнонима?

Согласно Рашидаддину, второй сын Кок-хана был наречен именем *Бичене* (39, 122). В источниках, за исключением труда Абу-л-гази-хана (XVII в.), где интересующий нас антропоним отмечен в форме *Биджене* (3, 27), нам не удалось обнаружить у тюркоязычных народов собственного имени, образованного от этого слова. Однако в грузинской антропонимии такие имена встречаются в составе сложных антропонимных ойконимов, таких как *Бичана//Бичинга — Бичинига*³. В «Нартовском эпосе» упоминается антропоним *Быцента*⁴ (48, 83; 16, 64; 17, 38).

Бедженек как этноним отмечен в списке огузских племен у Махмуда Кашгари (XI в.) на девятнадцатом месте (18, 41; 29, 90).

Из арабоязычных авторов у Истахри (X в.) зафиксирован этноним *беджене* (30, 183), у Ибн ал-Асира (XIII в.) — *беджжак* (21, 65). Анонимный еврейский автор, писавший под псевдонимом Иосиф бен Гарцион (X в.), зафиксировал его в виде *пацинак* (11, 39). В персоязычном источнике (X в.) данный этноним сохранился в форме *бедженак* (47, 38⁵), у Фахраддина Мубарекшаха (XII—XIII вв.) — *биджинек* (42, 47). Из тюркоязычных авторов Абу-л-гази-хан Хивинский писал о нем как о родовом названии и зафиксировал это слово — *беджене* (26, 41).

Судя по данным русских летописей, рассматриваемый этноним в славянской среде имел форму *печеньг* (37, 14). Данный этноним зафиксирован в средневековых армянских источниках, хотя в различных формах: *пацинак//пацинак* (15, 26), *пандзканк* (49, 68). В грузинском источнике слово отражено как *пачаниг* (31, 33).

Правомерно предположить, что географические названия армянских источников: *Бичангани* и *Биджни* так же как *пацинак* связаны с этнонимом *печенег*. Если *пацинак* с его вариантами возник в результате культурного влияния сирийской книжной традиции, которой следовали армянские авторы, то *бичангани* и *биджни* более близки к кавказским топонимическим вариантам этнонима и отражают арабо-персидскую традицию, имевшую реальную базу и широкое распространение не только в Закавказье, но и в некоторых районах Ближнего Востока.

Учитывая, что гласные фонемы в составе корневой вообще, а в данном случае в армянских вариантах рассматриваемого этнонима не всегда устойчивы, необходимо для выявления внутренней связи этих вариантов ориентироваться на более стабильные звуки, то есть на корневые согласные. В таком случае корневые согласные в составе обоих вариантов: в *Бичангани* армянских источников и в названии *Беченаг* (Беченагский

³ См. первую сноску.

⁴ По мнению В. И. Абаева, в «Нартовском эпосе» данный антропоним фигурирует в различных вариантах: у осетин — *Бедзенаг*, у балкарцев — *Бедене*, у кабардинцев — *Пиш Бадно*, у абазинцев — *Шыбатнык*, у западных черкесов — *Батынык* (1, 71; 2, 8 и 26). Л. С. Клейн считает, что *Быцента* и *Бедзенаг* являются вариантами одного и того же интересующего нас имени (25).

перевал) идентичны — *бчнг*. Что касается корня второго армянского варианта — *Биджни* (*бджн бчн пчн*), то не трудно увидеть связь последнего с вариантом арабо-персидской традиции — *Беджне* (*бджн ← бчн ← пчн*).

Печенеги, согласно огузскому эпосу и сочинениям Махмуда Кашгари и Рашидаддина, были одним из двадцати четырех племен огузского объединения. Территория их обитания простиралась на запад до Волги, на юг до реки Урал, восточная её граница проходила по Уральскому хребту, а северная — по Жигулевским горам, иногда именуемым *печенежскими* (35, 726). После падения западно-тюркского каганата (VI—VIII вв.) «самым ранним сведением в истории движения огузов на запад было движение печенегов, относящееся к концу IX в.» (6, 91). По мнению А. Н. Курата, печенеги в 860 году уже были в степях Северного Причерноморья и до прихода половцев (до середины XI в.) господствовали на этих землях (27, 103). В «Повести временных лет» печенеги впервые упоминаются лишь в 915 г. (37, 228).

В отечественной исторической литературе как дореволюционной, так и советского времени, имеются ценные работы о печенегах, среди которых особо выделяется исследование С. А. Плетневой. Автор использовала новейшие данные исторической науки, глубоко исследовала социально-экономический уклад этих кочевников. В большинстве работ авторы относят появление печенегов в странах Восточной Европы к IX веку⁵.

Таким образом, можно заключить, что ойконим *Биченек* на карте Азербайджанской ССР является этнопонимом огузского происхождения и что появление его в Закавказье связано с пребыванием печенегов в этом крае.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев. О собственных именах Нартовского эпоса. — В сб.: «Язык и мышление». М.—Л., 1935.
2. В. И. Абаев. Нартовский эпос. — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. 10, вып. 1, Дзауджикау, 1945.
3. *Aboul-Ghâzi Bêhâdour khan*. Histoire des Mogols et des Tatares. Publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. T. 1. Text. St.-Petersbourg, 1871.
4. «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1933.
5. «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1979.
6. В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения, т. V, М., 1968.
7. У. К. *Blaşkoviç*. Çekoslovakya topraklarında eski Türklerin izleri. — «Reşid Rahmeti Arat için», Ankara, 1966.
8. И. Блашкович. Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии. — «Вопросы языкознания», М., 1972, № 6.
9. «Большая Советская Энциклопедия». Изд. 2, т. 32.
10. «Большая Советская Энциклопедия». Изд. 3, т. 19.
11. А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском государстве. СПб., 1874.
12. И. Генин. Иран (Атлас). М., 1958.
13. М. Я. Гринблат. Этнонимическая топонимия и антропонимия Белоруссии (К этнической истории белорусов). — «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». (Тезисы докладов и сообщений). Л., 1965.

⁵ Поскольку первичная родина печенегов находилась в среднем русле Сырдарьи и автоэтнонимом их был *кангар* (*кенгер*), засвидетельствованный как на современной, так и исторической карте Закавказья намного раньше (V в. н. э.), то вышеуказанная дата (IX в.), по всей видимости, нуждается в пересмотре.

14. «Грузинская ССР. Административно-территориальное деление». Тбилиси, 1966.
15. В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. — «Советская тюркология», 1978, № 2.
16. Т. А. Гуриев. Осетика-монголика (Монгольское Бодончак/Бадун — северокавказское Баданаг/Бедзенаг/Бадьноко). — «Ономастика Востока». М., 1980.
17. Т. А. Гуриев. Проблемы антропонимии нартовского эпоса. — «Ономастика Кавказа». Орджоникидзе, 1980.
18. Divanü Lûgat-it-Türk. Türkbasım «Faksimile». Ankara, 1941.
19. Х. Э. Элизбейов. Азербайджанча-русча луг'ет. Баку, 1965.
20. В. А. Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
21. ابن الاثير الكامل في التاريخ. جلد ١٠ بيروت ١٩٦٦
22. «Кавказский календарь на 1915 г.». Тифлис, 1914.
23. Ю. А. Карпенко. Проблема вариантов в топонимике. — «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». (Тезисы докладов и сообщений). Л., 1965.
24. Каракоз Гандзакеци. История Армении. М., 1976.
25. Л. С. Клейн. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартовский эпос. — «Вестник Древней Истории», 1975, № 4.
26. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958.
27. А. Н. Kugat. Peçeneklere dair arařtırmalar. — «Türkiyat Mecmuası», V, İstanbul, 1935.
28. Г. К. Кул. Азербайжан ССР-ин изаһлы географӣ адлар луг'ети. Баку, 1960.
29. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк), т. I, Тошкент, 1960.
30. سالک و ممالک تالیف ابو اسحق ابراهیم اصطخری باهتمام ایرج افشار.
31. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
32. Д. Д. Пагурез. Алфавитный указатель к лятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913.
33. К. П. Патканов. Армянская география VII в. по Р. Х. (Приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877.
34. К. Патканян. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века (перевод с армянского). СПб., 1861.
35. С. А. Плетнева. Печенеги. — «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.», М., 1958.
36. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.—Л., 1958.
37. «Повесть временных лет». Часть первая. М.—Л., 1950.
38. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. Л., 1952.
39. Рашид ад-дин Фазлаллах. Джами ат-таварих. Т. I, ч. I, М., 1965.
40. ح. رزم آرا. فرهنگ جغرافیای ایران (آبادیها) جلد ٥ تهران ١٣٢١.
41. ح. رزم آرا. فرهنگ جغرافیای ایران (آبادیها) جلد ٦ تهران ١٣٣٠.
42. Ta'rikh-i Fakhruddin Mubârâkshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhruddin Mubârâkshah Marvarrûdi completed in a. d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross... London, 1927.
43. تقويم البلدان تالیف ابی الفدا. پاریس ١٨٤٠.
44. И. И. Умяков. История «Фахраддина Мубарекшаха». — «Вестник Древней истории». 1938, № 1 (2).
45. Faruk Sümer. Oguzlar. (Türkmenler). Tarihleri — Boy teşkilati — Destanları. Ankara, 1967.
46. Фома Мецопский. История Тимир-Ланга и его преемников. Баку, 1957.
47. «Худуд ал-алам». Рукопись Туманского, Л., 1930.
48. А. Дз. Цагаева. Материалы по топонимике и антропонимике Осетии. — «Известия Северо-Осетянского научно-исследовательского института», т. 23, вып. I, Орджоникидзе, 1962.
49. Ю. Б. Юсифов. Топонимика как исторический источник. — «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана», Баку, 1974.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

А. Н. НУРМАНОВ

ОППОЗИЦИЯ МОНОНЕГАТИВНОСТЬ — ПОЛИНЕГАТИВНОСТЬ НЕГАТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

В состав одной отрицательной синтаксической конструкции часто входит более одного отрицательного средства. В лингвистике для обозначения подобных конструкций имеются специальные термины, в частности, «двойное отрицание», «дополнительное отрицание» и т. д. Эти термины означают, что в одном простом предложении наряду с отрицательной частицей имеются и другие «элементы отрицания» (частица *ни*, союз *ни... ни* или местоимение и наречие с *ни*)¹.

Со временем этими терминами стали обозначать и наличие двух *не* в одном предложении². Таким образом, в современной лингвистической литературе под термином «двойное отрицание» (и его вариантами) понимаются два различных явления: 1) наличие в одном предложении отрицательной частицы *не* и отрицательного местоимения; 2) наличие в одном предложении двух *не*.

Если в отрицательных конструкциях первого типа наличие двух отрицательных элементов не приводит к уничтожению отрицания, то в отрицательных конструкциях второго типа два отрицательных средства, как бы взаимно погашаясь, выражают утвердительное значение. Поэтому некоторые лингвисты, для дифференциации отрицательных конструкций второго типа, ввели новые термины: «отрицание при отрицании»³, «двойное *не*»⁴ и т. д. С. Рахимов называет отрицательную конструкцию первого типа «полинегативным предложением», а второго типа — «отрицанием отрицания»⁵.

Мы используем термин «полинегативные конструкции» для предложений, включающих более одного отрицательного средства (независимо от того, являются ли они отрицательными частицами или отрицательными местоимениями с отрицательной частицей), противопоставляя его термину «мононегативные конструкции», означающему наличие

¹ См.: К. В. Саматова. К вопросу о «двойном отрицании» в современном русском языке. — «Вестник МГУ. Серия историко-филологическая», 1959, № 3, стр. 153.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 389; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 482 и др.

³ В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке. Материал для «Словаря русского языка». Приложение к первому выпуску VIII т., Л., 1927, стр. 78.

⁴ Н. А. Лавров. Изучение частицы *не* и *ни* в средней школе. М., 1954, стр. 21.

⁵ С. Рахимов. Вопросы структурно-типологической характеристики предложения. Ташкент, 1978, стр. 23.

только одного отрицательного средства. Таким образом, монологические конструкции входят в привативную оппозицию по количеству отрицательных средств в составе предложения с полинегативными конструкциями.

Полинегативные конструкции, в свою очередь, классифицируются на основе бинарных оппозиций по признаку изменяемости — неизменяемости отрицательных значений на конструкции, изменяющие отрицательные значения, и конструкции, не изменяющие отрицательных значений. Для первого типа полинегативных конструкций применим также традиционный термин «отрицание отрицания».

Полинегативные конструкции, выражающие утвердительное суждение (отрицание отрицания). В любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке») обнаружить зачатки всех элементов диалектики, убедившись тем самым, что любому процессу познания человека вообще свойственна диалектика⁶. Это ярко проявляется и в полинегативных конструкциях, выражающих утвердительное значение. Здесь два отрицания выражают в совокупности утверждение, то есть в результате отрицается отрицательное значение и по глубинной структуре фразы выражается утверждение.

А. Д. Гетманова отмечает, что выражение двойного отрицания через эквивалентное ему утверждение иногда соответствует закону классической логики, называемому законом «снятия двойного отрицания»; например: «Служу пока счастливо, но не без хитрости». Здесь двойное отрицание «не без хитрости» выражает утверждение («с известной долей хитрости»)⁷.

Однако утвердительное значение, получаемое посредством «отрицания отрицания» не адекватно исходному прямому утверждению. С этим связана еще одна важная черта закона «отрицания отрицания». В заключительном звене всего цикла развития, на ступени второго отрицания неизбежно восстанавливаются некоторые черты исходной формы, с которой начинается развитие. Поскольку отрицанию подвергается то, что отрицало исходную форму, то, естественно, двойное отрицание ведет к восстановлению некоторых сторон, черт этой исходной формы. В силу закона «отрицания отрицания» развитие происходит не по линии, а по кругу, в котором конечная точка совпадает с начальной. Однако это совпадение происходит на более высокой стадии, поэтому развитие, строго говоря, имеет вид не круга, а спирали, каждый виток которой обозначает более развитое состояние⁸. «Отрицание отрицания, — пишет А. В. Савинов, — означает диалектическое развитие от низшего к высшему посредством перехода количества в качество и превращения в противоположность»⁹.

В. И. Ленин писал по этому поводу: «От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству“ с утверждаемым, — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом»¹⁰.

В тюркских языках, в частности в узбекском, полинегативная конструкция выражает утвердительное суждение только в том случае, если два отрицательных маркера употребляются в составе сказуемого. В таких конструкциях, естественно, сказуемое является составным. Отрицательные маркеры либо существуют в обоих компонентах (в модели *Vma Vma*, например: *йқимай қўймайман* 'обязательно выучусь'), либо к

⁶ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 29, стр. 231.

⁷ См.: А. Д. Гетманова. Отрицание в системах формальной логики. М., 1972, стр. 45.

⁸ «Основы марксистско-ленинской философии». М., 1976, стр. 108.

⁹ А. В. Савинов. Логические законы мышления. Л., 1958, стр. 188.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 29, стр. 208.

отрицательной форме *Vma* присоединяются отрицательные частицы *йўқ*, *эмас*; либо же основная часть сказуемого, выраженная словом *йўқ*, принимает еще и отрицательную частицу *эмас*. Таким образом, сказуемое полинегативных конструкций, выражающее утвердительное значение, имеет следующие формы: 1) *N+йўқ эмас*; 2) *Vma Vma*;

3) *Vмаган* ^{йўқ}/_{эмас} ; 4) *ANeg, Āma*.

1. *Лекин армоним йўқ эмас, болам* (А. Мухтор) 'Однако, сынок, у меня есть желание'. *Қиз ўзиям... — янгалар орқали сир олишдик — кўнгли йўқ эмас, дада* (О. Ёкубов) 'И невестка, узнали мы от женщин, не без желанья, отец'.

Данные конструкции по глубинной структуре входят в один парадигматический ряд с утвердительными конструкциями и, естественно, члены парадигмы находятся между собой в отношении дистрибуции свободного варьирования, например: *Лекин армоним йўқ эмас эди, болам — Лекин армоним бор эди, болам*.

Эти члены парадигмы входят в сигнификативную оппозицию с монологичными конструкциями. См.:

Утвердительный ряд	Отрицательный ряд
<i>Лекин армоним йўқ эмас эди, болам, Лекин армоним бор эди, болам.</i>	<i>Лекин армоним йўқ, эди, болам.</i>

Если сигнификативная оппозиция между вторым членом утвердительного ряда эквиополентная (так как оппозиция реализуется не с помощью специальных отрицательных маркеров, а противопоставлением содержания лексических элементов: *бор — йўқ*), то оппозиция между первым членом утвердительного ряда своеобразно привативная, ибо оба члена оппозиции маркированы. Однако утвердительный ряд обладает двумя отрицательными маркерами, семантически погашающими друг друга и приравнивающимися нулю, а отрицательный ряд обладает одним маркером.

В конструкции, отрицающей отрицание, происходит своеобразная нейтрализация отрицания, поэтому она семантически составляет одну парадигму с утвердительными конструкциями. Однако члены парадигмы обладают определенными дифференциальными признаками, ибо, как выше отмечалось, исходная точка в процессе отрицания не полностью адекватна конечной. В то время как *армоним бор эди* является исходной точкой, *армоним йўқ эмас эди* выступает конечной точкой. Между ними имеется точка совпадения.

Если в логико-философском понимании это совпадение происходит на более высоком уровне, то в грамматическом отношении по глубинной структуре оно либо усиливает, либо ослабляет степень утвердительного значения в начальной точке. Например:

I. <i>йўқийман, йўқимай қўймайман.</i>	II. <i>армоним бор, армоним йўқ эмас.</i>
--	---

В I парадигме утвердительное значение второго члена сильнее, нежели первого, а во II парадигме утвердительное значение второго члена слабее первого, то есть *армон* 'раскаяться' в какой-то степени находит выражение, однако несколько неопределенное. Особенно наглядно это видно в случае трансформации путем адьюнкции слова ^{оз-моз}/_{анча-мунча}. На-

пример: *Унда ҳам бюрократликдан йўқ эмас* 'И он не без бюрократизма'. *Унда ҳам бюрократликдан анча-мунча йўқ эмас*.

В таких конструкциях нельзя адъюнктивировать слово *анчагина*, усиливающее наличие признака в субъекте.

Фактические материалы показывают, что полинегативная конструкция, при которой сказуемое находится в форме *йўқ эмас*, выражает утвердительное значение слабее, чем исходная утвердительная конструкция, ибо в исходных конструкциях можно адъюнктивировать слово *анчагина* 'очень'. Именно здесь проявляются специфические особенности грамматического отрицания в отличие от диалектического.

2. В полинегативной конструкции, сказуемое которой находится в форме *Үма Үма*, утвердительное значение сильнее, категоричнее утвердительного значения, выраженного в исходной утвердительной конструкции, ср.:

Исходная точка
ишлайман 'буду работать',
ўқийман 'буду учиться'.

Конечная точка
ишламай қўймайман 'обязательно буду работать',
ўқимай қўймайман 'обязательно буду учиться'.

Однако не все аналитические формы глагола, употребляемые в функции сказуемого, могут принимать оба компонента отрицательного аффикса *ма*. См. таблицу:

Таблица

Компоненты	Вспомогательные глаголы																
	<i>Ташла</i>	<i>Бошла</i>	<i>Ет</i>	<i>Тур</i>	<i>Утир</i>	<i>Бор</i>	<i>Кел</i>	<i>Бўл</i>	<i>Ол</i>	<i>Бит</i>	<i>Чик</i>	<i>Бор</i>	<i>Қўй</i>	<i>Сол</i>	<i>Кет</i>	<i>Юбор</i>	<i>Қўр</i>
Оба компонента имеют общий признак — принимают аффикс <i>-ма</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Второй компонент	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Первый компонент	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Как видно из таблицы, аналитические формы глагола с вспомогательными глаголами *тур*, *ўтир*, *кел*, *бўл*, *қўй*, *кет* могут принимать оба компонента отрицательного аффикса *-ма*. В результате отрицательное значение основного глагола отрицается с помощью отрицательного маркера вспомогательного глагола и, таким образом, возникает утвердительное значение¹¹.

Исходная точка	Конечная точка
<i>ўқиб тур</i>	<i>ўқимая турма</i>
<i>ўқиб ўтир</i>	<i>ўқимай ўтирма</i>
<i>ўқиб кел</i>	<i>ўқимай келма</i>
<i>ўқиб бўлади</i> 'можно учиться'	<i>ўқимай бўлмайди</i> 'надо учиться'
<i>ўқиб қўй</i>	<i>ўқимай қўйма</i>
<i>ўқиб кет</i>	<i>ўқимай кетма</i> .

¹¹ А. Хожиев. Фезл. Тошкент, 1973, стр. 104.

Например: *Тушликни ҳам шу ерда қиласан, — деди. — Сени меҳнатга ўргатмасам бўлмайди* (П. Қодиров) 'И обедать будешь здесь, — сказал он. — Мне надо тебя учить труду'. *Йўқ, энди унга бор гапни айтмай қўймайман* (П. Қодиров). 'Нет, теперь обязательно обо всем расскажу ей'. *Эртанги куннинг варағига Сатторни ёзиб қўйди. Унинг бу дафтарига ёзилган иш битмай қолмас эди* (П. Қодиров) 'На страницу завтрашнего дня он записал имя Саттора. Записанная в эту тетрадь работа, обычно, обязательно выполнялась'.

Если оба компонента аналитической формы глагола отрицательные, то ослабляется его формальное единство¹². Это ярко проявляется в тех случаях, когда между компонентами употребляются разные морфемы. Например: *Келгуси ойда бизга учта квартира ажратишмоқчи эди. Шундан бирини сизга олиб бермагунча қўймайман* (П. Қодиров) 'В следующем месяце нам хотели выделить три квартиры. Из них одну обязательно дам вам'.

Структурной вершиной данного предложения является компонент *бермагунча қўймайман*, входящий в оппозицию с монологичным компонентом *бериб қўймайман* и составляющий одну семантическую парадигму с утвердительными членами. См.:

<i>бериб қўйман</i>	<i>бермай қўйман</i>
<i>бераман</i>	<i>бурмайман</i>
<i>бермай қўймайман</i>	<i>бериб қўймайман</i>
<i>бермагунча қўймайман</i>	

Из вышеуказанных аналитических форм глагола только одна — *Виб бўл* — отличается от других форм. В ней утвердительное значение, выраженное исходной точкой, не совпадает с утвердительным значением, выраженным конечной точкой. Если в первом случае утверждается возможность выполнения действия, выраженная основной формой глагола, то во втором — обязательность выполнения действия.

3. В диалогической речи часто употребляются полинегативные конструкции с отрицательными маркерами *Вмаган* $\left. \begin{matrix} \text{йўқ} \\ \text{эмас} \end{matrix} \right\}$.

Это происходит в тех случаях, когда предыдущая конструкция монологичная. Для отрицания содержания предыдущей конструкции говорящие пользуются теми же конструкциями, добавляя к ним лишь один отрицательный элемент. С помощью второго отрицательного средства отрицается отрицание, выраженное с помощью первого отрицательного средства. В результате полинегативная конструкция выражает утвердительное суждение. Например:

— *Сен пахта термадинг* '— Ты не собирал хлопок',
— *Мен пахта термаганим йўқ* '— Я собирал хлопок'.

Полинегативная конструкция встречается и в монологической речи, например: *Мен берган наъдамнинг устидан чиқмай қўйган эмасман* (П. Қодиров) 'Я всегда выполнял обещанное'. *Уруш бошлангандан буён мактаб ремонт килинмагани учун иш йирилган, бу туғрида гаплашмасдан илож йўқ эди* (О. Ёқубов). 'С тех пор как началась война, школа не ремонтировалась, поэтому накопилось много работы. Об этом нельзя было не говорить'.

Конструкция, где сказуемое выражено моделью *V май масдан* $\left. \begin{matrix} \text{май} \\ \text{масдан} \end{matrix} \right\}$ *илож йўқ*, по глубинной структуре составляет одну парадигму с утвердительными конструкциями типа *Vиш керак* и находится с ними в отноше-

¹² А. Фулом, Фе'л. Тошкент, 1954, стр. 12.

ниях дистрибуции свободного варьирования. Конечная точка от исходной отличается более сильным утвердительным значением, большей категоричностью.

Слово *бўпти*, сочетаясь с деепричастной формой глагола, при особой интонации может служить отрицательным маркером. Например: *ишлаб бўпти* 'не работает'. При этом лексическое ударение падает на первый слог слова *бўпти*, в отличие от утвердительного значения этого слова, при котором ударение падает на второй слог.

Слово *бўпти* в сочетании с отрицательной формой деепричастия отрицает отрицательное значение, выраженное деепричастной формой. В результате конструкция в целом становится утвердительной, например: *Сени ўз ҳолинга қўйиб бўпман* (А. Мухтор) 'Я тебя не оставляю в покое'. *Сени ўқитмай бўпман* («Гулхан») 'Я тебя заставлю учиться'.

Некоторые лексические элементы и фразы могут служить субститутами отрицательных маркеров, например: *юрган эканман, отимни бошқа қўяман, калламни олвораман* и т. д. Эти единицы, сочетаясь с отрицательной формой условного наклонения, нейтрализуют отрицательное значение условной формы глагола, которая в составе предложения выполняет функции сказуемого. В результате конструкция в целом становится утвердительной, например:

Сени ўқитмасам	{	<i>юрганаканман</i>	'Я обязательно выучу тебя',
		<i>отимни бошқа қўяман</i>	'Если не выучу тебя, изменю свое имя',
		<i>калламни олвораман</i>	'Если не выучу, голову себе отсеку'.

Эти конструкции составляют один парадигматический ряд с утвердительными конструкциями и находятся между собой в отношениях дистрибуции свободного варьирования, вместе с тем они отличаются от других категоричностью значения.

4. В конструкциях $ANeg+A+P$ порой и компонент P имеет отрицательную форму. В результате от мононегативной конструкции образуется полинегативная конструкция. В таких случаях полинегативная конструкция может иметь следующие формы: 1) $Aэмас, A+PNeg$; 2) $Ама эмас, А$; 3) $Атуғул, A+PNeg$ и т. д.

1. а) В конструкциях $Aэмас, A+PNeg$ первый член, хотя и находится в отрицательной форме, однако по глубинной структуре выражает утверждение, то есть связь между первым A и P утверждается, а между вторым A и P отрицается. Например: *Сенга эмас, Эсенгелдига ваъда бермадик* (Т. Каипбергенов) 'Мы не тебе, а Эсенгелди не дали слово'. Эта конструкция восходит к двум компонентам. 1) *Сенга ваъда бермадик эмас*, 2) *Эсенгелдига ваъда бермадик*.

Во избежание избыточности, дважды повторяющийся член первого компонента элиминируется. Второй отрицательный маркер *эмас*, находящийся в первом компоненте, отрицает негативное значение, выраженное с помощью первого отрицательного маркера — *ма*. Поэтому в конструкции $Aэмас, A+PNeg$ связь между $Aэмас$ и $PNeg$ реально существует;

б) В конструкции $Aэмас, A+PNeg$ $Aэмас$ отрицает подразумеваемое понятие, а в сочетании $A+PNeg$ выражает действительный факт, при котором связь между A и P реально не существует. Например: *У бу воқеаларни қўрққанидан эмас, эслашга номус қилганидан айтмоқчи эмас эди* (Т. Каипбергенов) 'Он не хотел говорить об этих событиях, не потому, что боялся, а потому, что стыдился вспоминать';

в) Если $Aэмас, A+PNeg$ приобретает форму A *гина эмас, А ҳам +*

PNeg, то отрицается связь сказуемого с обоими *A*. Например: *У эшигини шайх тақиллатиб қолади, деб ўнгидагина эмас, тушида ҳам ўйламагани* (Т. Каипбергенов) 'Не только наяву, но и во сне он не думал, что шейх постучит в его дверь'. Здесь первый *A* отрицает ограничение отрицаемого понятия, а второй *A* расширяет отрицательное значение. Эта конструкция восходит к *A+P гина эмас, А ҳам+P ма* (см. об этом в разделе *A гина эмас, А ҳам+P ма*).

2. Сказуемое мононегативной конструкции с отрицательным маркером *-ма* может принимать и отрицательный маркер *эмас*. В таких случаях, отрицая негативное значение, выраженное с помощью первого отрицательного маркера, оно семантически выражает утверждение. После полинегативной конструкции употребляется утвердительный член, семантически эквивалентный предыдущей отрицательной конструкции. Например: *Биз сендан рўинолик кўрмидик эмас, кўрдик* (Т. Каипбергенов) 'Мы от тебя получили помощь'.

3. Конструкция *A тугул, А ҳам+PNeg* семантически идентична с конструкцией *A гина эмас, А ҳам+PNeg* и между ними существуют отношения дистрибуции свободного варьирования. Например: *Ўртадаги чироқ пилиги пасайтирилганидан, кўз қисганини Ирискул бий*

{	<i>гина эмас</i>
	<i>тугул</i>

шериклари ҳам пайқамади (Т. Каипбергенов) 'Так как фитиль лампы был опущен, моргание его глаз не заметили не только Ирискул бий, но и его товарищи'.

Таким образом, полинегативные конструкции, выражающие утвердительное значение, функционируют в соответствии с законом «отрицания отрицания». Здесь отрицаемое является исходной точкой, отрицание отрицания — конечной. Конечная точка совпадает с исходной. Однако они имеют стилистические различия. Конечная точка характеризуется большей категоричностью, подчеркнутостью утвердительного значения, нежели обычное утверждение, выраженное исходной формой, но порой может передавать и более слабую его степень.

Отрицательная конструкция, выражающая отрицание отрицания, входит в своеобразную привативную оппозицию с мононегативными конструкциями. Наличие двух отрицательных маркеров в полинегативных конструкциях, выражающих отрицание отрицания, противопоставляется мононегативным конструкциям, в которых имеется только один отрицательный маркер.

Два отрицательных маркера в полинегативной конструкции, погашая друг друга, нейтрализуются, в результате полинегативные конструкции выражают утвердительное значение.

Полинегативные конструкции, не влияющие на значение отрицания. В составе мононегативных конструкций иногда употребляются отрицательные частицы *ҳеч, сира, асло, на... на...*, превращающие мононегативное предложение в полинегативное. Однако частицы *ҳеч, сира, асло* не имеют деривационного признака, так как они не трансформируют конструкцию одного типа в конструкцию другого типа, как это имело место с отрицательным аффиксом *-ма* и отрицательными словами *йўқ* и *эмас*. В случае их опущения предложение не теряет отрицательного значения. Кроме того, *ҳеч, сира, асло* употребляются в основном¹³ в отрицатель-

¹³ В составе вопросительных конструкций частицы *ҳеч, сира* употребляются и при утвердительной форме сказуемого. Например: *Акангдан*

{	<i>ҳеч</i>	<i>дарак борми?</i>
	<i>сира</i>	

 'Есть ли от брата какие-нибудь вести?'

ных предложениях. Это характерно для всех тюркских языков. Например, Б. Мамедов отмечает на материале азербайджанского языка, что слова *heç*, *асла* и *этијјән* служат одной цели — усилению отрицания, а отрицание в предложении выражается иными средствами¹⁴. Эти средства, сочетаясь с отрицательными сказуемыми, не выражают утвердительно-суждения. В таких конструкциях два отрицания не приводят к выражению утвердительно-значения. С. А. Васильева пишет: «Признание основного закона, — якобы действующего в этих языках, и глаголющего о том, что два отрицания в одном и том же предложении сообщают последнему утвердительно-значение, — приводит некоторых исследователей к убеждению о необходимости исключения из числа отрицательных слов отрицательных местоимений и наречий, чтобы как-то отстоять неизбежность математического закона о двойственном отрицании, искусственно пересаженного в грамматику»¹⁵.

Однако в самих отрицательных словах *heç*, *сира*, *асло* и т. д. заложена отрицательная сема. Эти слова иногда могут выполнять функции предложения, выражающего отрицательное суждение. Такая функция отрицательных слов встречается и в диахронном, и в синхронном срезах узбекского языка. Например: — *Нима қилиб юрибсан?* — 'Что делаешь?' — *Heç* («Сув одами») — 'Ничего'. — *Раҳм қилинг, Дехқон Улмашович, шафқат айланг* — 'Пощадите, Дехкан Улмашович, простите!' — *Асло*. (С. Азимов) — 'Никогда'.

В современном узбекском языке эти отрицательные слова в составе отрицательных конструкций служат для дифференциации отрицательных суждений в количественном отношении. Такая функция отрицательных слов в полинегативных конструкциях имеет универсально-типологический характер, так как присуща большинству языков мира.

Некоторые лингвисты считают двойное отрицание плеонастическим употреблением отрицательных средств (А. Есперсен). Однако большинство исследователей не разделяет этой точки зрения и видит сущность двойного отрицания в выражении усиленного отрицания, в придании отрицанию эмпатичности, экспрессивности модальных оттенков (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский и др.). В частности, А. М. Пешковский отмечает, что повторное отрицание может создавать только усиление отрицательного смысла¹⁶. Такого мнения придерживаются почти все исследователи полинегативной конструкции, не изменяющей отрицательного значения.

Мы разделяем мнение С. А. Васильевой о том, что дополнительное отрицание не усиливает отрицательного значения¹⁷. В тюркских языках, в частности в узбекском, полинегативные конструкции, не изменяющие отрицательного значения, образуются при употреблении в составе мононегативной конструкции отрицательного слова *heç* с местоимениями *ким*, *нима* [*нарса*, *қачон*, *қар* (+-га, -да, -дан)], *қандай* и т. д., а также частиц *асло*, *сира*. Эти отрицательные частицы, употребляясь только в составе отрицательных предложений, действительно не усиливают отрицательного значения, а лишь дифференцируют общеприцательное и частноприцательное. Таким образом, мононегативная конструкция входит в привативную оппозицию с полинегативной конструкцией, не

¹⁴ Б. Р. Мамедов. Категория отрицания в современном английском и азербайджанском языках. Автореф. канд. дисс., Баку, 1967, стр. 15.

¹⁵ С. А. Васильева. Двукратное отрицание в древнеанглийском языке. — «Сборник работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности», Л., 1958, стр. 199.

¹⁶ А. М. Пешковский. Указ. раб., стр. 389.

¹⁷ С. А. Васильева. Указ. раб., стр. 207—208.

изменяющей отрицательного значения по количественному признаку. Такой дифференциальный признак можно выявить с помощью трансформации путем адъюнкции и субституции.

Отрицательная частица *ҳеч* имеет признак сочетаемости с вопросительными словами *ким, нима, қачон, қайси, қанақа (қандай), қанча, қаер* (в нулевом и локативных падежах) и существительным *нарса*, и обобщает значение, выраженное вопросительными словами с отрицательным оттенком. Например: *Ҳеч ким келдими?* 'Никто не пришел?' Сочетание *ҳеч ким* можно трансформировать путем субституции словами группы *N*, ср.:

T₁ *Ҳеч ким келмадими?*

T₂ *Карим келмадими?*

В конструкции T₁ спрашивается, пришел ли человек вообще, а в конструкции T₂ — конкретный человек. Между двумя конструкциями существует оппозиция по признаку обобщенность — конкретность. Отрицательная частица, сочетаясь с вопросительным словом *нима* и существительным *нарса*, придает фразе обобщенное отрицательное значение, выраженное вопросительным словом. Например: *Мен шундай улуг воқеаларнинг гувоҳи бўладиган, деярли, ҳеч нарса ни кўрганим йўқ* (П. Қодиров) 'Я ничего особенного не видел, чтобы стать свидетелем подобных великих событий'.

Конкретность — обобщенность действия, выраженного компонентом *Вганим йўқ* зависит от актанта объектной валентности данного глагола. Если он выражен именем, значит отрицательная связь между объектом и *Вганим йўқ* конкретная. Например:

	<i>дафтар</i>	тетради
	<i>қалам</i>	карандаша
<i>Мен ручка — ни кўрганим йўқ.</i>		ручки'.
	<i>Андижон</i>	Андижана
	<i>Аҳмад</i>	Ахмеда

Если актант выражен словами *ҳеч нима*, то отрицательная связь между объектом и действием имеет общий характер. Ср.: *Мен ҳеч* $\left\{ \begin{array}{l} \text{нарса} \\ \text{нима} \end{array} \right.$ *(ни) кўрганим йўқ.* 'Я ничего не видел(а)'. См. еще: *Менга ҳеч нарса керакмас, ўзингиз омон бўлсангиз бас, — дерди Онабиби* (А. Мухтор) 'Мне ничего не надо, лишь бы вы сами были здоровы, — говорила (всегда) Онабиби'.

Следовательно, дифференциальным признаком полинегативной конструкции, в составе которой имеется отрицательное местоимение *ҳеч нарса* является обобщенность — конкретность. Поэтому некоторые лингвисты называют слова типа *ҳеч қачон, ҳеч нарса* отрицательными обобщенными местоимениями, а *ҳеч қаер* отрицательно-обобщающим наречием¹⁸.

Отрицательная частица *ҳеч*, сочетаясь с вопросительным местоимением *қачон*, выражает общеотрицательное время, и в этом сочетании противопоставляется общеутвердительным *ҳамма вақт, доимо* и т. д. При трансформации полинегативной конструкции, в составе которой употребляется *ҳеч қачон*, в утвердительную и приобретение сказуемым данной конструкции положительного значения, одновременно отрицательное местоимение *ҳеч қачон* замещается словами *ҳамма вақт, доимо*. Например:

¹⁸ Н. А. Булах. Средства отрицания в немецком литературном языке. Ярославль. 1962, стр. 25.

Отрицательный ряд

Хеч қачон босмачини қўлга тушириши бунчалик осон бўлади, деб ўйламаган эдим (Ҳ. Умарбеков) 'Никогда не думал, что поймать басмача будет так легко'.

Утвердительный ряд

Доимо ҳамма вақт } босмачини
ҳамиша }

қўлга тушириши қийин бўлади, деб ўйлар эдим 'Я всегда считал, что поймать басмача будет трудно'.

Как показывают примеры, слова *хеч қачон* выражают общее время, поэтому при адъюнкции отрицательных местоимений в составе мононегативной конструкции обобщается отрицательное значение мононегативной конструкции. Например:

Баъзида юраги ёнгани билан, парво қилмас эди бунга хеч қачон (А. Орипов). 'Иногда жаждет сердце, однако он (а) никогда не обращал (а) внимания'.

Конструкция *хеч қачон парво қилмас эди*, являющаяся ядерной в данном сочетании, входит в привативную оппозицию с утвердительной конструкцией *доимо эйтибор берарди* по признаку утвердительности — отрицательности. Однако эта конструкция входит в эквиолентную оппозицию еще с другой полинегативной конструкцией по признаку конкретности — обобщенности (определенности — неопределенности). Ср.:

T₁ *Хеч қачон парво қилмас эди* 'Никогда не обращал внимания',

T₂ *Баъзан ҳар замонда парво қилмас эди* 'Иногда не обращал внимания'.

Значит, здесь противопоставляются *никогда* — *иногда*. В первой конструкции — отрицание общее (вообще не обращает внимания), а во второй конструкции — отрицание частного случая (вообще обращает внимание, но порой нет).

Отрицательные частицы *сира, асло, хеч*, сочетаясь с отрицательным сказуемым, составляют один парадигматический ряд с *хеч қачон*, находящимся в отношении дистрибуции свободного варьирования. Например:

1) *Мен уни сира (хеч, асло, хеч қачон) эсимдан чиқара олмайман* (Ҳ. Умарбеков) 'Я никогда ее (его) не забуду';

2) *Халққа айтинг мен асло (сира, хеч, хеч қачон) ўлганим йўқ* (Х. Олимжон) 'Скажите народу, я не умер';

3) *Асло (сира, хеч, хеч қачон) раҳминг келмайди бировнинг бола-сига* (Нар. песня) 'Нет никакой жалости к чужому ребенку'.

Примеры показывают, что полинегативные конструкции с частицами *хеч, сира, асло* противопоставляются мононегативным по признаку нейтральности — обобщенности.

Мононегативная конструкция характеризуется нейтральностью в отношении времени; полинегативная, принимая одну из частиц *сира, асло, хеч*, обобщает нейтрально-отрицательное значение. В случае включения слов, выражающих значение, противоположное значению частиц *сира, асло, хеч*, последние приобретают конкретное временное значение. Например, в первой конструкции при замене слова *сира* словом *бир ойгача, анчагача, баъзан*, проявляется конкретное временное значение: *Мен уни сира (бир ойгача, анчагача, баъзан) эсимдан чиқара олмайман* 'Я не забуду ее (его) в течение месяца'. В третьем предложении при замене слова *асло* словом *баъзан* выражается более конкретное временное значение. Ср.:

1) *Асло раҳминг келмайди* 'Не пожалеешь',

2) *Баъзан раҳминг келмайди* 'Иногда не пожалеешь'.

Первой конструкции отрицательное значение присуще постоянно,

то есть это отрицание вообще, а во втором предложении отрицание относится только к определенному времени.

Таким образом, полинегативная конструкция, в составе которой уплотряются частицы *ҳеч, сира, асло* и отрицательное местоимение *ҳеч қачон*, с одной стороны, входит в градуальную оппозицию с монологативной конструкцией без каких-либо средств, влияющих на временное значение этой конструкции, с другой стороны, противопоставляется тем же монологативным конструкциям, в которых имеются единичные, противоположные отрицательным частицам *ҳеч, сира, асло, ҳеч қачон*.

В случае адъюнкции отрицательных местоимений *ҳеч қанақа, ҳеч қайси* в составе монологативной конструкции, последние, сочетаясь с компонентом, употребляющимся в функции главного или второстепенного члена предложения, обобщают отношение отрицания между субъектом и предикатом. Например, *Мен ишонаманки, ҳеч қанақа нарзилик бўлмайди, дегандагина, хушига келди* (О. Ёқубов) 'Он опомнился только тогда, когда сказал, что верит в то, что не будет никаких неприятностей'. Данное сложное целое состоит из четырех предложений, из них второе — полинегативное. Слова *ҳеч қанақа*, сочетаясь с компонентом, выраженным именем существительным, расширяют его значение и противопоставляются словам *баъзи, айрим*. Ср.: *Айрим нарзиликлар бўлмайди* 'Не будет какого-либо недовольства'; *Ҳеч қанақа нарзилик бўлмайди* 'Никакого недовольства не будет'. И еще: *Бухорининг қоракўли Фарангистонда нақд тилла, — дерди у йўлга. — Бунақаси ҳеч қайси юртда йўқ* (А. Мухтор) 'Каракуль Бухары во Франции — чистое золото, — обычно говорил он сыну, — такого нет ни в одной стране'. Конструкция *бунақаси ҳеч қайси юртда йўқ* полинегативная. Она входит в оппозицию с конструкцией *бунақа ҳамма юртда бор* по признаку отрицательности—утвердительности. Вторая конструкция общеутвердительная, следовательно, первая общеотрицательная. Слово *ҳеч қайси* противопоставляется слову *ҳамма* утвердительной конструкции.

Частица *ҳеч*, сочетаясь с вопросительным местоимением, составляет одно целое и поэтому *ҳеч қанча* считается минимальной единицей языка. Например:

1. *Одам тўпланмади* 'Люди не собрались',
2. *Ҳеч қанча одам тўпланмади* 'Нисколько людей не собралось'.

В первой конструкции действие вообще не состоялось, а во второй состоялось, но не в нужной степени.

Вторая конструкция по поверхностной структуре общеотрицательная, однако по глубинной структуре она частноотрицательная. Такое изменение в семантической структуре данной конструкции происходит благодаря сочетанию *ҳеч қанча*, поэтому оно для данной конструкции обязательно. Значит, конструкция *PronNeg + N θ + V \bar{f} Neg* является самостоятельной моделью узбекского языка и отличается от модели *N θ + V \bar{f} Neg*.

Ввиду различий этих двух моделей они составляют разные парадигматические ряды: если в первой модели все члены парадигмы отрицательные, то во второй модели существуют и утвердительные конструкции. Например: *Ҳеч қанча одам келмади* 'Пришло немного', *Оз одам келди* 'Пришло мало людей'; *Кўп одам келмади* 'Многие не пришли'. Эти три предложения — варианты одной конструкции, так как одним из источников вариантности в рамках структурной схемы (модели) пред-

ложения является субституция¹⁹. Субституентами обычно выступают слова, выражающие общеколичественные значения: *ҳеч қанча*, *кўп*, *оз* и т. д.

Ҳеч қанча, сочетаясь с компонентом *VfNeg*, характеризует его с различных сторон, при этом могут реализоваться различные семантические потенции слов *ҳеч қанча*:

1) *Ҳеч қанча* может характеризовать главный член во временном отношении. Например: *Болаларнинг мактабдан чиққанига ҳеч қанча бўлгани йўқ*. («Ўқит. газ.») 'Сразу после окончания занятий учащихся'.

2) Характеризуется *VfNeg* и с точки зрения отдаленности, расстояния. Например: *Андижондан Ошгача ҳеч қанча келмайди* 'Расстояние из Андижана до Оша незначительно'.

В случае пермутации выявляются дифференциальные признаки семантической структуры слов *ҳеч қанча*.

1) Если *ҳеч қанча* выражает количественное значение, то его место свободно. В случае пермутации не происходит изменений в семантической структуре данной конструкции. Например:

*Ҳеч қанча одам тўпланмади,
Одам ҳеч қанча тўпланмади.*

Здесь меняется только значимость определенного члена предложения. Если в первой конструкции более значителен член *одам*, то во второй — *ҳеч қанча*, то есть количество.

2) Если в составе двух сочетаний реализуются две семантические потенции данного слова, то его место оказывается не свободным. Поэтому в случае пермутации происходит изменение в семантическом отношении. Например: *Ҳеч қанча қиз гапирмади* 'Выступило незначительное количество девушек'; *Қиз ҳеч қанча гапирмади* 'Девушка выступила очень коротко'. Или: *Наманган ҳеч қанча келмайди* 'Наманган недалеко'. Однако нельзя сказать: *Ҳеч қанча Наманган келмайди*. Это выражение асемантическое.

Суммируя все изложенное относительно функции слов *ҳеч сира*, *асло*, *ҳеч ким*, *ҳеч қачон*, *ҳеч қайси*, *ҳеч қанча* и т. д. в составе полинегативной конструкции, можно сказать, что эти дополнительные средства не усиливают отрицательного значения, а служат для дифференциации оттенков конкретности—обобщенности при характеристике предметов, времени, негативных конструкций по глубинной структуре, то есть выделения значения отрицаемых членов.

В полинегативных конструкциях, в состав которых входит *ҳеч қанча*, между поверхностной и глубинной структурами существуют асимметричные отношения. Полинегативные конструкции указанного типа по поверхностной структуре общеотрицательны, однако по глубинной структуре они под влиянием слов *ҳеч қанча* выражают частное отрицание.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

С. Азимов	— С. Азимов. Драмалар. Тошкент, 1971.
«Гулхан»	— журнал ЦК ЛКСМ Узбекистана.
О. Ёқубов	— О. Ёқубов. Билтур кандиллар. Тошкент, 1975; его же. Эр бошига иш тушса. Тошкент, 1966.
Т. Каипбергенов	— Т. Каипбергенов. Маманбий афсонаси. Тошкент, 1973.
П. Қодиров	— П. Қодиров. Олмос камар. Тошкент, 1977.
Мунис	— Мунис. Танланган асарлар. Тошкент, 1957.

¹⁹ О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1979, стр. 28.

- А. Мухтор — А. Мухтор. Чинор. Тошкент, 1970.
 Ҳ. Олимжон — Ҳ. Олимжон. Танланган асарлар. Беш томлик. Тошкент, 1970—
 1971.
 А. Орипов — А. Орипов. Нажот қалғаси. Тошкент, 1981.
 Сув одами — югославская народная сказка.
 Уқит. газ. — «Уқитувчилар газетаси», орган министерства просвещения
 Уз. ССР.
 У. Умарбеков — У. Умарбеков. Ок қалдирғоч. Тошкент, 1974.
 V — глагол.
 N — имя существительное.
 A — член предложения любого типа.
 Neg — отрицательный формант любого типа.

Ф. Г. ХИСАМИТДИНОВА

ГЕНЕЗИС БАШКИРСКИХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ ТИПА «СОНАНТ + ГЛУХОЙ СМЫЧНЫЙ»

В тюркских языках в неразложимых основах вполне допустимы звуко сочетания типа «сонант+глухой смычный». Например *altun* (турк., тур., ктат., кар., кум., кбал., кирг., каз., ног., ккал., гаг., баш., гат., алт., хак.), *altun* (уйг., лоб.), *altin* (узб.), *altan* (як.), *yltan* (чув.) 'золото'; *ortaq* (турк., ктат., ккал., каз., ног., уйг., тур., гаг., азерб., узб.), *ortoq* (кирг., алт.), *urtaq* (баш., тат.) 'друг, товарищ', 'общий, середина'; *ankej* (тур., кар., кум., кирг., каз., ног., ккал.), *enkaj/enkäj* (узб.), *encej* (алт.), *inkäj* (бар.), *iñkäj* (баш.) 'гнуться, сгибаться, наклоняться, падать, кланяться, преклоняться'¹.

Но в отдельных башкирских говорах, в отличие от остальных и большинства тюркских языков, употребление сочетаний сонантов и глухих смычных согласных отмечается не только в неразложимых основах, но и на стыке основы и аффиксов, а также на стыке двух слов. Причем, следует подчеркнуть, что и в неразложимых основах сочетания *lt, mt, nt, rt, nk, ñk* охватывают большее количество слов, то есть они имеют место не только в словах типа *art, alt, altun* и других, но и в тех, в которых в общетюркском масштабе выступают звонкие варианты.

Еще В. В. Катаринский (в 1899 г.) и А. Г. Бессонов (в 1907 г.) обратили внимание на этот интересный факт башкирского языка. Однако вопросы генезиса этих аномальных консонантных сочетаний башкирского языка в их работах не рассматривались.

В настоящей статье нами сделана попытка проследить генезис упомянутых аномальных сочетаний *lt, mt, nt, rt, nk, ñk*.

Консонантные сочетания сонорных и глухих смычных встречаются:
В неразложимых основах:

- средний говор: *aldyr* — лит. яз. и др. гов. *aldyr* 'чаша'; *sañqa* лит. яз. и др. гов. *sañqu* 'лыжи';
 - караидельский говор: *känte* — лит. яз., юго-вост. гов. *kände* 'истинно, точно'; *sänterä* — кыз., миас. *händerä* 'полати';
 - таныпский говор: *baltyrqañ* — кыз., миас., аргаяш. *baldyrqañ* 'борщевик'; *jeñkäj* — лит. яз. и др. гов. *jengä* 'сноха, невестка';
 - гайнинский говор: *pärte//pärde* — лит. яз. и др. гов. *bärde* 'харнус';
- Parta/Barda* — ойконим;

¹ Примеры взяты из кн.: Э. В. Севорган. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. М., 1974.

говор среднеуральских башкир: *juŋqan* — лит. яз. и др. гов. *juŋaŋ* 'одеяло'; *māŋke* — лит. яз. *mānge* 'вечно';

кубалакский говор: *kānt* — юго-вост. гов. *kānde* 'истинно, точно'; *kentek//kendek* 'пупок';

аргаяшский говор: *heŋte* — лит. яз. *heŋle*, вост. д. *heŋde* 'сестричка'; *qajuntuq* — лит. яз. *qajunluq*, вост. д. *qajunduq* 'березняк';

карагай-кыпчакский подговор кызылского говора: *tiŋkeð* — лит. яз. и др. гов. *dingeð*; *jemtek//jemdek* 'падаль'.

В разложимых основах:

Словообразование имен:

формант *-taš/-täš*: *qaryntas* — вост. д., *qaryndas* 'младшая сестра', *aŋyntas* — лит. яз. *aŋhyn* 'жены родных братьев';

формант *-tak/-täk*: *quryltaq* 'тот, кто храпит'; *synqyltaq* 'ворчун';

формант *-tyk/-tek*: *qaltuq* — лит. яз. и др. гов. *qalduq* 'остаток'; *žujuntuq* 'сборище';

формант *-ky/-ke*: *roŋoŋqo/boroŋqo* — лит. яз. и др. гов. *boroŋyo* 'древний'; *irtäŋke* — лит. яз. и др. гов. *irtänge* 'утренний';

формант *-mtyk/-mtek*: *ilämtek* 'отруби'; *ülemtek* — вост. д. *ülemdek* 'вещи, предназначенные для раздачи после смерти человека';

форманты *-onto/-önte*, *-ymta/-emtä*, *-yntu/-ente*: *juuuntu* — лит. яз. *juuuntu*, вост. д. *juuundy* 'помой'; *kisente* 'лесосека' — лит. яз. *kiðente* 'обрезок, вырезка', кыз. гов. *kivende* 'лесосека';

формант *-yltyryk/-elterek*: *kübelterek* — лит. яз. *küðlek*, мяс., кыз. гов. *küðelderek* 'очки'; *tüšelterek* — лит. яз. *tüšlek*, вост. д. *tüšelderek* 'нагрудник'.

Словоизменение имен:

родительный падеж: *jultuŋ (sitentä)* — лит. яз. *juldun (sitendä)* '(на обочине) дороги';

направительный падеж: *qoromqa (bujaŋaŋ)* — лит. яз. *qoromqa (bujaŋaŋ)* 'весь в саже', *žirkä//žirgä* — лит. яз. *jergä* 'земле';

винительный падеж: *bu (ošo) jyltu* — лит. яз. *ošo jyltu* 'в этом году, этот год'; *ulymtu* — лит. яз. *ulymdy* 'моего сына';

исходный падеж: *jultan huŋ//soŋ* 'спустя год'; *auyltan* — лит. яз. *auyltan* 'из деревни';

местный падеж: *billärentä* — лит. яз. *bildägendä* 'на поясочке'; *rašymta* — лит. яз. *bašymda* 'на моей голове'.

Только в среднем говоре исследуемое явление охватывает множественное число и сравнительную форму имен.

Множественное число: *vaguntar* — лит. яз. *vagondar*, юж. д. *vagunlar//vagunnar* 'вагоны'; *köntar* — лит. яз. *köndär*, юж. д. *könlär* 'дни'.

Сравнительная форма имен: *Küntäj* — ойконим, *qolontaj* — лит. яз. *qolondaj* 'как жеребенок'.

Глагол:

Прошедшее категорическое: *kilte* — лит. яз. и др. гов. *kilde* 'пришел'; *pirtem* — лит. яз. *birðem* 'я дал'.

Желательное наклонение: *meŋke kilä* — лит. яз. *mengem kilä* 'хочется подниматься'; *qıŋqu kilä* — лит. яз. (*mineŋ*) *qıŋqum kilä* '(мне) хочется переночевать'.

Понудительный залог: *tuntyr* — лит. яз. *tunðyr* 'заморозь'; *qaltyr* — лит. яз. *qaldyr* 'оставь'.

Форма на *-kan/-kän*: *jaŋqan* 'сгоревший, сгорел'; *jeŋkän* — лит. яз. *jengän* 'победивший, победил'.

Причастие на *-kantaj/-kántäj*: *eskántäj (keše)* — лит. яз. *eskän (keše)* 'пьющий человек'; (*al*) *qajtqantaj* — лит. яз. *ul qajta ala* 'он может идти домой'.

На стыке двух слов:

Küñelem tä, qanym ta tartmaj — лит. яз. küñelem dā, qanym da tartmaj 'душа не лежит'; ber tä — лит. яз. ber dā 'ни одного'; sin kenä — лит. яз. hin genä 'только ты'.

Таким образом, аномальные консонантные сочетания «сонант+глухой смычный» употребляются во многих башкирских говорах. Однако в среднем и караидельском говорах они встречаются в неразложимых основах, на стыке основы и аффиксов падежей прошедшего категорического времени, пунудительного залога, именного и глагольного словообразования. Примечательно, что в тех говорах, где зафиксированы аномальные консонантные сочетания, во-первых, в анлауте и интервокальной позиции преобладают глухие или полужвонкие смычные, во-вторых, для смычных согласных характерна небольшая придыхательность в конце артикуляции, в-третьих, зафиксирован глубокозаднеязычный фарингализованный гласный *a*, который преимущественно употребляется в начале слова или в первом слоге вообще. Приведем примеры.

Глухой или полужвонкий анлаут:

Средний говор: tau 'гора', tel 'язык', а также türt — лит. яз. dürt 'четыре'; tonja — лит. яз. donja 'свет, мир'; köl — лит. яз. göl 'цветок'; rucaq — лит. яз. bycaq 'нож'.

В данном говоре в отдельных словах отмечено озвончение: damqa — лит. яз. tamqa 'знак, метка'; digän — лит. яз. tägän 'глубокий'. В отдельных словах звуки [Т] и [Д] употребляются в анлауте параллельно: da-ya/ta-ya 'подкова', dombojoq/tombojoq 'кувшинка водяная'.

Караидельский говор: tura 'прямо'; tilbägä/dilbägä 'возжи'; tary — вост. д. dary 'просо'; kibeü — лит. яз. gibeü 'странствовать'; rucaq — лит. яз. bycaq 'нож'; käzit — лит. яз. gazeta 'газета'.

Интервокальная позиция:

Средний говор: ataj 'отец'; dätän — лит. яз. dadan 'улей'; aqaj — лит. яз. aqaj 'брат, дядя'; Qävitä — лит. яз. Gäbidä (антропоним).

Караидельский говор: säke 'нары'; täkärlek — лит. яз. tägärlek 'чибис'; saqaju — лит. яз. haqaju 'насторожиться'; turysuq — лит. яз. turyuq 'шишки'.

Однако в интервокальной позиции в отдельных словах возможно озвончение: sigä — лит. яз. и др. гов. sikä 'виски'; syuquq — лит. яз. huquq 'запах мочи'; tuquu — лит. яз. tuquu 'взбивать масло'.

Очевидно, средний и караидельский говоры башкирского языка не знают противопоставления глухих и звонких смычных согласных. В речи одного и того же лица отмечается безразличное смешение глухих со звонкими, независимо от каких-либо фонетических условий.

Придыхательность смычных:

Средний говор: qur^hsuuq 'клещи', qusu^h 'чесотка', t^hmkäk 'пенек', ru^hsqy 'пила'.

Караидельский говор: tü^hrt 'четыре', ru^hcaq 'нож', qo^hquqau 'колокол'. Фарингализованный ударный *a*:

Средний говор: ja^hqud 'одинокий', ja^hmqy 'дождь', an^hfat 'легко', qat^hy 'твердо', qat^haj (этноним).

Кубалаякский говор: aq^haj 'дядя, брат', qan^ha bir 'дай', ta^hquy (jer) 'целина'.

Таким образом, наблюдения показывают, что рассмотренные выше явления взаимозависимы. Все они так или иначе связаны с системой смычных и отражают какую-то ее закономерность.

Как уже отмечалось, в среднем и караидельском говорах смычные не различаются по глухости и звонкости. Ни в анлауте, ни в интервокальной позиции данная корреляция не выдерживается.

Смычные согласные любого языка представляют собой систему, а система предполагает наличие оппозиции. Поскольку в двух рассмотренных говорах нет оппозиции по звонкости и глухости, постольку система предполагает наличие иной корреляции — корреляции по силе и слабости артикуляции звуков.

Наличие системы сильных и слабых предполагает два типа глухих смычных, так называемые *tenues lenes* (слабые) и *tenues fortes* (сильные)².

Смычные согласные консонантных сочетаний *lt, nt, mt, rt, nk, ηk* являются слабыми глухими согласными. Об этом говорит наличие придыхательности согласных и аспирация гласных. Придыхательные (как сильно воздушные) отличаются в большинстве случаев слабостью артикуляции³. С придыханием согласных, с их силой и слабостью очень тесно связана аспирация гласных. Связь придыхания согласных с аспирацией гласных очевидна, так как в основе этого явления лежит коартикуляция звуков. Согласные заднеязычные глубокого образования, а также язычковые, поскольку те и другие характеризуются сильным оттягиванием языка назад, обуславливают более заднюю артикуляцию гласных. Это прежде всего относится к *a*, наиболее открытому из всех гласных⁴.

Таким образом, наличие системы сильных и слабых смычных согласных, а также аспирации делает возможным в среднем и караидельском говорах башкирского языка образование консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный».

Слабые смычные в сочетаниях *lt, nt, rt, nk, ηk* в позиции после сонорных должны были бы озвончиться. Однако наличие придыхательности смычных помешало озвончению, ибо непрдыхательные смычные обычно подвергаются полному озвончению, а придыхательные — всегда частичному⁵.

С точки зрения выяснения генезиса этого явления представляют интерес данные других тюркских языков. Рассмотрим аналогичное явление в восточной их группе.

Консонантные сочетания «сонант + глухой смычный» регулярно встречаются в барабинском и тоболо-иртышском диалектах языка сибирских татар, в туба-диалекте алтайского языка, сарыг-югурском, саларском языках, отмечаются они и в языке рунических, древнеуйгурских, части древнебулгарских памятников, спорадически в ряде тюркских языков Южной Сибири⁶. Например: диалекты языка сибирских татар *kimkä* 'кому', *pirkä* 'вместе', *pultu* 'было', *qıgıntu* 'изгнанник'; туба-диал.

² Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, стр. 124.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же, стр. 227.

⁶ Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, стр. 63, 250; Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кыжи). М., 1966, стр. 20; Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 42; его же. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 91; его же. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. 3, Баку, 1963, стр. 132—133; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 6; Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978; стр. 35, 46; Ф. Г. Хисамитдинова. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980, стр. 8, 18.

алт. *altular* 'они взяли', *antap* 'затем', *barty* 'поехали'; сарыг-югур. *julta* 'в году', *avultan* 'со двора', *tamtyr* 'зажигай'; салар. *jolta* 'в пути', *anta* 'там', *pularta* 'у этих'; рунич. пам. *iltä* 'в государстве' (КТМ³); *kälti* 'он пришел' (КТБ₂₈, Тон 8); древнеуйг. *iltä* 'в народе' (Суv., 397₁₆); *kö'rtüm* 'я увидел' (Суv., 633₂₀); булг. пам. *bolti* 'было', *žalta* 'в году' и т. д. Во всех вышеназванных языках (за исключением языка рунических памятников, о котором нельзя сказать пока что-либо определенное) употребляются преимущественно анлаутные глухие или полувзвонкие смычные согласные: диалекты языка сибирских татар *palamty* 'моего ребенка', *türt* 'четыре', *pulty* 'было'; туба-диал. алт. яз. *tört* 'четыре', *palta* 'топор'; сарыг-югур. *pirte* 'дал', *talaj* 'море'; салар. *pularta* 'у этих', *timor* 'железо'; древнеуйг. *taγ* (ДТС, стр. 526) 'гора', *pusar* (ДТС, стр. 398) 'стать пасмурным'.

Помимо названных языков, глухое или полувзвонкое начало слова характерно для тюркских языков Южной Сибири (шорского, хакасского, чулымско-тюркского)⁷. В тувинском и тофаларском языках начальные смычные — полувзвонкие⁸.

По мнению В. В. Радлова, в восточных тюркских языках в анлауте были только глухие; исходя из этого он и транскрибировал древние уйгурские тексты⁹.

Таким образом, в тюркских языках восточного ареала обнаруживается та же закономерность, что и в исследуемых говорах башкирского языка. Для тюркских языков восточного ареала характерна и придыхательность. В сарыг-югурском и саларском хотя аспирация и сильная, однако она не имеет фонематического значения¹⁰. В диалектах языка сибирских татар придыхательность менее заметна. Имеется она и в хакасском, тувинском, тофаларском языках¹¹.

Что касается явления фарингальности, то оно характерно для тувинского и тофаларского языков¹². Гласные с гортанным отступом, то есть фарингализованные, имеются в саларском и сарыг-югурском языках¹³.

Возможно, что фарингализованные гласные были свойственны и языку рунических памятников. Если древнетюркскому языку, как предполагает Г. Дёрфер, был присущ начальный *h*¹⁴, то есть фарингальный согласный, то вполне возможно, что под его влиянием возникли фарингализованные гласные. Можно при этом предположить и обратный процесс, так как адаптация соседних звуков в языке происходит взаимно.

Как показывают факты, в восточных тюркских языках наблюдаются примерно те же фонетические явления, что позволяет говорить об общей системной обусловленности аномальных сочетаний.

⁷ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941; *её же*. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948; Р. М. Бирюкович. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

⁸ Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык. М.—Л., 1957, стр. 62, 70; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 59—60.

⁹ V. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türkischsprachen*. Leipzig, 1883, стр. 131—133, 199—200.

¹⁰ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка, стр. 19; *его же*. Строй саларского языка, стр. 57.

¹¹ А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков. Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 254.

¹² Я. Ч. Кунаа. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, стр. 24; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 20.

¹³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, стр. 24.

¹⁴ Г. Дёрфер. К вопросу о древнетюркском *i* ~ *yi*. — В кн.: «Проблемы современной тюркологии». Алма-Ата, 1980, стр. 379—385.

Э. Р. Тенишев, исследуя сочетаемость согласных языка рунических и древнеуйгурских памятников, а также сарыг-югурского и саларского языков, пришел к заключению, что в названных языках звонкие и глухие согласные не различаются; корреляция проводится по силе и слабости артикуляции.

Таким образом, данные других тюркских языков также свидетельствуют в пользу положения о связи консонантных сочетаний с системой смычных, в которой противопоставление проводится по силе и слабости артикуляции.

Система сильных—слабых смычных согласных в целом характерна для восточной части центральноазиатского ареала.

Очевидно, в башкирский язык данная фонетическая особенность могла быть привнесена племенами, имеющими центральноазиатские истоки этногенеза.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДТС* — «Древнетюркский словарь»
КТб — Большая надпись в честь Кюль-Тегина.
КТм³ — Малая надпись в честь Кюль-Тегина.
Сив — Сутра «Золотой блеск».
Тон. — Надпись Тоньюкука.

К. Т. РАМАЗАНОВ

ПАРНЫЕ СЛОВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

(ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ, КАЧЕСТВ, СОСТОЯНИЙ)

В тюркских языках юго-западной группы в качестве компонентов значительного числа парных слов выступают имена, обозначающие признак, качество, состояние, цвет субъекта. Некоторые из них являются антонимами и синонимами¹.

1. **Парные слова, образованные из имен, обозначающих признак, качество и состояние.** В данном разделе объединяются имена, обозначающие признак, качество и состояние: прилагательные и наречия. Рассмотрение таких слов, как *јахшы*//*јагыш-говы*//*iyi* 'хороший', 'хорошо' в отдельности по названным частям речи привело бы к ненужным повторам.

В отдельных случаях в данную группу включены слова, употребляющиеся и как существительные, и как прилагательные; например: *свара* (сущ. 'бродяга', прил. 'праздный' — 7, с. 15); *ахмаг*//*тентек* (сущ. 'глупец', прил. 'глупый' — 7, с. 42; 128, с. 628), *аҫ* (сущ. 'голод', прил. 'голодный' — 129, с. 22), *дилбир* (сущ. 'единомышленник', прил. 'солидарный' — 7, с. 132) и т. д.

Парные слова данной группы могут быть разделены на две подгруппы:

а) **Парные слова, образованные именами, обозначающими признак и качество.** Компоненты парных слов данного типа выступают в качестве прилагательных. Такие парные слова, компоненты которых упорядочиваются на основе семантического принципа последовательности, требуют после себя существительное.

К данной подгруппе парных слов относятся: *кечэл-готур* (47, с. 132) 'плешивый-чесоточный', *саар-дилсиз* (34, с. 387) 'глухой-немой', *kör toral* (129, с. 567) 'слепой-хромой', *кор-шил* (32, с. 94)//*кор-шел* (71, с. 251) 'слепой-парализованный', *ажыз-зелил* (141, с. 139) 'беспомощный-жалкий', *ачиз-заваллы* (66, с. 46) 'беспомощный-бедный', *ачиз-авара* (142, с. 80) || *эфэл-авара* (117, с. 225) 'беспомощный-бездеятельный', *авара-јункул* (64, с. 153) 'бездеятельный-легкомысленный', *авара-һејвэрэ* (113, с. 38) 'бездеятельный-грубый', *кеј-маймаз*

¹ Компоненты парных слов, образованных из синонимов, принадлежат к одной и той же части речи и к одной тематической группе. Например, существительное: *јагыш-јагмыр*//*јагыш-јагмур*, *яз-бахар*//*яз-бахар*//*уз баһар* и т. д.; прилагательное: *ачыг-ајдын*//*ачык-айдын*, *еггі бүгү* и т. д.; местоимение: *ненен-ачик*//*насыл-нижә*//*nasıl nice* и т. д. Парные слова данного типа были рассмотрены нами в специальной статье в качестве отдельной группы парных слов (см.: 103, с. 54—69).

(37, с. 38) 'вялый-несообразительный', *halim-salim* (24, с. 118) 'кроткий-здоровый', *yaşlı başlı* (83, с. 35) 'пожилой-толковый', *варлы-карлы* (77, с. 259) 'имущий-дельный', *варлы-һаллы* (134, с. 45) 'имущий-крепкий', *атли-чанлы* (144, с. 190) 'полный-тучный', *gerdanlı göbekli* (15, с. 161) 'толстошей-пузатый', *telli divaklı* (130, с. 131) 'с волосами-с фатой', *telli pullu* (70, с. 70) 'с волосами-разнаряженный', *bereli sakallı* (70, с. 16) 'со шрамом-бородатый', *çatırlu-tozlu* (25, с. 104) 'грязный-пыльный', *jağлы-үзлү* (22, с. 84) // *яғлы-йүзлү* (11, с. 132) 'жирный-со сливками', *сазлы-хеңли* (10, с. 39) 'с музыкой-с песней', *аллы-күллу* (5, с. 95) 'алый-цветастый', *күллу-нахышлы* (67, с. 406) 'цветастый-узорчатый', *дузлу-мәзәли* (67, с. 538) 'приятный (перен.)-потешный', *мәзәли-јумшағ* (112, с. 463) 'потешный-мягкий', *ағыр-әзиз* (2, с. 429), 'солидный-дорогой', *долу-бәзәкли* (19, с. 311) 'полный-украшенный', *ipsiz sapsız* (15, с. 96) 'без веревки-без нитки', *әлбир-дилбир* (54, с. 18) 'совместно-согласованно', *узун кırışik* (70, с. 36) 'длинный-морщинистый', *узун-долашығ* (19, с. 15) 'длинный-путанный', *узун-арығ* (111, с. 605) 'длинный-худой', *арығ-гуру* (112, с. 141) 'худой-сухощавый', *арығ-јырығ* (140, с. 400)² 'худой-разбитый', *көһнә-јыртығ* (64, с. 105) 'старый-рваный', *kırık dö-kük* (96, с. 84) 'сломанный-спадающий', *silik soluk* (53, с. 175) 'стертый-увядший', *әзик-бүзүк* (63, с. 266) 'мятый-сморщенный', *гырышығ-бүзү-шүк* (112, с. 157) 'морщинистый-съеженный', *јыртығ-дешик* (58, с. 135) 'рваный-дырявый', *чырығ-чындыр* (6, с. 153) 'рваный-тряпичный', *уор-гип биткин* (70, с. 229) 'усталый-обессиленный', *әнжин³-зәнжин* (91, с. 150) 'широкий (перен.)-богатый', *галын-габарығ* (19, с. 44) 'толстый-выпуклый', *гәзә-тәр* (39, с. 94) 'свежий-молодой', *гара-гыврым* (112, с. 99) 'черный-кудрявый', *гуру-чод* (20, с. 321) 'сухой-суровый', *чал-чод* (116, с. 26) 'седой-жесткий', *бинамыс-йигренҗи* (41, с. 81) 'бесчестный-отвратительный', *һалал-доғма* (40, с. 50) 'благоприобретенный-родной', *јад-мурдар* (89, с. 354) 'чуждый-поганный', *шит-шылтағ* (27, с. 480) 'плоский (перен.)-капризный', *шух-шылтағ* (112, с. 195) 'жизнерадостный-прихотливый', *саф-сәмими* (116, с. 178) 'чистый-искренний', *сахта-сүн'и* (116, с. 178) 'фальшивый-искусственный', *кәлә-көтүр* (36, с. 36)⁴ 'кривой-корявый', *әјри-доланбач* (66, с. 153) 'кривой-окольный', *јалан-јанлыш* (21, с. 490) // *уалан уанлығ* (83, с. 107) 'ложный-ошибочный', *јалан-јырык* (124, с. 178) // *јалан-яшырын* (122, с. 88) 'ложный-обманый' и т. д.

Компоненты парных слов *кечл-готур*, *gerdanlı göbekli* упорядочиваются на основе семантического принципа «сверху вниз» (101, с. 67), *әлбир-дилбир* «от большей подвижности — к меньшей» (101, с. 61), *јағлы-үзлү* // *яғлы-йүзлү* — «нисходящий по качеству» (102, с. 53).

Первый компонент парного слова *аллы-күллу* 'алый-цветастый' образован от прилагательного *ал*, второй — от существительного *күл*. Эти слова, располагаясь рядом, образуют определительное сочетание первого типа. Для объединения указанных слов в рамках одной части речи ко второму из них добавляется адъективный аффикс *-лу*, в результате чего возникает сложное прилагательное *ал күллу*; например: *ал күллу чит* 'ситец с алыми цветами', *ал күллу палтар* 'одежда с алыми цветами' и т. п.

Присоединением же аффикса *-лы* к слову *ал* это словосочетание превращается в парное слово *аллы-күллу*, первый компонент которого

² См.: 100, с. 475.

³ См.: 129, с. 273.

⁴ Первый компонент парного слова *кәлә-көтүр* в персидском языке выступает в значении «кривой» (98, с. 404), второй компонент является самостоятельной лексической единицей современного азербайджанского языка, хотя и редко употребляющейся; например: *јасавул јенә атын үстүндә дөнүб, көтүр дишләри илә иришә-иришә соруш-ду* (111, с. 46).

(аллы) имеет значение *ал рэнкли* 'алого цвета' (5, с. 95), а второй (*кул-лу*) 'цветастый'. Таким образом, если сочетание *ал куллу палтар* указывает на одно качество одежды (цветы на ней алого цвета), то парное слово *аллы-куллу* обозначает два качества: алый и цветастый. Парное слово *аллы-куллу* в переносном смысле означает нарядный, красивый и т. д. (5, с. 95).

Иногда аффикс *-лы* добавляется к компонентам парных слов, образованных от подлинных прилагательных; например: *ағлы-гаралы* (5, с. 50); *аклы-гаралы* (128, с. 37); *акли карали* (145, с. 156) 'различных цветов, всех цветов'.

б) **Парные слова, компоненты которых обозначают состояние.** Компоненты парных слов данного типа являются наречиями и упорядочиваются главным образом на основе семантического принципа «причина — следствие». Такие парные слова связаны с последующим полнозначным или вспомогательным глаголом.

К парным словам, обозначающим состояние в тюркских языках юго-западной группы относятся такие, как: *башачыг-ајагјалын* (48, с. 67) 'простоволосо-босоного', *гышык-чайшык* (12, с. 192) 'косо-криво', *динч-динмэз* (134, с. 330) 'спокойно-молчаливо', *лал-динмэз* (88, с. 95) 'немо-молча', *лал-кар* (29, с. 24) 'немо-глухо', *кар-кор* (115, с. 323) 'глухо-слепо', *кел-көр* (42, с. 88) 'плешиво-слепо', *шил-күт* (33, с. 137) 'парализованно-тупо', *шил-шикэст* (115, с. 12) 'парализованно-увечно', *шил-зэлил* (92, с. 120) 'парализованно-жалостливо', *эллил-зэлил* (65, с. 37) 'калека-жалкий', *зар-зелил* (42, с. 12) 'плачущее-жалостливо', *хар-хэчил* (93, с. 85) 'униженно-пристыженно', *ач-хор* (123, с. 450) 'голодно-бедно', *ач-сусуз* (99, с. 111) // *ач-сусуз* (84, с. 351) // *ач susuz* (14, с. 34) 'голодно-жаждущее' *ач билач* (129, с. 22) 'голодно-беспомощно', *ач-яланач* (72, с. 19) // *ач-јалавач* (54, с. 72)⁵ // *эч-лүт* (106, с. 101) // *ач-үрјан* (112, с. 344) // *ач-чылпаг* (46, с. 106) // *ач çıplak* (130, с. 49) 'голодно-голо', *ач-лэлэвүн* (113, с. 82) 'голодно-алчущее', *ач-јорғун* (74, с. 4) 'голодно-устало', *јорғун-эзкин* (95, с. 7) 'устало-утомленно', *јорғун-үзкүн* (58, с. 339) 'устало-изнуренно', *авара-сәркәрдан* (86, с. 28) 'праздно-бесцельно', *дали-тентек* (50, с. 502) 'сумасшедше-глупо', *көк-гурғун* (42, с. 40) 'весело-бодро', *галын-гајым* (94, с. 15) 'плотно-крепко', *iyi güzel* (127, с. 115) 'хорошо-красиво', *iyi hoş* (127, с. 215) 'хорошо-приятно', *rezil rüsva* (135, с. 110) 'подлый-посрамленный', *јерли-дибли* (77, с. 332) *јер* 'место', *диб* 'дно', *јерли-көклу* (28, с. 478) *јер* 'место', *көк* 'корень', *yersiz yönsüz* (83, с. 249) 'не к месту-косо', (букв. 'без направления'), *sakin sessiz* (25, с. 51) 'осторожно-молчаливо', *ачыг-сачыг* (22, с. 423) // *ачик саçик* (96, с. 29) 'откровенно-подробно', *гарыш-булаш* (139, с. 155) // *гарышыг-булашыг* (55, с. 105) 'перемешанно-загрязненно' *хурд-хэшил* (18, с. 92)⁶ 'измельченное-каша', *һајыл-мајыл* (58, с. 248)⁷ 'восхищенно-восторженно', *бол-телки* (45, с. 55) 'обильно-широко', *мәлул-мүшкүл* (29, с. 75) 'печально-озабоченно', *мәлул-мә'јус* (108, с. 373) 'печально-отчаявшись', *мат-мә'јус* (89, с. 215) 'остолбенело-отчаявшись', *мә'јус-мүкәддәр* 'отчаявшись-огорченно' и т. д.

⁵ Слово *јалавач* в современном азербайджанском литературном языке как самостоятельная лексическая единица не употребляется. Это слово в значении «голый» выступает в туркменском языке в форме *яланач* (128, с. 811), в узбекском — *яланғоч* (132, с. 571), в уйгурском — *йаланғач* (131, с. 777), в казахском и каракалпакском — *жаланаш* (78, с. 155; 79, с. 217), в киргизском — *жыланач* (80, с. 279).

⁶ Первый компонент этого слова восходит к персидскому *хорд* 'мелкий, малый' (98, с. 190), а второй является существительным *хэшил* (7, с. 369) 'каша из муки'.

⁷ Значения слов *һајыл* и *мајыл* см.: 57, с. 324, 709.

Компоненты парных слов *башачыг-ајагјалын*, *гышык-чайшык* упорядочиваются на основе семантического принципа «сверху вниз» (101, с. 67), а парного слова *лал-кар* — «от большей подвижности — к меньшей» (101, с. 61).

Компоненты парных слов *ач-сувсуз//ач-сусуз//аç susuz* упорядочиваются на основе семантического принципа «от еды — к питью», а компоненты парных слов *ач-яланач//ач-јалавач//ач-лут//ач-үрјан//ач-чылпаг//аç çirpak* — на основе принципа «от внутреннего — к внешнему».

Компоненты парных слов *јерли-дубли//јерли-көклу* упорядочиваются на основе семантического принципа «сверху — вниз» (104, с. 64).

II. Парные слова, образованные из антонимов. В тюркских языках юго-западной группы существует целый ряд парных слов, компоненты которых являются антонимами: *јахшы-нис* (3, с. 46)//*јахшы-јаман* (119, с. 26)//*ягышы-яман* (81, с. 520)//*говы-хорда* (97, с. 283)//*iyi kötü* (53, с. 248) 'хороший-плохой', *ыссы-совук* (73, с. 399)//*исти-сојуг* (22, с. 262) 'горячий-холодный', *агыр-јункул* (23, с. 143) 'тяжелый-легкий', *бәрк-бош* (107, с. 93) 'крепкий-слабый', *бәрк-јумшаг* (19, с. 383) 'твердый-мягкий', *ачы-ширин* (28, с. 393) 'горький-сладкий', *саф-чүрук* (137, с. 225) 'свежее-гнилое', *мурдар-тәмиз* (56, с. 37) 'грязный-чистый', *јоғун-назик* (109, с. 249) 'толстый-тонкий', *галын-сејрәк* (90, с. 7) 'густой-редкий', *узун-көдәк* (28, с. 540) 'длинный-короткий', *учуз-баһа* (112, с. 156)//*исиз раһали* (127, с. 191) 'дешевый-дорогостоящий', *јалан-керчәк* (55, с. 88)//*јалан-доғру* (18, с. 86) 'ложный-верный', *уанлыş доғру* (129, с. 910) 'неправильный-верный', *огрын-доғрын* (128, с. 483) 'тайно-открыто', *доғма-өкеј* (138, с. 157) 'родной-неродной', *сағ-сөкәл* (31, с. 21) 'здоровый-больной', *јағлы-јаван* (23, с. 16) 'жирный-нежирный', *дүз-зјору* (115, с. 188) 'прямой-кривой', *әл-гуры* (71, с. 270) 'мокрый-сухой', *жөвзалы-аңзаклы* (9, с. 20) 'знойный-морозный', *ялы-укылы* (120, с. 170) 'полусонно-сонно', *атлы-пыяда* (44, с. 233)//*атлы-пијада* (143, с. 278) 'конный-пеший' и т. д.

Компоненты таких парных слов упорядочиваются на основе семантического принципа «по нисходящей по качеству». Другими словами, первый компонент парного слова обозначает положительное качество, а второй — отрицательное.

Парное слово *ачы-ширин* связано с приемом пищи. Компоненты подобных парных слов упорядочиваются по вкусовым качествам (102, с. 54).

Компоненты парного слова *учуз-баһа//исиз раһали* упорядочиваются в соответствии с семантическим принципом «от малого — к большому».

Иногда в связи с употреблением глагола (сказуемого), в отрицательном смысле компоненты парного слова меняются местами, то есть за словом, обозначающим низкое качество, следует слово, обозначающее высокое качество; напр.: *мурдар-тәмиз*⁸.

Парные слова, состоящие из имен, обозначающих противоположные качества, приобретают в предложении следующие характерные особенности:

1. Если после парных слов, рассмотренных в предыдущем разделе, следует существительное или глагол, то парные слова, включающие антонимы, субстантивируются и распадаются на однородные члены; например: *Науатта iyi ve fena şeyleri sanki şimdi anlattığına başlıyorum* (26, с. 45) 'Как будто теперь начинаю понимать хорошие-плохие вещи в

⁸ Сказанное можно распространить и на парное слово *өкеј-доғма*, например: *Өкеј доғмалыг салмајын* (85, с. 309).

жизни»; *Hakka şükreyledi âlâ ve ednâ* (61, с. 116) 'Воздали хвалу всевышнему высокопоставленные и чернь'.

Поскольку компоненты парных слов, обозначающие антонимические качества, субстантивируются в предложении и приобретают грамматические признаки существительного, то есть возникает единство определяемого элемента с определяющим; образовавшиеся синтагматические сочетания не требуют после себя существительного, а сами принимают аффикс множественного числа и склоняются; например: *Jaхшы-писи ајырмагда гарғалар чох һушлу вә ајыг олулар* (3, с. 46) 'В различении хорошего-плохого вороны бывают очень сообразительными и чуткими'; *Арифсән, өзүн јахшы-јаманлары көрүсән* (119, с. 26) 'Ты мудрый, сам видишь хорошее-плохое'; *Биримде билмедим ягышы-яманы, икимде таныдым ата-энени* (81, с. 520) 'В возрасте одного года не отличал хорошее-плохое, а в возрасте двух лет стал узнавать отца-мать'; *Сениң не ишиң бар ягышы-яманда* (81, с. 288) 'Что тебе до хорошего-плохого'; *Iyi kötü bilinen kalabalık* (53, с. 248) 'В массе людей известны плохие-хорошие'.

Такие парные слова, употребляясь с аффиксами принадлежности, сохраняют форму субстантива; например: *Онун јахшы-јаманы бусбүтүн үзә чыхды* (60, с. 82) 'Его хорошее-плохое полностью обнаружилось'; *Иланын јахшы-јаманы олмаз* (136, с. 110) 'Среди змей не бывает хороших-плохих'.

Иногда слова типа *јахшы, пис//јахшы, јаман//ягышы, яман//iyi, kötü*, выступающие как однородные члены, ошибочно изображаются на письме как парные слова; например: *Колхозда јахшы-пис иш јохдур* (59, с. 249) 'В колхозе нет хороших-плохих дел'; *Билмез ягышы-яман иши* (121, с. 43) 'Он не знает хороших-плохих дел'; *Her milletin, dedi, iyi kötü bir anayasası olacak* (13, с. 116) 'У каждой нации, сказал он, будет хорошая-плохая конституция'.

Парное слово *исти-сојуг//ыссы-совук*, субстантивируясь, также склоняется; например: *Бунлар чазандыр, исти-сојуға дүшмәјубләр* (30, с. 13) 'Они молоды и не попадали еще в горячее-холодное (не испытали трудностей)'; *Мәним исти-сојуғу баша дүшән вахтым иди* (22, с. 262) 'Это было время, когда я уже начал понимать горячее-холодное'; *Исти-сојугда да ел ичиндә!* (110, с. 185) 'С народом и в горячем-холодном (т. е. всегда)'; *Ыссы-совукдан саклаян* (73, с. 399) 'Спасающий от горячего-холодного (т. е. от всех превратностей)'.

Данное парное слово употребляется также в качестве второго компонента определительных словосочетаний III типа; например: *Биз һәјатын исти-сојуғуну көрмүшүк* (59, с. 277) 'Мы видели в жизни горячее-холодное (т. е. всякое)'; *Инди һаванын исти-сојуғунун да онун үчүн фәрги јохдур* (1, с. 150) 'Теперь ему безразлична горячая-холодная погода'.

В предложении туркменского языка *Ыссыны-совугы диймән* (128, с. 773) 'Несмотря на жару-холод' употреблено парное слово *ыссыны-совугы*. Поскольку оба компонента этого слова приняли аффиксы падежа, оно потеряло статус парного слова, а компоненты приобрели характер однородных членов, между которыми следует ставить уже не дефис, а запятую.

Парные слова *јалан-керчәк//јалан-доғру* выступают в предложении в функции модальных сочетаний; например: *Јалан-керчәк, бабалы дејән-ләрин бојнуна* (55, с. 88) 'Неправда-правда, грех на совести говорящих'; *Јалан-доғру, јүз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди* (18, с. 86) 'Неправдой-правдой, приведя сто доводов, хотел меня уволить с работы'.

Эти слова, первый компонент которых обозначает отрицательное (*јалан*), а второй — положительное (*керчэк//доғру*) качества, не могут выступать в целом как модальные сочетания, так как «Категория модальности, в основном, подтверждает в положительном либо отрицательном смысле (разрядка наша. — К. Р.) суждение об определенном предмете, явлении или их свойствах, качествах» (4, с. 307).

Первый компонент указанных парных слов (*јалан*) соответствует модальным сочетаниям *јалан олмасын* 'если не «ошибаюсь», *ола билсинки* 'может быть', а второй (*керчэк//доғру*) — сочетанию *доғрудан да* 'действительно'. Эти парные слова, компоненты которых употребляются в антонимическом ряду (отрицательный-положительный), в целом соответствуют модальному сочетанию *бир сөзлә* 'одним словом'.

Ср.:

Употребление в качестве
парного слова

Јалан-керчэк, бабалы дејәнләрин бојнуна 'Неправда-правда, грех на совести говорящих'.

Јалан-доғру, јуз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди 'Неправдой-правдой, приведя сто доводов, хотел уволить меня с работы'.

Употребление в качестве
модального словосочетания

Бир сөзлә, бабалы дејәнләрин бојнуна 'Одним словом, весь грех на совести говорящих'.

Бир сөзлә, јуз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди 'Одним словом, приведя сто доводов, хотел меня уволить с работы'.

Указанное сочетание, потерявшее статус парного слова, может употребляться в предложении в трех формах:

а) с запятой между компонентами: *Јалан, доғру, јуз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди*;

б) с союзом *ја* 'или' между компонентами: *Јалан ја доғру, јуз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди*;

в) с добавлением частицы *-мы* к обоим компонентам: *Јаланмы, доғруму, јуз бәһанә кәтириб мәни ишдән чыхартмаг истәјирди*.

Встречаются случаи неправильного написания парного слова *јалан-доғру* в функции модального сочетания: например: *Јалан, доғру, билмиргәм, бу күнләрдә бир сөз дә ешитмишәм...* (39, с. 231) 'Не знаю, ложь или правда, на днях я слышал, что...'. *Јалан ти, доғру ти билтем* (105, с. 124) 'Ложь ли, правда ли — не знаю'.

Тот же принцип упорядочения компонентов (отрицательный-положительный) характеризует парное слово *әјри-дүз*; например: *Ахы, нәдир, әјри-дүз олан?* (137, с. 178) 'Что это, наконец, ложное-правдивое?'.

При употреблении данного парного слова в качестве модального сочетания порядок компонентов изменяется; например: *Дүз-әјри, мән үрәјими ачыб һамысыны сизә дејирәм* (115, с. 188) 'Правда-ложь, я все с открытым сердцем сообщаю вам'.

2. Парные слова, входящие в подгруппу, выступают в предложении как первый компонент сложных сказуемых; например: *говы-хорда сайгарылмак* 'различать хорошее-плохое'; *бәрк-бош көрмәк* 'видеть твердое-податливое (встречаться и с легким, и с трудным)'; *саф-чүрук еләмәк* 'отделять гнилое-здоровое'; *узун-көдәк еләмәк* 'делать долгое-короткое (о разговоре)'; *мурдар-тәмиз ганмаг* 'уличать грязное-чистое'; *учуз-баһа сатмаг* 'продавать дешево-дорого'; *огрын-догрын душушмак* 'встречаться с тайным-явным любимым путем'; *сағ-сөкәл кәзмәк* 'ходить здоровым-больным'; *өл-гуры диймек* 'мокрый-сухой говорить'; *оялы-укылы ятмак* 'лежать полусонно-сонно'.

Парные слова, компоненты которых обозначают антонимические качества, не могут употребляться как определение к существительному в единственном числе. Это положение, однако, иногда нарушается, например: ...*Јағлы-јаван бир тикамизи онсуз јемирдик* (23, с. 16) 'С маслом-всухомятку — без него ни куска мы не ели'.

Здесь сочетание *јағлы-јаван* (*тика*) 'жирный-постный (кусок)' является неверным с точки зрения логики, ибо кусок (мяса) не может быть одновременно и жирным, и постным.

Парные слова данного типа могут определять только существительные в форме множественного числа; например: *ачы-ширин хатирәләр* 'горькие-сладкие воспоминания', *атлы-пыяда топарлар* 'конные-пешие походы' и т. д.

Исключение представляет сочетание *yanlış doğru cetveli* 'перечень опечаток' (129, с. 910), где парное слово *yanlış doğru* является первым компонентом определительного сочетания II типа. Поскольку в таком списке вначале указывается ошибочное (*yanlış*) написание слова, а затем правильное (*doğru*), использование указанного парного слова представляется оправданным.

III. Парные слова, образованные из цветовых обозначений. В тюркских языках юго-западной группы существуют следующие парные слова, образованные из цветовых обозначений: например: *нарынчы-чәһрајы* (38, с. 375) 'оранжевый-розовый', *сары-бәнөвшәји* (17, с. 181) 'желтый-фиолетовый', *сары-гырмызы* (39, с. 79) 'желтый-красный', *мелемтил-гызыл* (124, с. 331) 'светложелтый-красный', *гырмызы-гәһвәји* (138, с. 111) 'красный-коричневый', *кара-ешил* (68, с. 15) 'черный-зеленый', *көј-јашыл* (16, с. 179) 'синий-зеленый', *көј-гара* (112, с. 305) 'синий-черный', *ешил-сары* (126, с. 118) 'зеленый-желтый', *јашыл-гызыл* (81, с. 398) 'зеленый-красный', *јашыл-боз* (118, с. 9) 'зеленый-серый', *гырмызы-боз* (112, с. 173) 'красный-серый', *боз-көј* (112, с. 432) 'серый-синий', *боз-гара* (87, с. 106) 'серый-черный', *ағ-гара* (108, с. 87) // *ак кара* (25, с. 149) // *ак-гара* (62, с. 113) 'белый-черный', *ак-јашыл* (8, с. 40) 'белый-зеленый', *ак-гөк* (43, с. 52) 'белый-синий', *ағ-гырмызы* (91, с. 93) 'белый-красный', *ағ-сары* (49, с. 62) 'белый-желтый', *ағ-чәһрајы* (86, с. 346) 'белый-розовый', *ағ-бәнөвшәји* (92, с. 64) 'белый-фиолетовый', *ағ-боз* (76, с. 30) 'белый-серый', *ағ-ала* (112, с. 173) 'белый-пестрый', *көј-ала* (76, с. 160) 'синий-пестрый', *чал-гонур* (111, с. 708) 'чалый-каштановый', *гумрал-гонур* (133, с. 240) 'бежеватый-каштановый', *гонур-гара* (124, с. 9) 'каштановый-черный' и т. п.

Компоненты этих парных слов упорядочены на основе определенных закономерностей.

В парных словах *сары-бәнөвшәји*, *гырмызы-боз* первый компонент обозначает теплый, а второй — холодный цвет.

Компоненты парных слов *сары-гырмызы*, *мелемтил-гызыл*, *көј-јашыл*, *көј-гара*, *ешил-сары*, *јашыл-гызыл*, *чал-гонур*, *гумрал-гонур*, *гонур-гара*, *боз-гара* упорядочиваются на основе принципа, согласно которому на первом месте располагается обозначение цвета с короткой световой волной, а на втором — с длинной (от короткого — к длинному).

Известно, что луч белого цвета включает все другие цвета радуги, являясь как бы их суммой. Следовательно, все другие цвета можно рассматривать как части белого. Именно принцип «целое — часть» и лежит в основе упорядочения компонентов парных слов, состоящих из обозначений белого (*ағ*) и остальных цветов; например: *ағ-гара* // *ак кара* // *ак-гара*, *ак-јашыл*, *ак-гөк*, *ағ-гырмызы*, *ағ-сары*, *ағ-чәһрајы*, *ағ-бәнөвшәји*, *ағ-боз*, *ағ-ала*.

На основе того же принципа (целое — часть) упорядочиваются

компоненты парного слова *боз-көј* 'серый-белый', так как серый цвет является сложным (зеленый+голубой+синий).

В парных словах *гырмызы-гәһвәји*, *јашыл-боз*, *көј-ала* первыми выступают обозначения основного цвета (*гырмызы*, *јашыл*, *көј*), а вторым — производного (*гәһвәји*, *боз*, *ала*)⁹.

Парные слова в тюркских языках юго-западной группы
(обозначение признаков, качеств, состояний)

Парные слова, образованные из имен, обозначающих признак, качество и состояние		Парные слова, образованные из антонимов	Парные слова, образованные из цветовых обозначений
а) Парные слова, образованные именами, обозначающими признаки и качества	б) Парные слова, компоненты которых обозначают состояние		
1	2	3	4
көчөл-гогур (А)	башачыг-ајагјалын (А)	јахшы-пис (А)	нарънчы-чәһрајы (А)
саар-дилсиз (Г)	гышык-чайшык (Тм)	јахшы-јаман (А)	сары-бөнөвшәји (А)
köt toral (Т)	динч-динмәз (А)	ятгы-јаман (Тм)	сары-гырмызы (А)
көр-шил (А)	лал-динмәз (А)	говы-хорда (Тм)	мелемтил-гызыл (Тм)
көр-шел (Тм)	лал-каp (А)	iyi kötü (Т)	гырмызы-гәһвәји (А)
акыз-зелил (Тм)	кар-көр (А)	ыссы-совук (Тм)	кара-ешил (Г)
ачиз-заваллы (А)	кел-көр (Тм)	исти-сојуг (А)	көј-јашыл (А)
ачиз-авара (А)	шил-күг (А)	ағыр-јүнкүл (А)	көј-гара (А)
әфәл-авара (А)	шил-шикәст (А)	бәрк-бош (А)	ешил-сары (Г)
авара-јүнкүл (А)	шил-зәлил (А)	бәрк-јумшаг (А)	јашыл-гызыл (Тм)
авара-һејвәрә (А)	әлил-зәлил (А)	ачы-ширин (А)	јашыл-боз (А)
кеј-мајмаг (А)	зар-зелил (Тм)	саф-чүрүк (А)	гырмызы-боз (А)
halim-salim (Т)	хар-хәчил (А)	мурдар-тәмиз (А)	боз-көј (А)
yaşlı başlı (Т)	ач-хор (Тм)	јоғун-назик (А)	боз-гара (А)
варлы-карлы (А)	ач суясуз (Тм)	галын-сејрәк (А)	ағ-гара (А)
варлы-һаллы (А)	ач-суясуз (А)	узун-көдәк (А)	ак-гара (Т)
әтли-чанлы (А)	ач susuz (Т)	учуз-баһа (А)	ак-гара (Тм)
gerdanlı göbekli (Т)	ач biilaç (Т)	ucuz rahalı (Т)	ак-яшыл (Тм)
telli duvaklı (Т)	ач-яланаç (Тм)	јалан-көрчәк (А)	ак-төк (Тм)
telli pullu (Т)	ач-јалавач (А)	јалан-доғру (А)	ағ-гырмызы (А)
bereli sakalı (Т)	ач-лүг (А)	yanlış dogru (Т)	ағ-сары (А)
çamurlu-tozlu (Т)	ач-јрјан (А)	огрын-доғрын (Тм)	ағ-чәһрајы (А)
јағлы-үзлү (А)	ач-чылпаг (А)	доғма-өкеј (А)	ағ-бөнөвшәји (А)
ятлы-һүзлү (Тм)	ач sirlak (Т)	сағ-сөкәл (А)	ағ-боз (А)
сазлы-хеңли (Тм)	ач-ләләвүн (А)	јағлы-јаван (А)	ағ-ала (А)
allı güllü (Т)	ач-јорғун (А)	дүз-әјри (А)	көј-ала (А)
аллы-күлү (А)	јорғун-әзкин (А)	өл-гуры (Тм)	чал-гоңур (А)
күлү-нахышлы (А)	јорғун-үзкүн (А)	жөвзалы-анзақлы (Тм)	гумрал-гоңур (А)
дузлу-мәзһли (А)	авара-сәркәрдан (А)	оялы-уқылы (Тм)	гоңур-гара (Тм)
мәзһли-јумшаг (А)	дәли-тентек (Тм)	атлы-пыяда (Тм)	
ағыр-әзиз (А)	көк-гурғун (Тм)	атлы-пијада (А)	
долу-бәзәкли (А)	галын-гајым (А)		
ipsiz sapsız (Т)	iyi güzel (Т)		
әлбир-дилбир (А)	iyi hoş (Т)		
uzun kirişik (Т)	јерли-дибли (А)		
узун-долашыг (А)	јерли-көклү (А)		
узун-арыг (А)	yersiz yönsüz (Т)		
арыг-гуру (А)	sakın sessiz (Т)		
арыг-јырыг (А)	ачыг-сачыг (А)		
кәһнә-јыртыг (А)	açık saçık (Т)		
kirik-dökük (Т)	гарыш-булаш (А)		
silik soluk (Т)	гарышыг-булашыг (А)		
әзик-бүзүк (А)	хурд-хәшил (А)		

⁹ За консультацию относительно классификации цветов выражаем благодарность доктору физико-математических наук М. Ю. Бакирову.

1	2	3	4
гырышыг-бүөүшүк (А)	һайыл-һайыл (А)		
һыртыг-дешик (А)	бол-телжи (Тм)		
чырыг-һындыр (А)	һәлул-һүшкүл (А)		
yogun bitkin (Т)	һәлул-һә'јус (А)		
әнкин-зәнкин (А)	һат-һә'јус (А)		
һалын-һабарыг (А)	һә'јус-һүкәддәр (А)		
тәзә-тәр (А)			
һара-һырым (А)			
һуру-һод (А)			
һал-һод (А)			
һинамыс-һигренжи (Тм)			
һалал-доғма (А)			
һад-һурдар (А)			
һит-һылтаг (А)			
һух-һылтаг (А)			
һаф-һәһимий (А)			
һахта-һүн'и (А)			
һәлә-һөтүр (А)			
әһри-һолаһһаһ (А)			
һалаһ-һаһлыһ (А)			
уалаһ-уаһлыһ (Т)			
һалаһ-һаһрыһ (Тм)			
һалаһ-һаһрыһ (Тм)			

А — Азербайджанский язык, Г — гагауэский язык, Т — турецкий язык, Тм — туркменский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ә. Абасгулијев «Сәһһин көзләһринлә», Баһы, 1955.
2. Ә. Абасгулијев «Баһһар аһһшамлары», Баһы, 1956.
3. М. Абһаслы «Еһһин сөзү», Баһы, 1973.
4. «Азәрбајһан дилиһнин граһһматикаһы», I, Баһы, 1960.
5. «Азәрбајһан дилиһнин иһһаһлы дүғәти», I, Баһы, 1966.
6. «Азәрбајһан һағылллары», IV, Баһы, 1963.
7. «Азәрбајһанһа-руһһа дүғәт», Баһы, 1965.
8. А. Атаһһачов «Арзылы мыхман», Аһһһабат, 1956.
9. А. Атаһһанов «Чаһһмак», Аһһһабат, 1971.
10. Ата Көһһек-Мерген «Йүрөк деһһтери», Аһһһабат, 1948.
11. Ч. Аһһһыр «Һаһһлы саһһа», Аһһһабат, 1953.
12. Ч. Аһһһыр «Поәһһмалар», Аһһһабат, 1955.
13. Aziz Nesin «Aferin», Istanbul.
14. Aziz Nesin «Kazan töreni», Istanbul, 1960.
15. Aziz Nesin «Deliler boşandı», Istanbul, 1973.
16. Ә. Бабаһһева «Адаһһлар вә талеләр», II, Баһы, 1973.
17. Ә. Бабаһһева «Һардасан, дост, һарада», Баһы, 1977.
18. Б. Бајһраһов «Сәнһсиз», Баһы, 1963.
19. Б. Бајһраһов «Араһһкәһһмәләр», I, II, Баһы, 1966.
20. Б. Бајһраһов «Араһһкәһһмәләр», III, IV, Баһы, 1971.
21. Б. Бајһраһов «Сечилмиһ әһһрләри», I, Баһы, 1968.
22. Б. Бајһраһов «Сечилмиһ әһһрләри», II, Баһы, 1968.
23. Б. Бајһраһов «Һасәһһән», Баһы, 1969.
24. «1965'in bıraktığı һikäyeler», Sofya, 1966.
25. «1966'nın bıraktığı һikäyeler», Sofya, 1967.
26. «1967'nin bıraktığı һikäyeler», Sofya, 1968.
27. Ә. Вәлијев «Сечилмиһ әһһрләри», I, Баһы, 1957.
28. Ә. Вәлијев «Сечилмиһ әһһрләри», II, Баһы, 1960.
29. Ә. Вәлијев «Тураһһлыја кедән јол», Баһы, 1961.
30. Ә. Вәлијев «Зәнһкәзур гартаһһлары», Баһы, 1970.
31. Ә. Вәлијев «Саһһавар түһһтүләһһи», Баһы, 1971.
32. С. Вәлијев «Жүл дестәһһи», Баһы, 1972.

33. Сәмәд Вурнун «Әсәрләри», IV, Бақы, 1963.
34. «Гагаузча-русча-молдованжа лафлык», М., 1973.
35. А. Газиев. «Рәнк нәзәријјәсинин әсәсләри», Бақы, 1951.
36. П. Гасымов «Дағларын сәси», Бақы, 1969.
37. С. Гәдирзәдә «Гыш кечәси», Бақы, 1957.
38. С. Гәдирзәдә «46 бәгәвшә», Бақы, 1970.
39. С. Гәдирзәдә «Үлкәр Ајтәкин», Бақы, 1976.
40. С. Гәдирзәдә «Бир гыз бир оғланындыр», Бақы, 1978.
41. А. Говшудов «Сайланан әсерлер», I, Ашгабат, 1955.
42. А. Говшудов «Сайланан әсерлер», II, Ашгабат, 1956.
43. «Гәроғлы», Ашгабат, 1958.
44. Г. Гульев «Көпәтдагың аңрысында», Ашгабат.
45. Г. Гурбансәхедов «Сурай», Ашгабат, 1955.
46. С. Дағлы «Кәчил гапысы», Бақы, 1968.
47. С. Дағлы «Ипәк күл», Бақы, 1971.
48. С. Дағлы «Јајлаг гајғылары», Бақы, 1974.
49. К. Дадашоғлу «Јухусуз илләр», Бақы, 1969.
50. Х. Деряев «Ыкбал», I, II, Ашгабат, 1962.
51. Х. Деряев «Ыкбал», III, Ашгабат, 1966.
52. И. Дурдыез «Недирбай Айтәков», Ашгабат, 1978.
53. «Dünya cümbüşü», Sofya, 1967.
54. Ә. Әбүлһәсән «Дүнја голур», Бақы, 1957.
55. Ә. Әбүлһәсән «Јохушлар», Бақы, 1962.
56. Әли Нәзми «Сечилмиш әсәрләри», Бақы, 1959.
57. «Әрәб вә фарс сөзләри лугәти», Бақы, 1966.
58. И. Әфәндијев «Дағлар архасында үч дост», Бақы, 1964.
59. И. Әфәндијев «Сечилмиш әсәрләри», II, Бақы, 1965.
60. А. Зејналлы «Јенә о саһилдә», Бақы, 1959.
61. К. Zeki Geңçosman «Türk destanları», Istanbul, 1972.
62. Зелили «Гошгулар», Ашгабат, 1960.
63. М. Ибраһимов «Сечилмиш әсәрләри», I, Бақы, 1954.
64. М. Ибраһимов «Сечилмиш әсәрләри», II, Бақы, 1966.
65. М. Ибраһимов «Сечилмиш әсәрләри», III, Бақы, 1966.
66. М. Ибраһимов «Бөјүк дајат», Бақы, 1966.
67. М. Ибраһимов «Пәрванә», I, Бақы, 1971.
68. Д. Карачобан «Алчак сачак алтында», Кишинев, 1966.
69. Д. Карачобан «Таманнык», Кишинев, 1977.
70. У. Kemal «Al gözüm seyreyle Salih», Istanbul, 1976.
71. Б. Кербәбаев «Небитдаг», Ашгабат, 1957.
72. Б. Кербәбаев «Әсерлер топлумы», I, Ашгабат, 1958.
73. Б. Кербәбаев «Әсерлер топлумы», IV, Ашгабат, 1959.
74. Журнал «Кирпи», № 4, Бақы, 1973.
75. Журнал «Кирпи», № 3, Бақы, 1977.
76. «Kitabi Dədə Qorqud», Bakı, 1939.
77. «Короғлу», Бақы, 1959.
78. «Қазақша-орысша сөздік», Алматы, 1954.
79. «Қарақалпақша-русша сөзлик», М., 1958.
80. «Қырғызча-орусча сөздук», М., 1965.
81. Мағтымгулы «Сайланан әсерлер», Ашгабат, 1957.
82. И. А. Марголин и Н. П. Румянцев «Основа инфракрасной техники», М., 1957.
83. «Mehava kotşu», Sofya, 1969.
84. һ. Мәнди «Сечилмиш әсәрләри», I, Бақы, 1954.
85. һ. Мәнди «Сечилмиш әсәрләри», III, Бақы, 1955.
86. һ. Мәнди «Сәһәр», Бақы, 1956.
87. А. Мәмәдов «Јадикар булаг», Бақы, 1977.
88. Ә. Мәмәдханлы «Сечилмиш әсәрләри», Бақы, 1960.
89. Мир Чәләл «Инсанлыг фәлсәфәси», Бақы, 1961.
90. Мир Чәләл «Бир кәчин манифести», Бақы, 1964.
91. Мир Чәләл «Шәфәгден галханлар», Бақы, 1972.
92. Г. Мусәјев «Сечилмиш әсәрләри», I, Бақы, 1966.
93. М. Мүштаг «Нил пәрсис», Бақы, 1973.
94. Н. Нағыјев «Нәсрәт», Бақы, 1965.
95. Ә. Ничат «Гырмызы булудлар», Бақы, 1977.
96. R. Nuri Güntekin «Uzrak dökiümü», Istanbul, 1974.
97. Б. Өвезов «Сессиз ағы», Ашгабат, 1974.
98. «Персидско-русский словарь», М., 1953.
99. Н. Помма «Әгри эйикмез», Ашгабат, 1958.

100. В. В. Радлов «Опыт словаря тюркских наречий», т. III, СПб., 1905.
101. К. Т. Рамазанов. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия частей, органов и волосяного покрова тела). — «Известия АН Азербайджанской ССР». (Серия литературы, языка и искусства), № 1, Баку, 1974.
102. К. Т. Рамазанов. Түрк диллэринин чөнуб-гәрб группунда гоша сөзләр (жемәк-ичмәк адлары). — «Азәрбајжан ССР ЕА Хәбәрләри» (Әдәбијјат, дил вә инчәсәнәт сәријасы), № 2, Баку, 1974.
103. К. Т. Рамазанов. Түрк диллэринин чөнуб-гәрб группунда синонимләрдән дүзәлән гоша сөзләр. — «Азәрбајжан ССР ЕА Хәбәрләри» (Әдәбијјат, дил вә инчәсәнәт сәријасы), № 2, Баку, 1976.
104. К. Т. Рамазанов. Түрк диллэринин чөнуб-гәрб группунда гоша сөзләр (релјеф формалары, мөкан, сәмт вә чәһәт билдирән адлар). — «Азәрбајжан ССР ЕА Хәбәрләри» (Әдәбијјат, дил вә инчәсәнәт сәријасы), № 4, Баку, 1977.
105. J. Rəşidof «Aygılirkep», Sofya, 1968.
106. С. Рәһимов «Өтән күнләр дәфтәриндән», Баку, 1946.
107. С. Рәһимов «Ата вә оғул», Баку, 1949.
108. С. Рәһимов «Сечилмиш әсәрләри», I, 1959.
109. С. Рәһимов «Ағбулаг дағларында», I, Баку, 1954.
110. С. Рәһимов «Шамо», I, Баку, 1955.
111. С. Рәһимов «Шамо», II, Баку, 1956.
112. С. Рәһимов «Шамо», III, Баку, 1964.
113. С. Рәһимов «Күлән балыг», Баку, 1964.
114. С. Рәһимов «Мөһман», Баку, 1965.
115. С. Рәһимов «Ана абидәси», I, Баку, 1967.
116. С. Рәһимов «Мөһтабан», Баку, 1968.
117. С. Рәһимов «Гафгаз гарталы», I, Баку, 1971.
118. Ә. Рәчәбли «Азәрбајжанын мөјвә биткиләри», Баку, 1966.
119. М. Ә. Сабир «ҺопҺопнамә», Баку, 1960.
120. Н. Сарыханов «Сайланан әсерләр», Ашгабат, 1951.
121. Сейди «Сайланан әсерләр», Ашгабат, 1959.
122. Б. Сейтәков «Чөлүң йүреги», Ашгабат, 1962.
123. Б. Сейтәков «Доганлар», III, Ашгабат, 1965.
124. Б. Сейтәков «Бедиркәнт», Ашгабат, 1972.
125. Г. Сейитлиев «Сайланан гошгулар вә поэмалар», Ашгабат, 1970.
126. Н. Танасоглу «Бужак, бужак», К. Шаннев, 1970.
127. К. Tahir «Kelleci Memet», Istanbul, 1962.
128. «Түркмәнчә-русчә сөзлүк», М., 1968.
129. «Türkçe-rusça sözlük», М., 1977.
130. «Türk toplumcu şiirinder: seçmeler», Sofya, 1968.
131. «Уйгурско-русский словарь», М., 1963.
132. «Узбекча-русча луғат», М., 1959.
133. Г. Хәлилов «Атам вә мән», Баку, 1975.
134. Ә. һағвердијев «Сечилмиш әсәрләри», II, Баку, 1957.
135. Y. Hatiboğlu «İkileme». Ankara, 1971.
136. Ә. һүсөјзадә «Аталав сөзү», Баку, 1956.
137. И. һүсөјнов «Дан улдузу», Баку, 1955.
138. Ч. һүсөјнов «Чәтин јохуш», Баку, 1969.
139. Ј. В. Чәмәнзәминли «Ган ичиндә», Баку, 1968.
140. Ч. Чаббарлы «Әсәрләри», II, Баку, 1957.
141. Шабенде «Гүл-Билбил», Ашгабат, 1963.
142. В. Шыхлы «Ајаз кечәләр», Баку, 1961.
143. И. Шыхлы «Дәли Күр», Баку, 1968.
144. И. Шыхлы «Сечилмиш әсәрләри», I, Баку, 1971.
145. «Yeni türk hikâyeleri antolojisi», Istanbul, 1956.

Н. ДЖУНУСОВ

АРЕАЛЬНАЯ И СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЫ НА -η, -yη, -iη В КАЗАХСКИХ ГОВОРАХ

Одной из распространенных глагольных форм в казахских народных говорах является форма повелительного наклонения на -η, -yη, -iη: baγuη 'идите', keliη 'придите'. Эта форма получила распространение на юге и западе Казахстана. Особенно широко она представлена в говорах казахского населения республик Средней Азии и прилегающих к ним районов Казахской ССР. На западе ее часто можно услышать в речи казахов Мангышлака и реже — в отдельных районах Актюбинской и Гурьевской областей. Данная форма составляет общую особенность двух различных групп казахских говоров — южной и западной. Ареалы этих говоров расположены в периферийных зонах Казахстана, граничащих с другими тюркоязычными республиками, и население этих зон тесно контактирует с носителями родственных языков — узбекского, туркменского и каракалпакского, — в которых широко функционирует глагольная форма на -η, -yη, -iη. Распространение данной грамматической формы в названных группах казахских говоров, очевидно, является результатом этого контактирования. За пределами Средней Азии глагольная форма на -η, -yη, -iη встречается в азербайджанском, турецком, уйгурском и ряде других языков и их диалектах. Весьма употребительна эта форма и в древних памятниках тюркской письменности. Повелительное наклонение, образованное с помощью аффикса -η, -yη, -iη, выражает побуждение к действию с оттенком почтительно-вежливого обращения и просьбы. Фонетические варианты аффикса -η присоединяются к основе глагола, оканчивающейся на гласный, а -yη и -iη — на согласный, образуя твердый и мягкий сингармонические ряды; например: qamaη 'загоняйте', aγtuη 'скажите', köγüη 'посмотрите' и т. д.

Наряду с народно-разговорной речью форма на -η, -yη, -iη (далее для краткости — η) характерна для языка произведений фольклора и местных акынов и жырау — носителей тех говоров, в которых она функционирует. Приведем примеры:

Endi on künde tojum dep,
Sol tojümda bolüη dep.

(Кашаган жырау, выходец из Мангышлака).

Зафиксирована эта форма и в эпосе «Кыз-Жибек»:

Barša vajyp, žarandar,
Mädetker bolıñ balama.

В казахском литературном языке эта форма встречается исключительно редко. Однако она наблюдается в отдельных произведениях художественной литературы, авторы которых являются выходцами тех регионов, где она широко употребительна. Иногда ее можно встретить и в языке печати: Käne, kefe qalyñ (Сланов «Шалжар», 1954) Kündür keliñ, dostarım, tünde keliñ (журн. «Мадениет жане турмыс», 1961).

Как известно, в тюркских языках глагольная основа в нулевой форме, выполняющая предикативную функцию в предложении, может иметь значение повелительного наклонения, не подвергаясь морфологическому изменению. Для этого достаточно того, чтобы глагол имел императивную интонацию. В большинстве случаев форма повелительного наклонения в языках тюркской семьи совпадает с основой глагола, которая может быть как производной, так и представлять собой глагольный корень. Отсюда следует, что семантика повелительного наклонения заложена в лексико-грамматической природе самой основы. В этом случае оттенок почтения, вежливости и просьбы можно характеризовать как значение, привносимое в основу глагола аффиксом -ñ, образующим данную грамматическую форму. Таким образом, аффикс -ñ здесь выполняет функцию элемента, ослабляющего повеление и приказание, заложенное в первоначальной форме глагола.

Форма на -ñ в народной речи встречается только во втором лице. Поэтому субъектом действия, выражаемого ею, всегда является собеседник говорящего. Отношение говорящего лица к действию проявляется в форме его обращения к своему собеседнику с просьбой совершить то или иное действие. Грамматическое значение времени описываемой формы воспринимается всегда в плане будущего.

В сочетании с аффиксом отрицания эта форма употребляется и в отрицательном значении: baññ 'идите' — bañññ 'не идите'.

В отличие от других глагольных форм, данная универсальна с точки зрения выражения грамматической категории числа. Без особых морфологических показателей она может выражать значение как множественного, так и единственного числа, в зависимости от контекста и особенно от тех слов, с которыми она вступает в предикативную связь. Такими словами в предложении чаще всего бывают личные местоимения второго лица *siz* 'ты', 'вы' и возвратное местоимение *öz* 'сам'. В основной массе казахских народных говоров, а также в литературном языке эти местоимения во множественном числе обязательно нуждаются в прибавлении к ним аффикса множественности. В соответствии с его наличием или отсутствием и определяется грамматическое число рассматриваемой глагольной формы в предложении, например: *özün otıññ* 'сам садись', *özderiñ otıññ* 'сами садитесь'.

Из этих примеров совершенно ясно, что в первом случае глагол *otıññ* употреблен в значении единственного, а во втором — множественного числа. Таким образом здесь грамматическое число устанавливается по формальному показателю не самой глагольной формы, а формы местоименных слов, с которыми данный глагол имеет предикативную связь. В таких сочетаниях местоимения, естественно, представляют собой грамматический субъект предложения. В неполном предложении грамматическое число глагольной формы на -ñ можно определить только по контексту. Поскольку данная форма характерна для диалога, установить количество собеседников обычно не представляется затруднительным.

Ныне рассматриваемая глагольная форма в основной массе казахских говоров и в литературном языке сохранилась во множественном числе повелительного наклонения: *баруηdar* 'идите', *kögünder* 'посмотрите' и т. п. Однако она давно перестала функционировать как самостоятельная грамматическая форма и только благодаря аффиксу множественности может представлять основу повелительного наклонения.

Итак, в настоящее время в казахском языке существуют две вполне дифференцированные в семантико-грамматическом отношении самостоятельные формы глагола: на -η (*баруη*) и на -η*dar* (*баруηdar*). Первая из них характерна для диалектной речи определенных регионов, а вторая — встречается в подавляющем большинстве казахских народных говоров и в литературном языке. На процесс консервации первичного типа этой формы в народной речи в известной мере повлиял близкий контакт носителей казахских говоров с родственными языками, в которых эта форма широко употребительна.

Л. В. ДМИТРИЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСИ И ИХ ТВОРЦЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР)

Все известные научному миру тюркоязычные арабобисьменные рукописи могут быть подразделены на две группы: значительно бóльшую из них составляют произведения поэтические по форме, половина из которых религиозного содержания, меньшую группу — прозаические произведения преимущественно исторического характера. Подобное соотношение существует во всех хранилищах мира, в том числе и в Институте востоковедения Академии наук СССР.

В языковом отношении в этом собрании преобладают рукописи, написанные на турецком, узбекском, татарском и реже — на уйгурском языках. Это обусловлено теми источниками, из которых мусульманские манускрипты поступали в хранилища России: из соседних стран — Турции (на турецком языке), Синьцзяна или Восточного Туркестана (на уйгурском); из внутренних районов бывшей Российской Империи — Средней Азии (на узбекском), Казани, Оренбурга и других центров татарской мусульманской учености (на татарском). В этих регионах издавна широко развивалась рукописная книжная культура и создавалась основная масса тюркоязычных сочинений, переводов и комментариев, а также переписывались тюркские рукописи.

Хронология создания тюркских рукописных произведений охватывает период с XI по начало XX века с преобладанием их числа в XVIII—XIX веках. Самая ранняя хронология установлена в создании поэтических, религиозных и, отчасти, исторических, а также медицинских (XIV—XV вв.) сочинений. Для XVI—XIX веков характерна широкая тематическая рубрикация тюркских рукописных трудов. Среди произведений XIX — начала XX века преобладают сочинения более посредственные по содержанию. Переписка рукописей велась с XV до начала XX века, при этом наибольшее число списков приходится на XIX в., и в два раза меньше — на XVIII век.

Из более чем двух тысяч рукописей тюркоязычных сочинений, имеющих только в Институте востоковедения Академии наук СССР, до 1400 имеет смысл вносить в печатные каталоги и описания, а остальные (ученические записи, записи частного характера; разрозненные стихи, подлежащие описанию лишь в виде сборников и собраний их; выписки,

выборочные конспекты поздних, часто переводных, немусульманских сочинений и т. п.) — вполне достаточно представить в карточном каталоге. Из указанных 1400 списков около 850 включают поэтические произведения, а около 240 — исторические.

Ниже остановимся подробнее на авторском составе, мере уникальности и популярности списков, на автографах и круге переписчиков.

Среди исторических рукописей насчитывается 10 редких (то есть таких, списки которых встречаются еще в других, однако единичных хранилищах) и 54 уникальных сочинений, нигде больше не встречающихся. Среди поэтических рукописей — 32 редких и 33 уникальных (с добавлением 37 сборников стихов, не повторяющихся ни по составу авторов, ни по количеству их стихов в других хранилищах).

К наиболее популярным историческим сочинениям (судя по числу их списков в Институте востоковедения Академии наук СССР) следует отнести: турецкий перевод XVI века неизвестного переводчика арабского сочинения «Таварих-и Табари» («История Табари») ат-Табари (умер в 310/923 г.) — в 5 списках; «Тарих-и мулук-и аджам» («История персидских царей») Навои (XV — начало XVI века, узб.) — в 6 списках; «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии») ал-Булгари (XV или XVI вв., тат.) — в 20 списках; «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») Абульгази (XVII в., узб.) — в 6 списках; уйгурские переводы неизвестного переводчика и переводчиков XIX века Мухаммеда Нийаза, Мухаммеда Садика Кашгари разных частей персидского сочинения «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди», XVI в.) — в 7 списках; «Дербенд-наме» («Книга о Дербенте») Шуаи (XIX в., азерб.) — в 5 списках; «Тазкира-и азизан» («Жизнеописание святых») Мухаммеда Садика Кашгари (XIX в., уйг.) — в 7 списках.

Популярные сочинения поэтического характера: «Хикмат» («Мудрые изречения») Ахмеда Йасеви (XII в.) — в 23 списках (разных составов и вариантов, выполненных не автором); «Мариам китаби» («Книга о Марии») его же — в 5 списках; «Ахир заман китаби» («Книга о конце мира») — в 7 списках; «Кисса-и кудак-нама» («Повествование о младенце») Шамсадина (XII—XIII вв.) — в 6 списках; «Йатим-нама» («Книга о сироте»), вероятно, его же — в 4 списках; «Кисса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») Али (XIII в.) — в 7 списках; «Гариб-наме» («Книга скитальца») Ашик-паши (конец XIII — начало XIV в., тур.) — в 6 списках; «Кисса-и Джумджума» («Повествование о Джумджума») Хусам-катиба (XIV в.) — в 3 списках; «Мавлид ан-наби» («Рождение пророка») Сулеймана-челеби (XIV — начало XV в., тур.) — в 4 списках; «Искандер-наме» («Книга об Александре») Ахмеда (XIV — начало XV в., тур.) — в 5 списках; «Мухаммедийа» («Посвящение Мухаммеду») Йазиджи-оглу (умер в 855/1451 г., тур.) — в 13 списках (в полной и сокращенной А. Казембеком редакциях); «Ревнак ал-ислам» («Блеск ислама») Вепаи (XV в., туркм.) — в 8 списках; «Диван» (в разных редакциях) Навои (XV — начало XVI в., узб.) — в 32 списках; «Хамса» («Пятерица») его же [состоит из поэм: «Хайрат ал-абрар» («Смятение праведных») — в 12 списках, «Фархад и Ширин» — в 10 списках, «Лейли и Меджнун» — в 11 списках, «Саба-и саййара» («Семь планет») — в 12 списках, «Садан Искандари» («Стена Александра») — в 13 списках], а также «Лисан ат-тайр» («Язык птиц») — в 5 списках; «Йусуф и Зулейха» Хамди (конец XV — начало XVI в., тур.) — в 7 списках; «Диван» Физули (XVI в., азерб.) — в 13 списках; «Банг-и баде» («Опиум и вино») его же — в 4 списках; «Лейли и Меджнун» его же — в 12 списках; «Маназил ал-урфин» («Степени оценки») Сиваси (XVI в., тур.) — в 4 списках.

Также: «Диван» Баки (XVI в., тур.) — в 3 списках; «Диван» Машраба (конец XVI — начало XVII в., узб.) — в 3 списках; «Мубда-и нур» («Источник света») его же — в 3 списках; «Кисса-и Сейф ул-Мулук» («Сказание о Сейф ул-Мулуке») Маджлиси (XVII в., узб.) — в 3 списках; «Диван» Нефи (XVII в., тур.) — в 3 списках; «Диван» Наби (XVII — начало XVIII в., тур.) — в 4 списках; «Сабат ал-аджизин» («Твердость слабых») Суфи Аллаяра (XVIII в., узб.) — в 30 списках; «Фавз ан-наджат» («Успех спасения») его же — в 10 списках; «Гул ва булбул» («Роза и соловей») Салахи (XVIII в., узб.) — в 4 списках; «Диван» Хувайда (XVIII в., узб.) — в 7 списках; «Рахат-и дил» («Услада сердца») его же — в 9 списках; «Диван» Махтумкули (XVIII в., туркм.) — в 5 списках; «Ахтам-нама» («Сказание об Ахтаме» Сайкали (XVIII в., узб.) — в 6 списках; «Бахрам и Гуландам» — в 4 списках; «Китаб-и Сайкали» его же — в 3 списках; «Кийамет-нама» («Книга о судебном дне») Халиса (был жив в 1811 г., узб.) — в 3 списках; «Бадавам китаби» («Книга продолжения») Утуз-Имани (конец XVIII — начало XIX в., тат.) — в 5 списках; «Кисса-и Мухаммед Ханефи» («Сказание о Мухаммеде Ханефи») Бахадур (время жизни неизвестно, узб.) — в 4 списках; «Кисса-и Тахир ва Зухра» («Сказание о Тахире и Зухре») Сайяди (время жизни неизвестно, узб.) — в 4 списках.

Из 240 (примерно) списков исторических сочинений полных насчитывается 132, а из 850 списков поэтических сочинений полных лишь 226. Среди рукописей исторических и поэтических сочинений описываемого собрания имеются следующие автографы: Салихи (начало XX в., тат.): «Маджизат ал-бахират» («Очевидные чудеса»), D 481—III, 1908 г.; «Тарихи-и булгар ва сакалиба» («История булгар и славян»), В 2680—II, 1910 г.; Марджани (XIX в., тат.): «Мустафад ал-ахбар фи ахвал-и Казан ва Булгар» («Извлечение из известий о положении в Казани и Булгаре»), В 2646, 1891 г.; Муниса (до 1227/1812 г., узб.) и Агахи (XIX в., узб.): «Фирдавс ал-икбал» («Райский сад благополучия»), С 571; Мухаммеда Аляма (конец XIX в., уйг.): история народов Синьцзяна с 1279/1862—63 г. по 1295/1878 г., В 2332, 1311/1894 г.; Йусуфа ибн Ашура (начало XX в., уйг.): «Джам ат-таварих» («Собрание историй»), D 124, 1908 г.; Али Чукри (XIX в., тат.): «Таварих-и булгарийа» («История Булгарии»), В 2662, 1885—1889 гг.; шейха Гариба (XIX в., уйг.): «Тарих-наме-и Йакуб-хан» («История Йакуб-хана»), В 772, 1316/1898 г.; Ходжели-муллы (начало XX в., туркм.): стихи и литературные письма, С 162, № 3; Азизы Самитовой (конец XIX — начало XX в., тат.): сборник стихов и песен, В 4106, 1892—1925 гг.; переводчика Раджи (XIX в., узб.): перевод IV тома «Равзат ас-сафа» («Сада чистоты») Мирхонда, D 136; составителя поэтического сборника — муллы Сабура (конец XIX в., туркм.): стихи турецких поэтов, D 21, № 3, 1308/1890—91 гг.

Среди рукописей исторических и поэтических сочинений, хранящихся в Институте востоковедения Академии наук СССР, есть произведения, авторы которых были царствующими или правящими особами, должностными лицами, официальными историками, известными учеными, писателями и поэтами (в том числе и придворными), простыми обывателями.

Авторы — царствующие или правящие особы: Бабур (конец XV — первая половина XVI в., узб.): «Бабур-наме» («Книга Бабура») — в 3 списках, «Мубайин», («Разъясняющий») — в одном списке; Абульгази (XVII в., узб.): «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен») — в 2 списках, «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») — в 6 списках; Султан Хусейн Байкара (вторая половина XV — начало XVI в., узб.): «Диван» — в одном списке; Хатаи (персидский шах Исмаил Сефевидский),

XVI в., азерб.): «Дах-наме» («Десять писем») — в одном списке, «Насихат-наме» («Книга нравоучения») — в одном списке; Мухаммед Хасанхан Шеки (XVIII в., азерб. и перс.): стихи — в 2 списках; Камйаб (вторая половина XIX в., узб.): «Диван» — в одном списке.

Авторы — должностные лица: Нишанджи (XVI в., тур.): «Нишанджи тарихи» («История Нишанджи») — в 4 списках; Рустам-паша (XVI в., тур.): «Тарих-и ал-и Осман» («История дома Османа») — в одном списке; Мухаммед ал-Катиб (XVI в., тур.): «Джами ат-таварих» («Собрание историй») — в одном списке; Селаники (XVI в., тур.): «Тарих-и Селаники» («История Селаники») — в одном списке; Йусуф-катиб (XVII в., тур.): «Селим-наме» («Книга о Селиме») — в одном списке; Куджа Хусейн (XVII в., тур.): «Бада-и ал-вакаи» («Удивительные события»), II часть этого сочинения представлена только списком ИВ АН СССР; Хасан Курди (XVIII в., тур.): «Таварих-и джазира-и Кирид сан-а-и 1055» («История острова Крит 1055 г. [хиджры]»); описание военных действий турок и русских в 1122/1711 г.; история завоевания Крита турками — все 3 сочинения представлены в одной рукописи; Мухаммед Шафик (XVII — начало XVIII в., тур.): «Шефик-наме» («Книга Шефика») — в 2 списках; Рагиб-паша (XVIII в., тур.): «Фатхийя-и Белград» («Завоевание Белграда») — в одном списке, «Тажкик ва тевфик» («Расследование и соглашение») — в одном списке; Мухаммед Неджати (XVIII в., тур.): «Тарихи Крым» («История Крыма») — в одном списке; Васиф-эфенди (XVIII — начало XIX в., тур.): «Васиф тарихи» («История Васифа») — в одном списке, содержащем извлечение из II тома; Мирза Адигузел-бек (конец XVIII — первая половина XIX в., азерб.): «Карабаг-наме» («Книга о Карабахе») — в 2 списках; Касим-бик (XIX в., уйг.): о событиях в Кульдже — в одном списке; Муса Сайрами (XIX в., уйг.): «Тарих-и Амнийя» («История для Амина») — в одном списке.

Авторы — известные историки, ученые, писатели и поэты (в том числе и придворные): Йазиджи-оглу (XV в., тур.): «Тарих-и ал-и сельджук» («История дома Сельджука») — в одном списке; Саададдин (XVI в., тур.): «Тадж ат-таварих» («Венец летописей») — в 5 списках; Мустафа Али (XVI в., тур.): «Мират ал-авалим» («Зерцало миров») — в 2 списках; Насраллахи (XVI в., узб.): «Зубдат ал-асар» («Суть летописей») — в одном списке; Хазарфенн (XVI — начало XVII в., тур.): «Талхис ал-байан фи каванин ал-и Осман» («Краткие сообщения о законах дома Османа») — в одном списке, «Танких-и таварих-и мулук» («Исправление историй царей») — в 2 списках; Хаджи Халифа Катиб-челеби (XVII в., тур.): «Таквим ат-таварих» («Хронологические таблицы») — в 2 списках, «Фазлакат ат-таварих» («Краткое изложение историй») — в одном списке, «Дастур ал-амал фи ислах ал-халал» («Руководство для исправления погрешностей») — в одном списке; Раммалходжа (XVII в., тур.): «Тарих-и Сахиб-Гирей-хан» («История Сахиб-Гирей-хана») — в 4 списках; Мухаммед Аваби Акташи (XVII в., азерб.): «Дербенд-наме» («Книга о Дербенте») — в одном списке; Сейид Мухаммед-Риза (XVIII в., тур.): «Ас-Саба ас-сийар фи ахбар-и мулук ат-татар» («Семь планет в известиях о правителях татар») — в 2 списках; Мунис (конец XVIII — начало XIX в., узб.): «Фирдавс ал-икбал» («Райский сад благополучия»), закончил Агехи — в 2 списках, один из которых (С 571) автограф обоих авторов; Агехи (XIX в., узб.): «Рийаз ад-давла» («Сады счастья») — в 2 списках, «Зубдат ат-таварих» («Суть историй») — долгое время было известно лишь в списке ИВ АН СССР, но в 1964 году в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде нами был обнаружен еще один список;

«Гулшан-и давлат» («Цветник счастья») — в 2 списках, «Шахид ал-икбал» («Свидетель успеха») — в одном списке, «Джами ал-вакиат-и султани» («Собрание султанских событий») — **в одном списке**; Мухаммед Салих Йаркенди (XIX в., уйг.): «Газат ал-муслимин» («Священная война мусульман») — в одном списке; Марджани (XIX в., тат.): «Мустафад ал-ахбар фи ахвал-и Казан ва Булгар» («Извлечение из известий о положении в Казани и Булгаре») — в 3 списках; Али Чукри (XIX в., тат.): «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии») — в одном списке; Умиди (XIX в., уйг.): «Мактубча-и хан» («Малое ханское письмо») — в одном списке, «Джанк-наме» («Книга о войне») — в одном списке, «Бадавлат-наме» («Книга Бадавлата») — также в одном списке; Ахмеди (XIV — начало XV в., тур.): «Искандер-наме» («Книга об Александре») — в 5 списках; Насими (убит в 820/1417 г., азерб.): «Диван» — в одном списке; Михри-хатун (умерла в 912/1506 г., тур.): «Диван» — в одном списке; Мухаммед Йар (XVI в., тат.): «Тухфа-и мардан» («Дар мужей») — в одном списке, «Нур-и судур» («Свет сердец») — в 2 списках; Баки (XVI в., тур.): «Диван» — в 3 списках; Маджлиси (XVI в., узб.): «Кисса-и Сейф ул-Мулук» («Сказание о Сейф ул-Мулуке») — в 3 списках; Лутфи (умер в 1113/1701 г., тур.): «Диван» — в одном списке; Салахи (XVIII в., узб.): «Гул ва булбул» («Роза и соловей») — в 4 списках; Махтумкули (XVIII в., туркм.): «Диван» — в 5 списках; Турды Гариби (конец XVIII — начало XIX в., уйг.): «Китаб-и гариб» («Книга о диковинном») — в 2 списках; Мулла Непес (XIX в., туркм.): «Диван» — в одном списке; Кёр-молла (конец XIX — начало XX в., туркм.): стихотворения — в 2 списках разных составов. Данный перечень можно было бы и продолжить.

Авторы исторических сочинений — **простые обыватели**: Мухаммед Алям (XIX в., уйг.): «Тарих-и Кашгар» («История Кашгара») — в одном списке; Исмаил ибн Дин-Мухаммед (начало XX в., тат.): «Шаджара» («Родословная») — в одном списке. Этот список также может быть продолжен.

Среди авторов поэтических сочинений есть такие, даты жизни которых не удалось установить: Бахадур (узб.): «Кисса-и Мухаммед Ханафи» («Сказание о Мухаммеде Ханафи») — в 4 списках; Дилафгар (узб.): «Кисса-и Зулфунун» («Сказание о Зульфунуне») — в одном списке; Йусуф (туркм.): «Кисса-и Мухаммед Ханафи» («Сказание о Мухаммеде Ханафи») — в одном списке; Саййади (узб.): Кисса-и Тахир ва Зухра» («Сказание о Тахире и Зухре») — в 4 списках; Туфайли (узб.): «Кисса-и вафат-нама-и анхазрат» («Сказание о смерти пророка») — в одном списке; поэмы о Мухаммеде, о Рейхане — обе в единичных списках; Хамамаи Газани (тат.): «Маариф-и калб» («Науки сердца») — в 2 списках; Хамди (тат.): «Насихат-наме» («Книга назидания») — в 4 списках.

В собрании ИВ АН СССР представлены авторы, писавшие стихи и прозу одновременно, что зафиксировано в списках хранящихся здесь рукописей. Это Навои (XV — начало XVI в., узб.), Ламии (конец XV — начало XVI в., тур.), Физули (конец XV — XVI в., азерб.), Мустафа Али (XVI в., тур.), Машраб (вторая половина XVII — начало XVIII в., узб.), Суфи Аллаяр (XVII — начало XVIII в., узб.), Ибрахим Хакки (XVIII в., тур.), Агехи (XIX в., узб.), Умиди (XIX в., уйг.), Хабибалла Керем (умер в 1913 г., кр.-тат.).

Среди рукописей исторических сочинений встречаются также, **авторов которых не удалось установить**, а сами сочинения являются уникальными или редкими. Например: описание похода Дамад Али-паши (1713—1715 гг.) в Венецию (Список В 308); «Мубахаса-и Мисри ве

Шахи ве хукумат-и Баб-и али мусалаха-наме» («Переговоры о мирном договоре между Египтом, Сирией и правительством Высокой Порты»), тур., В 2931; краткая история вторжения Наполеона в Россию в 1812 г. (В 2512); «Гаварих-и гузида-и нусрат-нама» («Избранная история — „Книга побед“»), узб., В 745; история туркмен с появления их на Мангышлаке до переселения салоров и сарыков в Мерв (туркм., В 725); «Сарик халкинин тарихи» («История племени сарыков»), туркм., В 725—II; «Дастур ал-амал» («Правила для ведения дел»), узб., А 1545; история Крыма (тур., В 747); «Фатх-и Константинийе» («Покорение Константинополя»), В 729.

Выделим авторов, которые представлены в собрании ИВ АН СССР списками двух и более сочинений. **История:** Хаджи Халиф Катиб-челеби (XVII в., тур., 2 произведения), Абульгази (XVII в., узб., 2), Рагиб-паша (XVII в., тур., 3), Хасан Курди (XVIII в., тур., 3), Иш-Мухаммед ибн Адина-Мухаммед Алави (XIX в., узб., 2), Агехи (XIX в., узб., 6), Салихи (конец XIX — начало XX в., тат., 4). **Поэзия:** Сулейман Бакиргали (XII в., 3 сочинения), Шамсаддин (XII—XIII вв., 4), Навои (конец XV — начало XVI в., узб., 16), Хамди (конец XV — начало XVI в., тур., 2), Хатаи (XVI в., азерб., 3), Гулшани (конец XV—начало XVI в., тур., 2), Мухаммед Йар (XVI в., тат., 2), Физули (конец XV—XVI в., азерб., 4), Маджлиси (XVII в., узб., 2), Саиб ат-Тебризи (XVII в., тур., 2), Баба Рахим Намангани Машраб (конец XVII — начало XVIII в., узб., 2), Наби (конец XVII — начало XVIII в., тур., 2), Суфи Аллаяр (XVIII в., узб., 2), Хувайда (XVIII в., узб., 2), Сайкали (XVIII в., узб., 3), Фазил (конец XVIII — начало XIX в., узб., 2), Халис (конец XVIII — начало XIX в., узб., 4), Утуз-Имани (конец XVIII — начало XIX в., тат., 2), Низари (конец XVIII — начало XIX в., уйг., 2), Умиди (XIX в., уйг., 4).

Укажем наиболее обширные и интересные сборники стихотворений: В 306 (226 л., составлен в 958/1551 г. Раджабом ибн Мухаммедом, содержит 6459 бейтов или двустихий ряда турецких поэтов); В 307 (79 л., XVI в., Турция — сборник стихов турецких и писавших по-турецки персидских поэтов; озаглавлен «Маджма ал-назаир» («Собрание образов»), его составил Мухаммед ал-Адерневи Назми, умерший в 955/1548 г.); В 1810 [378 л., XVI в., Сирия — сборник стихов и прозы (немного) на персидском, арабском и тюркских языках]; В 305 (142 л., Турция — сборник турецких стихов, составлен в 1006/1597—98 гг., с предисловием составителя — тоже в стихах); Е 12 [459 л., XVIII в., Иран — автограф составителя сборника (он же автор поэм и ряда стихотворений в нем) Мухаммеда Казима ибн Мухаммеда Ризы Махджура. Сборник озаглавлен им «Гулшан» («Розовый цветник») и содержит поэтические произведения персидских, курдских, тюркских, армянских и грузинских поэтов, а также поэтов, писавших на языках пушту, хинди (все написано арабской графикой): целые поэмы, диваны и извлечения из них, отдельные стихотворения (тюркские авторы: Навои, Физули, Хавири, Замири); в сборнике 100 художественных миниатюр]; А 91 (107 л., XVIII в., Кавказ — сборник тюркского фольклора и поэзии); В 4478 (218 л., XVIII в., Турция — сборник тюркских стихов многих поэтов); С 156 (27 л., XVIII в., Турция — сборник стихов тюркских поэтов); А 499 (63 л., XVIII — начало XIX в., Средняя Азия — сборник тюркского фольклора и поэзии); В 334 (58 л., XIX в., Турция — сборник тюркского фольклора и поэзии); А 493 [151 л., XIX в., Смирна — сборник, составленный востоковедом А. Жаба в Смирне, содержащий несколько небольших поэм («Юсуф и Зулейха»; о дервише, искавшем подлинное счастье; поэму о султанах Мураде) с их французским перево-

дом]; А 496 (35+32 л., XIX в., Турция — сборник тюркского фольклора и поэзии, составленный для М. А. Гамазова); В 332—I (45 л., начало XIX в., Кавказ — сборник стихов азербайджанских поэтов); С 1592 (202 л., начало XIX в., Средняя Азия — сборник стихов персидских и тюркских поэтов, включающий несколько прозаических фрагментов); В 4471 (80 л., первая половина XIX в., Средняя Азия — сборник стихов тюркских и персидских поэтов и небольших прозаических сочинений); В 1208 [57 л., XIX в., Кавказ — сборник стихов азербайджанских поэтов, с предисловием (в прозе) составителя]; D 21—III (15 л., XIX в., Туркмения — сборник стихов тюркских поэтов, составленный туркменским муллою Сабуром в юности); В 2067 (111 л., XIX в., Средняя Азия — сборник стихов персидских и узбекских поэтов); С 1182 (40 л., XIX в., Средняя Азия — сборник стихов персидских и тюркских поэтов); D 400 [90 л., XIX в., Средняя Азия — сборник стихов тюркских поэтов с предисловием (в прозе) составителя]; А 120 (124 л., конец XIX в., Крым — сборник тюркского фольклора и поэзии); В 249 (134 л., конец XIX в., Средняя Азия — сборник стихов персидских и тюркских поэтов); В 3551 [32 л., начало XX в., Уральск — сборник стихов (и немного прозы) татарских поэтов, переписанных из татарских газет и журналов конца XIX — начала XX в., составитель сборника Абу-Сауд Иш Мухаммед из Уральска].

В большинстве тюркоязычных рукописей и списков ИВ АН СССР имена переписчиков не указаны. Остановимся на интересующих нас двух тематических группах манускриптов с указанными именами переписчиков.

Переписчики, представленные двумя списками (большее их число на одного переписчика в этих тематических группах не встречается). **История:** Ибрахим ибн Хасан (тур.) — переписал в месяце раджаб 1028 (июне 1619 г.) второй том «Гадж ат-таварих» («Венец летописей», тур.) Саададдина (С 538), а в месяце рамазан (августе того же года) — третий том данного сочинения (С 539); Убайдалла ибн Калималла ал-Булгари (тат.): «Танких-и таварих-и мулук» («Исправление историй царей», тур.) Хазарфенна (D 105, переписал в 1248/1832 г.), «Шейбанинама» («Книга о Шейбани», узб.) неизвестного автора (В 281, в 1258/1842 г.). **Поэзия:** Али ибн Абд ал-Гаффар (тат.): «Бакирган китаби» («Книга из Бакиргана») Сулеймана Бакиргани (В 3761, не ранее 1843 г.), то же (В 3672, в 1855 г.); Мухаммед Мурад Аваз-оглу (туркм.); стихи Дурди (туркм., С 162 — 7, в начале XX в.), стихи туркменских поэтов (D 21 — 6, тогда же).

Отметим чем-либо примечательных переписчиков. **История:** Джабраил ибн Исафил ад-Дербенди (азерб.): судя по имени, брат автора переписанного им «Дербенд-наме» («Книга о Дербенте», азерб.) Карима Исафила ад-Дербенди (С 1903, в 1269/1852—53 г.); Аллабирген ибн Килич Заргар ал-Хиваки (узб.): «Джами ал-вакиат-и султани» («Собрание султанских событий», узб.) Агехи (Е 6, в 1273/1856—57 г. — при жизни автора); Курбан-Гилди Ораз Мухаммед (туркм.): «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен», узб.) Абульгази (А 895, в 1237/1821—22 г. для А. Г. Туманского); Хусайн Файзханов (тат.): «Тарих-и ал-и салджук» («История дома Сельджука», туркм.) Иазиджи-оглу (D 116, в 1859 г., в Петербурге), а также — «Диван» Навои (узб., С 788, в 1853 г., там же); Шафи Садик-заде (азерб.): «Карабаг-наме» («Книга о Карабахе», азерб.) Мирзы Адигузел-бека (В 1881, в 1848 г. — в год смерти автора); Г. Я. Кер (русс.): «Бабур-нама» («Книга Бабур», узб.) Бабура (D 685, в 1149/1737 г., в Петербурге); О. И. Сенковский (русс.): то же сочинение (D 117, в 1824 г., в Петербурге).

Поэзия: Утуз-Имани (тат.): «Сабат ал-аджизин» («Твердость слабых», узб.) Суфи Аллаяр (А 1463, в конце XVIII—начале XIX в.); А. А. Жаба (русс.): сборник турецких поэм (А 493, в 1836 г., в Смирне); Т. Менцель (нем.): «Китаб-и гариб» («Книга о диковинном», уйг.) Турди Гариби (А 994, в 1902 г., в Шумле).

Укажем рукописи и списки, переписанные вскоре после смерти (или близко по времени жизни) авторов. **История:** переписчик Мухаммед-Тимур Камули ибн Омар (уйг.) — «Тарих-и Амнийя» («История для Амина», уйг., написана в 1321/1903—04 гг.); Сайрами (с 335, в 1328/1910 г.); переписчики не указаны: перевод Раджи (узб., выполнен в 1845—1851 г.); «Равзат ас-сафа» («Сад чистоты», перс.) Мирхонда (D 102, узб., 1267/1851 г.); «Рийаз ад-давля» («Сады счастья», узб., 1260/1844 г.) Агехи (D 123, в 1265/1848—49 г.); «Амир-и али» («Высокий эмир», уйг., 1280/1863—64 г.) Гариби (С 580, не позже 1281/1864—65 г.); «Мубахаса-и Мисри ве Шами ве хукумат-и Баб-и али мусалаханама» («Переговоры о мирном договоре между Египтом, Сирией и правительством Высокой Порты», тур., 1711—1713 гг.) — В 2931 (не ранее 1126/1714 г.) и др.

Поэзия: переписчик Валед-мирза Абдаррахман (азерб.) — поэма Васфи (узб., XIX в.) — В 315 (в 1292/1875 г.); переписчики не указаны: «Диван» (узб., XV — начало XVI в.) Хусейна Байкары (В 284, в XVI в.); собрание сочинений (азерб., XVI в.) Физули (С 1994, не ранее 998/1589—90 г.); «Китаб-и гариб» («Книга о диковинном», уйг., середина XIX в.) Турди Гариби (С 165, не ранее 1265/1848—49 г.) и др.

Выделим рукописи и списки, знаменательные, судя по припискам их владельцев, в отношении их стоимости, характера собственности.

История: «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии», тат.) ал-Булгари (XVI в.) — В 2597 (с указанием, что 12/IV 1835 г. житель деревни Кизил Йар Оренбургской губернии продал рукопись другому жителю за 17 руб.); уйгурский перевод «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди», перс.) Мирзы Хайдара (XVII в.) — D 120 (I часть) с ханской печатью: «Князь Азиз, милостью божьей будь вечным на шахском троне, 1252/1836—37 г.»; перевод того же сочинения Мухаммедом Садиком Кашгари (умер в 1849 г.) — С 569 (I, II, III части, с указанием, что куплено за 30 таньга в 1266/1849—50 г.); «Тадж ат-таварих» («Венец летописей», тур.) Саададдина (XVI в.) — С 535 (I том, с указанием, что куплено за 125 курушей в 1216/1801—02 г.) и др.

Поэзия: подобных («стоимостных») записей нет.

В приписках владельцев, с указанием их имен, дат приобретения рукописей, с их дарственными надписями содержатся любопытные сведения по истории тюркоязычных рукописей собрания ИВ АН СССР.

Например: приписки и печати с именем Аббас-Кули (Бакиханова) на турецких рукописях «Тарих-и Нишанджи» («История Нишанджи») Нишанджи (XVI в., В 754), «Нузхат ат-талиб» («Услада ищущего») Авлуневи (XVII в., В 778), «Гулшан ал-хулафа» («Розовый цветник халифов») Назми-заде (XVIII в., С 717) и др.; печать с именем Джихангир-хана ибн Букей-хана (Букеевская орда, Казахстан) в рукописи «Нухбат ат-таварих ва-л-ахбар» («Лучшие из историй и повествований») Адирневи (тур., XVII в., С 531); тугра с именем султана Мухаммеда в рукописи «Таварих-и джазира-и Кирид сана-и 1055» («История острова Крит 1055 года [хиджры]») Курди (тур., XVIII в., В 1173); печать с именем Сахиб-Гирей ибн Давлет-Гирей-хана в рукописи «Ас-Саба ас-сийяр фи ахбар-и мулук ат-татар» («Семь планет в известиях о правителях татар») Сеййида Мухаммед-Ризы (тур., XVIII в., D 216); печать с именем Шах-Джихана в рукописи «Таварих-и гузида-и

нусрат-нама» («Избранная история — «Книга побед», узб., начало XVI в., В 745); пометки и подписи цензоров: В. Р. Розена (А 1067), В. Д. Смирнова (В 3536, D 316) и т. д.

Большим числом списков представлено восемь авторов исторических произведений (среди них Навои, Абульгази, Шуаи, ал-Булгари и др.), тридцать три автора поэтических произведений (Исееви, Сулейман Бакиргани, Язиджи-оглу, Навои, Физули, Суфи Аллаяр, Сайкали и др.).

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ТРУДЫ ГУННАРА ЯРРИНГА ПО НОВОУЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

Известный шведский тюрколог Гуннар Ярринг много работает в области изучения новоуйгурского языка, а также фольклора и этнографии уйгуров, проживающих преимущественно в южной части Синьцзяна. Широкою известность получили его «Материалы по восточнотуркестанскому языку. Сказки, песни, пословицы, загадки, этнографические и исторические тексты из южных частей Восточного Туркестана. С переводом и комментариями», изданные в 1946—1951 годах в четырех выпусках Лундским университетом¹. Эти богатейшие по фактам тексты были записаны автором еще в 1935 году в Кашмире от тюрков Восточного Туркестана (синьцзянских уйгуров), прибывавших в Кашмир вместе с торговыми караванами.

Результатом дальнейшей работы над текстами стало создание большого новоуйгурско-английского диалектологического словаря, охватывающего лексику уйгуров Синьцзяна. Словарь получил хорошую оценку у советских тюркологов².

Занятия фольклором и языком синьцзянских уйгуров побудили Г. Ярринга начать топонимические исследования на материале тюркских топонимов Центральной Азии, вызвавшие интерес специалистов. Э. М. Мурзаев в сравнительно недавно вышедшем сборнике «Ономастика Востока» (М., 1980) посвятил работам шведского ученого специальную статью «Гуннар Ярринг — топонимист» (стр. 194—198). На основе обработанных под руководством и при непосредственном участии Г. Ярринга материалов указателя географических названий к «Атласу Центральной Азии» Свена Гедина написана статья Е. М. Поспелова «Гидронимические ареалы Центральной Азии» (стр. 118—123).

¹ *Gunnar Jarring. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. Tale, Poetry, Proverbs, Riddles, Ethnological and Historical Texts from the Southern Parts of Eastern Turkestan. With Translation and Notes. I. Texts from Khotan and Yarkend. Lund, 1946; II. Texts from Kashghar, Tashmaliq and Kucha. Lund, 1948; III. Folk-lore from Guma. Lund, 1951; IV. Ethnological and Historical Texts from Guma. Lund, 1951 (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 43, № 4; Bd. 44, № 7; Bd. 47, № 3—4).* Рецензии С. Е. Малова см.: «Известия Академии наук СССР», т. X, вып. 2, 1951, стр. 205—207; т. XII, вып. 2, 1953, стр. 294—295.

² *Gunnar Jarring. An Eastern Turki-English Dialekt Dictionary. Lund, 1964 (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 56, № 4).* См. рецензию Н. А. Баскакова в журнале «Вопросы языкознания», 1966, № 6.

Глубокое знание Г. Яррингом уйгурской диалектной лексики, многих связанных с ней реалий и обычаев позволили ему дать обстоятельные комментарии к изданию рукописи его учителя шведского тюрколога и восточнотуркестанского миссионера Густава Ракетта (1871—1945) «Kasim akhon bref till sin vän Kamil effendi i Stambul om lefnadssät, seder och bruk i Ostturkestan» («Письма Касима-ахуна своему другу в Стамбуле Камиллю-эфенди о жизни, нравах и обычаях в Восточном Туркестане»), которая была извлечена из архива и опубликована Г. Яррингом в 1975 году³.

Живые наблюдения над бытом и нравами тюркского населения Южного Синьцзяна, изложенные Г. Ракеттом в форме писем вымышленного персонажа Касима-ахуна к его стамбульскому адресату, благодаря обстоятельным комментариям Г. Ярринга к английскому переводу отрывков изданного параллельно шведского оригинала, придали «Письмам» характер научного этнографического труда. Приложенный к публикации список использованной литературы фактически является библиографическим справочником по этнографии современных уйгуров, причем издания на русском языке занимают в этом списке весьма заметное место. При оценке трудов Г. Ярринга рецензенты не раз отмечали его хорошее знакомство с советской тюркологической литературой, что придавало им заверченный характер.

Г. Ярринг изучал и письменную литературу уйгуров Синьцзяна. Им составлен глоссарий к изданному Г. Ракеттом «восточнотюркскому» варианту популярного сказания о Тахире и Зухре, опубликованному в Лунде в 1930 году, на который откликнулись крупные востоковеды Дж. Клонсон, Ю. Немет и Я. Рыпка⁴. Рецензенты высказывали сожаление, что Г. Ракетт не смог осуществить свое намерение — сопроводить текст словарем, хотя словарный состав памятника, будучи весьма своеобразным, представлял общетюркологический интерес. Эта задача спустя тридцать семь лет после издания текста была блестяще выполнена Г. Яррингом, который в 1967 году в трудах Лундского университета опубликовал новоуйгурско-немецкий словоуказатель к памятнику⁵, снабдив наиболее интересные лексемы параллелями из разных тюркских языков и письменных источников. Лексика этого памятника имеет немалое значение для исторической лексикологии и этимологии: например, коневодческий термин *torşaq* оказался весьма полезным для объяснения загадочного племенного названия *толчакы* из «Слова о полку Игореве»⁶. Особенно ценны многочисленные поправки к тексту, сделанные на основе изучения дополнительных источников, использованных при составлении словаря к тексту.

³ Gunnar Jarring. Gustaf Raquette and Qasim Akhun's Letters to Kamil Efendi. Ethnological and Folkloristical Materials from Southern Sinkiang edited and translated with Explanatory Notes. Lund, 1975 (Scripta minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis-Studier utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund, 1975—1976: 1).

⁴ Gustaf Raquette. Täji bilä Zohra. Eine Osttürkische Variante der Sage von Tahir und Zohra. Lund & Leipzig, 1930 (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 26, N. 6). Рецензии: G. Clauson. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London, 1932, p. 161—162; J. Németh — Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig, 1933:2, s. 115—118; J. Ryпка — Archiv Orientální, Praha, 1934, s. 266—268.

⁵ Gunnar Jarring. Wörterverzeichnis zu G. Raquettes Ausgabe von Täji bilä Zohra (Lund, 1930). Lund, 1967 (Acta Universitatis Lundensis. Sectio I Theologica, juridica, humaniora, 4).

⁶ См.: К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр. 146.

К этим работам примыкает и новая книга Г. Ярринга о традиционных литературных текстах Кашгара, вышедшая в свет в 1980 году⁷. В основу книги положена не графическая форма текста с «нормализованной» на базе ее кабинетной транскрипцией (точнее транслитерацией с элементами интерпретации), а точная фонетическая транскрипция чтения текста носителями языка. Благодаря этому принятая Г. Яррингом транскрипция отражает отклонения от «нормализованного» книжного произношения и включает элементы живого языка уйгуров из Кашгара.

Основу книги составляет транскрипция текстов из четырех рукописей, написанных архаичной книжной формой новоуйгурского языка (Eastern Turki), сделанная в процессе чтения текста рукописей двумя кашгарскими муллами. Ученым применена та же система транскрипции, что и при фиксации фольклорных текстов в издании 1946—1951 годов. Имеющиеся в книге 1980 года тексты обнаруживают заметную тенденцию чтецов к фонетической нормализации, хотя и не всегда последовательной, что объясняется несовершенной орфографией рукописей (особенно в начертании арабских и персидских слов).

Создаваемые профессиональными писцами рукописные книги, именуемые كتاب kita:p, на кашгарском базаре ценились гораздо дороже, чем печатные привозные издания (своего книгопечатания в Восточном Туркестане не было), называвшиеся по-персидски چاپه ça:pe, چاپ ça:p 'печать, издание' или просто كاغذ kaγaz ~ keγez 'бумага'. Образцы письменной литературы уйгуров отражают языковую ситуацию в Восточном Туркестане начала XX века и служат естественным дополнением к изданным ранее фольклорным текстам, вместе с которыми они дают представление о духовной жизни уйгуров Синьцзяна того времени.

Из восемнадцати текстов, напечатанных в книге, пятнадцать взяты из весьма популярной в мусульманском мире «Истории пророков» قصص الانبياء Рабгузи (4 сюжета о Ное; 7 сюжетов об Адже; Юсуф и Зулехха; 3 сюжета о Марии и Иисусе). Кроме того, напечатана в транскрипции 19 глава дидактического сочинения «Услада сердец» راحة القلوب. Из жития (биографии) Абу Насра Самани напечатана часть, посвященная житию султана Сатук Бугра Хана (سلطان ستوق بگرا خان تذكره). Завершает подборку текстов новоуйгурская версия популярной романтической повести о влюбленных «Шахсенем и Гариб».

Текстам предшествует общее введение, где характеризуются публикуемые материалы в целом, далее обобщаются данные об уйгурском произношении при чтении традиционных литературных текстов, написанных арабской графикой. Группы текстов об отдельных пророках и самостоятельные тексты сопровождаются археографическими введениями с кратким описанием известных рукописей и сведениями об их изучении. В примечаниях к вступительным статьям при текстах и к переводам дано разъяснение многих своеобразных терминов.

Приложенный к книге новоуйгурско-английский словарь редких слов служит также указателем к их употреблению в публикуемых текстах.

Завершается издание обширным библиографическим списком литературы, содержащим важнейшие данные по новоуйгурской литературе Синьцзяна.

⁷ Gunnar Jarring. Literary Texts from Kashghar edited translated with Notes and Glossary. Lund, 1980 (Acta Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis-Skrifter utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund, LXXIV).

Новая книга Гуннара Ярринга представляет большой интерес не только для специалистов по тюркским языкам и литературам, но и для этнографов, историков культуры, ибо она содержит ценный и обширный научный материал.

Гуннар Ярринг, которому 12 октября с. г. исполняется семьдесят пять лет⁸, и в настоящее время продолжает плодотворно работать в области тюркологии, обогащая ее новыми фактами и наблюдениями. Советские тюркологи желают своему шведскому коллеге дальнейших успехов в его научной деятельности.

⁸ См. также: Н. А. Баскаков. Гуннар Ярринг (К семидесятилетию со дня рождения). — «Советская тюркология», 1977, № 5, стр. 86—87.

РЕЦЕНЗИИ

«ТАТАР ТЕЛЕНЕЦ АНЛАТМАЛЫ СУЗЛЕГЕ»
ӨЧ ТОМДА. ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1977—1981.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА».
В ТРЕХ ТОМАХ. ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1977—1981.

Завершено издание трёхтомного «Толкового словаря татарского языка», подготовленного сотрудниками сектора языка¹ Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Выход в свет этого словаря — знаменательное событие в культурной жизни татарского народа.

Давние социально-экономические, политические и культурные связи татарского народа с русским, территориальное расселение татар на стыке Европы и Азии, посредническая роль татарского языка в установлении контактов русского государства с другими тюркскими народами — обусловили весьма раннее возникновение и интенсивное развитие татарской лексикографии. Еще в XVII веке были составлены русско-татарские рукописные словари, причем в XVII—XVIII веках их насчитывалось уже более десяти². В дальнейшем на формирование и развитие татарской лексикографии значительное влияние оказали словари Махмуда Кашгари, Ибн Муханны, Абухаяна Гарнатый и др.

Как известно, ранние попытки составления толкового словаря татарского языка относятся к первой половине XIX века. Профессор Казанского университета Ф. Эрдман, выдвигая идею создания полного татарского словаря, обратился к совету университета с просьбой поддержать его в

предстоящей работе. В проекте программы словаря Ф. Эрдман отмечал, что в нем должны быть представлены слова татарского языка во всем объеме как простые, так и отвлеченные, относящиеся «к религии, церковным обрядам, древности, истории, географии, естественной истории, нравам, государственному учреждению, законодательству, мореплаванию, торговле, домашней жизни и ее учреждению, земледелию, охоте, рыбной ловле, фабрикам, мануфактурам, горному делу, военному искусству, врачеванию, волшебству, математике, астрономии, философии, анатомии, дипломатии, алхимии, архитектуре и проч.»³. Однако, несмотря на то, что были определены основные принципы построения словаря и проведена подготовительная работа, он так и не был создан.

Составителем первого толкового словаря татарского языка стал выдающийся татарский ученый-энциклопедист К. Насыри. Его «Ләһжәи татари» («Татарский словарь») в двух томах (I том. Казань, 1895, 328 стр.; II том. Казань, 1896, 157 стр.) включает около десяти тысяч слов и выражений, активно употреблявшихся в тот период. Приняв за основу синонимический способ толкования слов, К. Насыри использовал и описательные пояснения. Словарь «Ләһжәи татари» отличается богатством представленного в нем материала живого общенародного языка. Это — первый толковый словарь в истории тюркских языков.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции началась систематическая работа, направленная на

¹ Составители: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунзянов, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова, Л. Р. Гайнанова, Ф. А. Ганиев, М. Г. Мухаммадиев, Ш. С. Ханбикова, Р. Г. Ахметьянов; (частично) Р. Р. Мингулова и Р. Р. Рахимова. Редакторы: Л. Т. Махмутова, М. Г. Мухаммадиев, К. С. Сабиров, Ш. С. Ханбикова. Редакторы издательства: Р. А. Зияяева, Г. Г. Абдрахманова, А. К. Тимергалин.

² См.: М. Ногман. XVII—XVIII йәзләрдәге русча-татарча кулъязма сузлекләре. Казан, 1969.

³ Документы о проекте предложенного Ф. Эрдманом полного татарского словаря находятся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. Лобачевского Казанского университета под инвентарным номером 4391.

решение первоочередных задач культурного строительства в национальных республиках, в том числе и в Татарии. Преподавание татарского языка в школах, техникумах и вузах потребовало издания учебников, различных словарей и пособий. В эти годы создаются многочисленные орфографические, терминологические и двуязычные словари. Тогда же были предприняты попытки создания и толковых словарей. В 1927—1928 годах вышли в свет две части первого тома полного словаря татарского языка видного татарского ученого Дж. Валиди «Татар теленен тулы сүзлегә» (I жилд, I кисәк, Казан, 1927, 352 стр.; II кисәк, Казан, 1928, 353—720 стр.). Несмотря на то, что было издано всего две части тома, словарь этот, зафиксировавший лексический состав татарского языка того времени, все еще не утратил своего историко-лингвистического значения.

Богатый опыт и традиции татарской, русской и в целом тюркской лексикографии были успешно использованы татарскими лингвистами при дальнейшей работе над словарями, в частности и над рецензируемым толковым словарем.

В рецензируемом «Толковом словаре татарского языка» зафиксирован и обобщен лексический и фразеологический материал татарского языка, начиная с конца XIX века и до настоящего времени, раскрыты значения слов и их оттенки, дана грамматико-стилистическая характеристика слов, показаны особенности словоупотребления.

В 1958 году для работы над толковым словарем был издан лексикологический вопросник⁴. Составление картотеки словаря было начато также в 1958 году на основе сплошного картирования произведений классиков татарской литературы начала XX века, современных писателей, а также литературы, представляющей различные функциональные стили татарского языка. Картотечная база словаря насчитывает свыше трех миллионов карточек. В 1964 году была издана Инструкция по составлению словаря⁵. Составление и редактирование трехтомного словаря (300 п. л.), включившего свыше 42 тысяч слов и словосочетаний, было завершено к 1970 году.

Основу словаря составляют общеупотребительная лексика и фразеология современного татарского литературного языка. Включены также просторечная и отчасти жаргонная лексика, этнографизмы, историзмы, широкоупотребительные неологизмы.

В словаре использованы три способа толкования: описательный, синонимический и отсылочный, причем предпочтение вполне оправданно отдается первому способу.

Значения слов определяются четко, во многих случаях выделяется до десяти и более значений слов, что, несомненно, способствует более полному раскрытию семантического богатства языка. Много значений зафиксировано в словах: *исеп* — 12 значений, *йөрү* — 23, *дио* — 16, *бәяләү* — 12, *бәру* — 13, *биру* — 36, *булу* — 39, *аеру* — 19, *алу* — 32, *басу* — 28, *баш* — 16, *бер* — 18, *күтәру* — 21, *калу* — 25, *карау* — 22, *килу* — 20, *киту* — 21, *сузу* — 24, *тарту* — 37, *чыгару* — 36, *төшерү* — 28, *жибәрү* — 28, *төп* — 26, *югары* — 19, *юк* — 15 и т. д. Имеются слова, у которых выявлено несколько десятков значений. Так, например, слово *табу* имеет 45 значений, *төшү* — 66, *салу* — 61 и т. д. В виде дополнения можно было бы добавить лишь следующие значения: *дәрәжә* — в значении послеложного слова, *бастырма* — кулинарный термин, *мәйдан* — диал. 'сабантуй', *милек* — диал. 'двор, принадлежащий семье', *остазлык* — в значении наставничества, *калак* — в значении 'ложка', *такта* — разг. 'ябык', *жилем* — диал. 'вымя', *өстәлмә* — лингв. 'присоединение', *яфрак* — диал. 'веник', *шәй* — диал. 'кажется', *урам* — диал. 'крытый двор', *туңу* — разг. 'заснуть', *токын* — диал. 'теплый сарай' и т. д.

Словарь позволяет проследить полисемию не только исконных, но и заимствованных слов. Чем древнее заимствование, тем больше у него переносных значений. Даже у новых заимствований зафиксировано несколько значений; например, слово *форма* имеет 9 значений, *фигура* — 9 и т. д. Лишь в отдельных случаях некоторые из таких значений выпали из поля зрения составителей, например, *грация* 'корсет', *гольф* 'спортивная игра', *домино* 'вид одежды', *орган* 'часть тела', *каре* — военный термин, *куратор* 'руководитель академической группы в вузе', *талант* — рамская денежная единица, *тумба* — толстый человек, *чеканка* — произведение искусства из металла, *эфемерный* 'обманчивый, ненадежный' и т. д.

Каждому слову предпослана грамматическая и стилистическая характеристика, указывающая на его принадлежность к определенной части речи, раскрыты его отдельные грамматические формы, типичные синтаксические функции, сфера употребления, эмоциональные оттенки и т. д.

Иллюстративный материал, приведенный в основном из художественной, научно-популярной литературы, фольклора, учебников и т. д., способствует более точному раскрытию оттенков значений, а также демонстрирует сочетаемость отдельных лексических единиц друг с другом.

Художественная литература, из которой взяты примеры, раскрывающие значение слов, представлена произведениями писателей, начиная с К. Насыри, В. Хади, З. Бигиева и др. Большое место отведено примерам из произведений классиков татарской литературы — Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Кулахметова, С. Рамиева, Г. Ибрагимова, М. Файзи, Г. Камала, Ш. Камала,

⁴ «Татар теленен аңлатмалы сүзлеген төзүгә сүзләр жыю өчен лексикологик сораулык». Казан, 1958.

⁵ «Хәзерге татар әдәби теленәң аңлатмалы сүзлеген төзү инструкциясе». Казан, 1964.

Ф. Буриаша, Т. Гиззата, Г. Кутуя, К. Наджми, М. Джалиля, Ф. Хусни, Г. Баширова, И. Гази, А. Еники и др. Приводятся примеры из книг современных писателей среднего поколения — Г. Мухаметшина, Г. Ахунова, А. Гилязова, Р. Тухватуллина, М. Магдеева, Х. Сарьяна, Р. Файзуллина, И. Юзеева, Э. Касымова и др.

Значения многих слов иллюстрируются пословицами, оспособными доходчиво раскрыть их семантику: Аксыргак... Аксыргак бар жирдә ат үлмәс (стр. 36); Актамыр... Актамыр атка булган үчен сабаннан алыр (стр. 36); Балпан... Егет булсан, балпандай талпын (стр. 119); Баса... Ата даны белән кыз китә, баса даны белән сүс китә (стр. 128); Коралай... Атын киеге — колан, кәжәңә киеге — коралай (стр. 156); Кулавыз... Кулавызсыз юлга кәргән юлдан язар (стр. 187); Чабышкы... Чабышкыга чабышкы янында камчы кирәкми (стр. 397); Өйрә... Өендә өйрә пешерә белмәгән, кешегә килеп ботка пешерә (стр. 698) и т. д.

В словаре богато представлена фразеология татарского языка, приведенная в качестве иллюстраций к словарным статьям: ак 'белый', аяк 'нога', баш 'голова', бармак 'палец', бер 'один', ике 'два' и т. д., в которых дается более шестидесяти словосочетаний. Во втором томе, например, к слову куз 'глаз', куңел 'душа' даны более 200 фразеологизмов, к слову колак 'ухо' — 78, кул 'рука' — 85, сүз 'слово' — 57, кара 'черный' — 35, койрык 'хвост' — 31, кесә 'карман' — 24, кире 'обратно' — 23, кеше 'человек' — 20 и т. д. Обилие фразеологии в данном томе, вероятно, объясняется тем, что в него входит много слов, обозначающих части человеческого тела, представляющих собой наиболее древний пласт лексики татарского языка и составивших основу многих фразеологических выражений. Одна словарная статья куз 'глаз' занимает восемь страниц большого формата (стр. 282—288). И в третьем томе зафиксирована и истолкована богатейшая фразеология. Очень много фразеологических единиц к словам жан 'душа' — 127, жир 'земля' — 71, а также к словам таш 'камень', төн 'ночь', үз 'сам', теш 'зуб', тамак 'горло', жыл 'ветер', жиде 'семь' и т. д.

Большинство представленных в словаре слов сопровождается фразеологическими выражениями. Необходимо отметить, что составители полно охватили фразеологию к отдельным словам и словосочетаниям. В редких случаях можно добавить к приведенным те или иные фразеологизмы: кунак (кунак жыю, кунак ашы), корбан (корбан ашы), котлет (котлет ясау), кочак (кочагы белән), көсмән (көсмән кагу), лапта (лапта сугу, лапта уйнау), мал (мал түгел), панель (панельгә чыгу), пар (пар чыгу), пәке (пәкеле уйнау), сер (серләре сыеша), кала (кала алу), тархан (тарханга чыккан) и т. д.

Примечательно, что отдельные заимствованные слова вошли в татарский язык из фразеологизмов, посредством их калькиро-

вания. Например, слово *фиаско* употребляется только в составе фразеологизма *'фиаскога дучар булу'* 'потерпеть фиаско', слово *тога* — в составе *кемчәк дә булса тогасына төрәңү* 'рядиться в тогу' и т. д. В словаре зафиксирована и калькированная с русского языка фразеология: *тавис каурыйлары таккан карга* 'ворона в павлиньих перьях', *чуртан кушуы буенча* 'по щучьему велению' и т. д.

Широко представлены понятия, связанные с мифологией, языческими верованиями и религией (*гуж, дөлдел, пот, күк, нух, мәккәй, убыр, Хозыр-Ильяс, хур, шүрәле* и т. д.), этнографическая лексика (*кияу, кода, кодагый, кодача, инче, онык, мәһәр, күрендек, күкрәкчә, көпе, кәбен* и т. д.), эвфемизмы, объясняемые магией слова у древних (*корыботак, пурый, теге дөнья, ташаяк мунчаласы, жиңгел*), жаргонизмы (*пәнжәки, фиргавен, чигай малае* и т. д.), просторечная лексика (*хәрти, чистый, чукынмыш, шпана* и т. д.).

В словаре найдла отражение диалектная лексика из многочисленных говоров татарского языка, которую составители привлекли, во-первых, в качестве самостоятельных лексических единиц, во-вторых, как фонетический вариант литературной нормы слова и, в-третьих, — в переносных значениях слова. Составители отмечают, что в словарь «включаются часто встречающиеся в художественной литературе и способные обогатить литературный язык диалектизмы» (I том, стр. XI).

Именно к таким словам относятся: *буйдак, болдыр, ажаган, игәч, багу, бакрач, биага, биана, биата, кушавыз, кылдау, кыргавыч, коргак, кырлач, клаулак, кавыз, каңса, ләжберәу, ортын, ошак, ошакчы, онта, сурәу, сыктану, пырдымсыз, пырдымсызлану, пәжү, пурак оны, тудыка, толыкман, ургыл, уйдык* и т. д. Словарь позволяет наблюдать процесс перехода отдельных диалектных слов в литературный язык. Например, слова *элемент, буйдак, ажаган, кулләвәк, жайдак, өрфия, тәүге, онта, гел* и др. стали в настоящее время общеупотребительными. Часть зафиксированной диалектной лексики представлена как фонетический вариант литературных форм произношения и написания, например, *тирәз (тә-рәз), туез, тос (туз), жиңгәй (жиңги), жирсәү (жирсу), үгәй (үги), чаер (чәер), яшьләй (яшьли), чөшле (шөшле), чикә (чигә)* и т. д. Наряду с такими словами в словаре приводятся и диалектизмы, встречающиеся только в речи персонажей художественных произведений или представляющие узкодиалектный синонимический вариант литературного слова, и поэтому включение их в данный словарь вряд ли можно считать целесообразным. Это такие слова, как *марсык, лашбык, күжә, күзелдерек, көленеч, кәркеш, кушымыш, кучты* и т. д.

Словарь дает представление об омонимическом составе татарского языка и путях его обогащения. Одна часть омонимов образована с помощью ударения (*бүлмә — бүлмә, хәер — хәер, хәзер — хәзәр* и т. д.).

другая — в процессе словообразования и переосмысления слова (*кушу* — 3 омонима, *килеш* — 4, *кук* — 3, *курек* — 3, *сандал* — 3, *лэм* — 3, *серкэ* — 3, *пар* — 3, *тош* — 4, *тумак* — 4 и т. д.), третья — в процессе заимствования из арабского, персидского, русского и западноевропейских языков (*койка*, *май*, *бал*, *хак* — 4 слова, *тик* — 4, *туз* — 3, *тура* — 3, *титан* — 3, *тек* — 4 и т. д.). В отдельных случаях видно, что омонимия возникает из полисемии: *кул* (3 слова), *кичу* (3 слова) и т. д. По представленному лексическому материалу можно судить, что омонимия редко превышает четыре лексические единицы.

В словаре использованы новые для татарской лексикографии приемы. Например, продолжая традиции Дж. Валиди, авторы выдвинули принцип подачи составных слов и фразеологизмов по первому компоненту. Но, в отличие от Дж. Валиди, составные слова отделены от фразеологизмов. Фразеология дана отдельно в зарумбовой части. Такое расположение материала облегчает практическое пользование словарем. Толковый словарь татарского языка отличается этим от толковых словарей киргизского, казахского, азербайджанского и узбекского языков⁶.

В лексикографической науке давно идет спор о возможности включения составных терминов в фразеологию. В толковом словаре татарского языка вопрос этот решен четко: составные термины даются в зарумбовой части и, таким образом, отделяются от фразеологии.

Составители словаря нашли удачный прием подачи послеложных слов *ас*, *бс*, *ал*, *арт*, *ян*, *буй* и т. д. в различных падежных формах⁷.

Отличием данного словаря от предыдущих можно считать подачу аналитических форм глаголов по модели «русский инфинитив + вспомогательный глагол *итү*». Эти формы активизировались в 40-е годы и поэтому в большом количестве вошли в изданный в 1956 году «Татарско-русский словарь», в котором было также немало параллелизма типа *командировать итү* — *командировкага жибару*, *маричовать итү* — *маринадлау*, *командовать итү* — *командалык итү* и т. д. Однако в процессе развития речевой и языковой культуры в 60-е годы эти формы были отвергнуты и поэтому не зафиксированы в толковом словаре. Случайным, видимо, следует считать сочетание *лавирировать итү*. Однако, вместе с тем, необходимо отметить живучесть данной формы

⁶ М. Г. Мөхәммәдиев. Татар теле лексикографиясенен нам лексикологиясенен үсеше. — В сб.: «Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка». Материалы республиканской конференции по татарскому языкознанию, посвященной 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию образования Татарской АССР. Казань, 1981, стр. 20.

⁷ Там же.

в просторечии, объясняющуюся условиями двуязычия (*танцевать итү*, *выписывать итү*, *демобилизовать итү* и т. д.).

В словарь вошло большое количество звукоподражательных слов, впервые представленных в таком объеме в татарской лексикографической практике, например: *гөрт-гөрт*, *гыр-гыр*, *былт-былт*, *гыж-гыж*, *га-га-га*, *чут-чут*, *шагор-шогыр*, *ыжж*, *жилбер-жилбер* и т. д. Впервые также зафиксированы как самостоятельная часть речи образноподражательные слова типа *чет-чет*, *желт-желт*, *жем-жем*, *ялык-йолк* и т. д.

Еще Каюм Насыри отмечал богатство татарского языка парными словами. Словарь впервые фиксирует это богатство с большой точностью, что дает возможность дальнейшего изучения таких слов в структурно-семантическом плане, ибо они представляют собой самые различные сочетания: *гадәт-йола*, *елаш-сыкраш*, *бәрәл-сугыла*, *башлы-кузле*, *тушак-тушак*, *өем-өем*, *тамчы-тамчы*, *тау-тау*, *телле-телле* и т. д.

Словарь позволяет судить о количестве заимствований и исконной лексики по начальной букве. В первый том вошли слова, начинающиеся с буквы **А** до **И**. Многие звуки (**В**, **Г**, **Д**, **Ж**, **З**) в препозиции татарских слов почти или совершенно не встречаются, но широко употребляются в начале заимствованных слов арабо-персидского, западноевропейского, греко-латинского, русского происхождения. Во втором томе, например, охватывающем следующие восемь букв алфавита, больше половины листажа занимают слова, начинающиеся с букв **К** и **С** и составляющие большей частью исконно тюркскую (и татарскую) часть лексики. Свообразием второго тома, на наш взгляд, является то, что в нем представлены слова, начинающиеся на **Л**, **М**, **Н**, **О**, **П**, **Р**, то есть на буквы, не характерные для начала слова в тюркских языках. Они занимают всего одну треть второго тома. Третий том охватывает слова с инициальными **Т** — **Һ**. Интересно заметить, что все слова с начальными **Ф**, **Һ**, **Щ**, **Ц** в татарском языке заимствованы из вышеуказанных языков. С буквы **Ы** начинается немного татарских слов. С буквы **Т** начинается одна треть слов, вошедших в третий том словаря, с буквы **Ч** — одна десятая часть. Таким образом, рецензируемый словарь дает также полное представление и о позициях фонем в слове.

Большой интерес в словаре представляет подача заимствований, источником которых являются самые различные языки и в первую очередь арабский, персидский, русский, западноевропейские, финно-угорские, монгольские и т. д. Заимствования дооктябрьского периода, проникая через разговорную речь, в целом усваивались фонетически, семантически и грамматически, и многие из них составляют наиболее активную часть лексики татарского языка. Другая часть заимствований носит книжный оттенок, так как она вошла в язык через письменную речь, сохраняющуюся в основном в неизменной форме. Огромный пласт составляют арабско-персидские заимствова-

ния, относящиеся к самым различным сферам жизни татарского народа: религии, литературе, искусству, науке, просвещению, семейным отношениям, быту, торговле, транспорту, медицине, юриспруденции и т. д. Русская заимствованная лексика, насчитывающая тысячи единиц, относится к быту, промышленности, административной структуре, общественно-экономической жизни, науке и технике, литературе и искусству, военному делу, медицине, финансам, спорту и т. д. К тем же сферам относятся и заимствования из западноевропейских языков через русский язык.

Как известно, татарский литературный язык, наряду с весьма своеобразным стилем художественной литературы, включает в себя и другие стили — научный, публицистический, официальный и другие, в которых имеются целые пласты заимствованной лексики из названных выше языков. Поэтому вполне закономерно включены в словарь такие слова, как: *детектор, иллюзия, копировка, косынка, молния, молодец, почерк, сводка, фелетон, фельдшер, ферзь, фермент, цилиндр, цикорий, отчет, самбо, смотр, симпозиум, оперативка, шафран, шарж, этика, юбилар* и др.

Широко употребительны в татарском языке отдельные новые элементы слов, особенно в научном стиле. Например, с элементом *электро* зафиксировано и истолковано 73 слова, с элементом *фото* — 53 слова и т. д. Следует всячески приветствовать включение в словарь лексических единиц, являющихся и в русском, и в татарском языках недавними неологизмами, например: *нейлон, нейрохирург, нитрон, орбиталь, офсет, селектор, семиотика, структуралист, синтетика, лавсан, фотокопия, фототелеграмма, хозрасчет, транзистор, трансплантация, турбореактив* и др. Некоторые из них можно было бы поместить как неологизмы. Вероятно, социально-экономическими факторами и вследствие этого все большим распространением русско-татарского двуязычия следует объяснить включение в словарь таких чисто русских слов, как *горком, горсовет, заметка, записка, заявление, кольчуга, косяк, отлично, обзор, лесник, ластик, костыль, крен, учет, участок, учетчик, училище, учреждение, умывальник, убежище, уломер, хват, цель, часть, часовая, часовня, ящик, торг, торги, тройник, тройка, тягач* и т. д., широко распространенных в разговорной речи и функционирующих параллельно с татарскими словами.

Наряду с лексическими единицами, усвоенными через устную речь сравнительно давно и потому подчинившимися в своем звучании фонетическим закономерностям татарского языка (*азан, бурэнэ, дэрт, гармун, бурэнкэ* и т. д.), в словаре нашли отражение и заимствования, вошедшие в татарский язык в советское время в фонетическом оформлении языка-источника.

Заимствования через письменную форму языка в словаре отражены правильно; только иногда в отдельных русских и европейских заимствованиях встречаются спорные

случаи: *краг* (вм. крага), *сардин* (вм. сардина), *маниок* (вм. маниока) и др. В литературном языке они употребляются и пишутся в соответствии с нормами языка оригинала, в данном случае — русского.

Заимствованная лексика обычно дается в более усвоенной форме. Это относится к большинству случаев, представленных в словаре. Исключения из этого правила очень редки. Например, сочетание *зачет книжкасы* (стр. 344) менее употребительно по сравнению с *зачет кенэгэсе, зачетка*; слово *бланманже* (стр. 172) усвоено в форме *бламажи* (см. у Г. Камала); слово *бляха* (стр. 173) совершенно не усвоено языком, вместо него употребляется слово *аел*.

В отдельных заимствованиях из русского языка и через русский язык указаны ударения, что в настоящее время немаловажно для культуры речи.

О заимствованиях, представленных в словаре, можно было бы заметить следующее: практическая и теоретическая значимость словаря еще более возросла бы при указании источников заимствования.

Одним из словообразующих средств в татарском языке является калькирование русских слов, что также нашло отражение в словаре (полные и частичные кальки). Особенно это касается широкоупотребительной терминологической лексики по различным отраслям знаний: зоологии, ботанике, лингвистике, литературоведению, искусству, музыке, географии, общественным наукам. Например: *заговорчылык, зарурлык, зарарсыландыру, гомумилек, законлаштыру, азчылык, жегутлылар, алшарт, агенты, бөтенлекле, кантчылык, кангагать лэндерерлек, компромиссыз, комплектлаштыру, котылысызлык, лачынчалар, лаклаучы, лаеклылык, масштаблылык, маскировка, нуранлыш, нормальлаштыру, нивелирлау, очраклылык, охишландыру, оттырыш, пролеткультчылык, регламентлаштыру, синтезлаштыру, сугышчанлык, стильлаштыру, тормышчанлык, хужалыксызлык, чолганыш, чыгарылыш, шабашниклык, шартлылык* и т. д. Следует отметить, что калькирование в татарском языке стало все чаще применяться при образовании новых слов, и закрепление их в словаре следует признать справедливым.

Большое внимание уделено отбору и толкованию устаревшей лексики — историзмов и архаизмов. Они богато проиллюстрированы примерами из языка фольклора, художественной литературы. Например, «*Барабыз* и иск. Авылдан килеп, шәһәр урамнарында артысыз чана белән кеше ташып йөрүче»; «*Иравыл* и бор. Алдан бара торган гаскәр, авангард». Необходимость фиксации таких слов в словаре продиктована тем, что историю народа и его языка невозможно представить без таких устаревших слов, как *котанай, корык, кәманча, кән, кәрбәз, кәшәкханә, кәһвә, көхәл, күнәк, күсә, күчә, ләу, намаеш, наргиля, турга, тукташ, тоткавил, томага, томар, теркеш, утызмеңче, такыл, ям, юламан, шыгавил, шишак, туплан, улжа, тугры* и т. д.

В словаре имеются и архаизмы, в том числе лексические и фонетические: *ту, то-тык, тора, тон, тезде, тимсах, ташбасма, таразы, так, там, ширт, чам, тэгам, нэ, кэлу, куптин кул, көндин-көн* и т. д. К ним даются иногда современные синонимы: *нар* — иск. *ялкын, мөшкэг* — иск. *мускат, лива* — иск. *байрак* и т. д.

В то же время вряд ли оправдано включение в словарь весьма архаичных арабских заимствований, не употребляющихся уже с начала XX века, например, *тәрәддетләну* 'сомневаться', *тәнәззел иту* 'унижаться' и др.

Словарь характеризуется широкой фиксацией вариативного употребления лексических единиц, различных по происхождению. Одни из них являются заимствованиями из русского, арабского и персидского языков либо через разговорную, либо же — письменную речь. Поэтому возможны такие варианты, как *кашмир* — *кашмир, килки* — *килька, кәнфит* — *конфет, кәрчин* — *керосин, кәтлит* — *котлет, кәнител* — *канитель, карават* — *крозать, скрипкә* — *скрипка, пинжәк* — *пиджак, кәрзин* — *кәрзинке* — *корзина, куас* — *квас, станса* — *станция, кызау* — *кузов, кәнсир* — *консерв, пичәт* — *печатать, писер* — *писарь; трантас* — *тарантас, шиблет* — *штиблет, талчук* — *толчок, телеграм* — *телеграмма, шкатур* — *штукатур, фатир* — *квартира, әртил* — *артель; хәрәм* — *харам, шурна* — *шульпа, нигамбар* — *пайгамбар, ләлә* — *лалә, нәшир* — *нашир, сәләм* — *сәләм* и т. д. Другие вариативные слова возникли в процессе исторических изменений слова: *карындаш* — *карендәш* — *кардәш, кыгаю* — *кыйгаю, кыйлану* — *кылану, меңгеру* — *мендеру* — *менгезу, кигеру* — *кидеру* — *кигезу, охшау* — *ошау, кәккүк* — *кәкүк, пыжу* — *пәжу, сахара* — *сәхрә, бажанак* — *печенег, мрамор* — *мәрмәр, коршау* — *кыршау*. Третьи — появились вследствие изменений орфографических норм: *киреле-мырлы* — *кырле-мырлы, кайчана* — *каенана, кашык аяк* — *кашыгаяк* и т. д. Четвертые — отражают литературное и диалектное произношение. Список фонетических вариантов можно было бы продолжить.

Представлено много дублетов собственно татарских слов типа *әче* — *ачы, әчеттерү* — *ачыттыру, өтермә* — *өтерман, үренте* — *үренде, табор* — *табыр, талир* — *талер, талта* — *талда, талтирәк* — *тал тирәк, тапас* — *топаз, тилгән* — *тилегән, толмач* — *тылмач, толпар* — *тулпар, торын* — *турун, тотанак* — *тотнак, трай* — *тырай* и т. д. Эти дублеты или варианты, возникшие в словообразовательном и фонетико-орфографическом плане, в татарской речи сосуществуют, расширяют лексико-семантические и стилистические возможности языка и в определенной степени прогнозируют направление дальнейшего развития литературного языка. В таких вариантах, как *таксист* — *таксичы, танкист* — *танкчы* вопрос решается в пользу первых.

Однако, если учесть, что данный словарь является и нормативным, могут возникнуть

и определенные трудности в выборе того или иного варианта. Правда, составители, стремясь к последовательности в фиксации таких вариантов, порой придерживаются передачи их через запятые (например, *кабриолет, кабриолетка; консерв, консерва; омуль, оمولь; сәркатип, сәркәтип; пәже, пәжи; мескенчәк, мескенчек; малай-шалай, малай-салай* и т. д.). При отдельных пассивных или диалектных вариантах даются отсылки к активным или литературным вариантам. Однако встречаются и некоторые отклонения от этого правила. Например, при слове *кәнфитләну* должна была быть отсылка к твердому варианту *конфетлану*, однако этого не сделано. То же можно сказать и о словах *кәзәки, кәнитил, кәссап, сәрхәнтәй*. Иногда варианты указываются лишь в основной форме, а в производных — отмечается только один вариант, или наоборот. Например, *сәләм* — *сәләм и сәләмләу; сурәт* — *сурәт и сурәтләм, сурәтләмә; сәрхуш, сәрхушылык и сәрхушылану* — *сәрхушылану*.

Вариативное употребление слов свидетельствует о продолжающемся процессе совершенствования орфографических и орфоэпических норм татарского языка и в известной мере объясняется отсутствием полного орфографического словаря.

Составителям и редакторам словаря пришлось решать и актуальные вопросы современной орфографии, особенно заимствованных слов. Словарь, несомненно, выполняет во многом и функции орфографического словаря. Однако возникает множество вопросов, когда в написании тех или иных слов в существующих словарях имеются расхождения. Как писать: *адәм* или *әдәм, табиб* или *таби, яһуди* или *яһуди, финча* или *финчә, тәсауыр* или *тасавыр, фәрһят* или *фәрһяд, фәүкыйльгадә* или *фәүкыльгадә* и т. д.?

Толковый словарь отражает изменения в лексической системе татарского языка в советский период. Во-первых, это переосмысление старых слов; во-вторых, образование новых слов за счет ресурсов самого татарского языка; в-третьих, четко выделяется слой русских заимствований, утвердившихся в литературном языке; в-четвертых, процесс калькирования слов и словосочетаний; в-пятых, практика заимствования интернациональных слов через русский язык. В лексике современного татарского языка выделяется пласт, общий для языков народов СССР — это лексика, относящаяся к науке и технике, различным отраслям промышленности и сельского хозяйства, политической и культурной жизни нашей страны и т. д. Такой общий фонд, связанный с образованием новой исторической общности людей — советского народа, имеет тенденцию ко все большему увеличению.

По сравнению с однотомным «Татарско-русским словарем» (М., 1966), в рецензируемом толковом словаре как результат внимательного и кропотливого труда составителей зафиксировано много слов, не во-

шедших в вышеуказанный словарь. Достаточно сказать, что на букву **О** добавлено 170 слов, на **С** — около 400, на **Н** — 103, на **К** — со слова *куш* и до конца более 500 слов. Вместе с тем следует отметить, что оказались выпавшими такие частоупотребительные слова в татарском языке, как: *атлас, дифтонгоид, александрит, абстракционизм, буза* (I, II), *дупль, кадер-хөрмәт, каергы, кайракчы, кинәнчелә, кичсез, кичәле-бугенге, койкалану, корылтау, котлетлык, кузаклылар, кулайлану, кулланылыш, куначлау, курортчы* и т. д.; *намусчыл, нефтьле, нольле, пыгайту, нахаллану, ныгаю, нәзекләну, нәтижәләу* и т. д.; *олаштыручы, олылану, орлыкчы* и т. д.; *сабийларча, сагындыру, серияләп, сикерену, солыбаш* и т. д.; *параграфлап, парафинлану, паспортлаштыру, пародияләштерү, типаж, флакон, фламенго, философларча, фразер, футболка, хаотик, характерсыз, хариус, хисси, хлорит, хлорид, холералы, үгетче, үзгәрткеч, үзидарәле, үзирекле, үзләштерүчанлек, үзендөрү, урәчләү, үскен, үсмерчак* и т. д., и т. д. Вероятно это объясняется ограниченным объемом словаря.

Несмотря на то, что все слова принадлежат языку, установленный объем и принятые принципы составления толкового словаря диктуют в определенных случаях ограничения и необходимость отбора слов с учетом норм современного литературного языка. В данном словаре этот принцип в основном выдержан. Однако в нем встречаются и специальные термины, ограниченные весьма узкой сферой употребления (*клемма, лантоза, легислатура, легистация, лфктлозет, пальпация, полинаст, пианола, пьекса* и т. д.), давно устаревшие, совершенно неупотребительные и уже становящиеся непонятными арабско-персидские заимствования, редкие диалектизмы и диалектные варианты (*кылачбазлык, кырлангыч, кәгьбатулла, кыйхытлык, кәлу, көже, курпә, лаим, ләкьляка* и т. д.).

Толковый словарь призван фиксировать в основном общеупотребительную лексику и в него не следовало включать окказионализмы, что иногда имеет место. Частую это авторские или индивидуальные неологизмы, не получившие широкого распространения. Например, слова *кыйндиччы, күрәлу* включены только на основе употребления их поэтом Х. Такташем; слово *оешык* зафиксировано только в языке Ш. Камала; слова *космолет, космоплан* — по произведению А. Тимергалина, *кәкер-чәкер* — А. Расиха, *стаканлау* — без ссылок на источник. Слова *запачлылык, бакалеячы, бандерольләп, алмазлану, ажгыр, тузанчыл, туемсырау, тойгычан, таңгы, таңсу, утчык, тулгын, әсәрәнке* также можно причислить к окказионализмам.

Пометы, относящиеся к сфере употребления, грамматической характеристике слова и т. д., в целом, правильны и не вызывают возражений. Редко встречаются случаи, когда примечания отсутствуют, особенно такие, как «диалектное», «устаревшее» и т. д. Так, например, слово *таб* —

устаревшее, *табатын* — диалектное, *таңкучат* — этнографизм, *тигәнә* — или диалектное или устаревшее и т. д. Пометы к словам *так* (разг.), *фломастер* — (спец.), *чертеж* — (разг.), *табиб* — (книж.), *тәпәү* — (диал.), *шунлык белән* (устаревшее) и т. д., на наш взгляд, неправильны.

Вряд ли правомерно было делать пометы «сир. — редкое» к словам *тилемзәк* 'дурман', *теләү* 'молиться', *таргыл* 'бурая', *үземче* 'эгоист' и др. Ведь к ним приведены в виде иллюстрации пословицы, как известно, сложившиеся давно, поэтому правильнее было бы дать помету «устаревшее».

Иногда отсутствуют необходимые пометы в грамматической и стилистической характеристике слова (так, например, к слову *аннал* необходима помета об обязательном употреблении его во множественном числе; к словам *дуадак, елдырым, дучман* и т. п. следовало бы дать помету «диал.»; к слову *ден* — помету «разг.»; к слову *ашык* — «вст.»; к словам *таб, табатын, поскын, курзы, кулкубыз, курпы, кургыс, курьиса, курпы* и т. д. следовало бы дать помету, указывающую на сферу и активность их употребления; в словах *койты, кортка* и других ошибочно определена сфера употребления и т. д.

Как отдельные лексические единицы в словаре даны грамматические формы: превосходная степень прилагательных (*ап-ак, зеп-зенгәр, тап-таза, тап-тапыр, тип-тигез, саксары* и т. д.); разряды числительных (*тугызар, тугызау, жидешәр, жидәү* и т. д.); залоговые формы глаголов (*төшенү, төшендерү* и т. д.); удвоение имен (*зур-зур, чиләк-чиләк, өзек-өзек, телем-телем*); слова с аффиксами *-лы/-ле, -сыз/-сез, -дагы/-даге* и т. д. В целом этот принцип сохранен. Исключением являются слова типа *көшегез, кубәүме* и т. д., в которых формообразующие аффиксы *-егез* и *-ме* не образуют новых лексических единиц.

Составители и редакторы словаря проявили глубокое и всестороннее знание татарского языка, бережное отношение к его неисчерпаемому богатству. Все это позволило подготовить уникальное издание общим объемом в 345 печатных листов (2032 стр.), включающее около 47 тысяч слов и словосочетаний.

Учитывая огромную потребность в самоучителях и разговорниках татарского языка, в словаре можно было бы дать краткий грамматический очерк татарского языка.

Толковый словарь отвечает требованиям и нормативного словаря, что, несомненно, увеличивает его ценность. В дальнейшем толковый словарь послужит основой для составления большого татарско-русского словаря, к разработке которого уже приступили татарские лексикографы.

«Толковый словарь татарского языка» имеет помимо практического и большое научное значение. Его материалы могут быть с успехом использованы исследователями-лингвистами при решении проблем семасиологии, заимствований, двуязычия,

фразеологии, исторической лексикологии, этимологии, культуры речи, стилистики, словообразования и т. д. Материал толкового словаря открывает широкие перспективы и для грамматических исследований, так как каждое слово дано в контексте, раскрывающем его сочетаемостные возможности.

Рецензируемый «Толковый словарь татарского языка» — крупное достижение тюркской лексикографической науки в целом, он, несомненно, будет использован при составлении толковых словарей и других тюркских языков.

М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина

«ҚАЗАҚ ӘДЕБИ ТІЛІНІҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ МЕН ДАМУ ЖОЛДАРЫ»

«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1981, 196 стр.

Рецензируемый сборник статей посвящен освещению отдельных вопросов истории современного казахского литературного языка в аспекте его преемственной связи с языком древне- и среднеюркских письменных памятников. Материалы этих памятников анализируются авторами с точки зрения выявления особенностей формирования казахского языка, в частности его отдельных лексико-грамматических категорий и понятий.

Сборник включает двенадцать статей. Статья С. К. Кенесбаева и А. К. Керимова «О некоторых особенностях языка „Мухаббат-нама“ и их отношении к казахскому языку» написана в сравнительно-сопоставительном плане: некоторые лексические и грамматические (словообразующие аффиксы) особенности языка памятника рассматриваются в генетической связи с аналогичными фактами казахского языка (стр. 10—26). В сборнике опубликованы также статьи: А. Е. Есенгулова «Парные слова в языке орхоно-енисейских памятников в сравнительном аспекте с данными казахского языка» (стр. 137—144), Б. С. Сағындықова «Об арабо-иранских языковых элементах, общих для старотюркских памятников и казахского языка» (стр. 157—165), Т. А. Арынова «Несколько слов относительно лексики „Китаб Аттухфа уз-закия фил-дугат ит-туркийя“» (стр. 165—169), Р. С. Каирбаевой «К изучению девербальных аффиксов имен существительных в языках тюркских племен XI века» (стр. 169—177).

Две статьи сборника посвящены узловым вопросам истории развития казахского литературного языка XV—XIX веков: Р. Г. Сыздыковой «К изучению лексики языка казахской художественной литературы XV—XVII вв.» (стр. 60—86) и Б. А. Абилкасинова «Несколько слов относительно истории казахского письменного литературного языка» (стр. 124—137). Роли И. Алтынсарина в развитии казахского письменного литературного языка посвящена статья А. И. Искакова «И. Алтынсарин и казахский национальный литературный язык»

(стр. 26—59). А. Нурмагамбетов выступил со статьей «О роли диалектов в развитии казахского литературного языка» (стр. 86—96), а Е. X. Жубанов — «Устно-народное творчество и казахский литературный язык».

Две статьи сборника носят общетюркологический характер. Это статья А. К. Курьшжанова и А. М. Ибагова «О старотюркских письменных памятниках» (стр. 97—124), в которой рассматриваются вопросы классификации указанных языков с учетом историко-территориальных факторов и времени их функционирования и распространения. В этой статье старотюркские памятники XI—XV веков подразделяются авторами на следующие группы: 1) карахандские, 2) среднеазиатские, 3) золотоордынские и мамлюкские и 4) чагатайские. Разумеется, эти группы и представленные в них памятники взаимосвязаны. Так, например, «Диван» Махмуда Кашгари включает по сути дела материалы, относящиеся почти ко всем группам тюркских языков.

К числу памятников «карахандского периода» авторы относят «Кутадгу билиг», «Дивану дугат ит-тюрк», «Хибаг ул-хакаик», «Тефосир», «Алтуи Ярук» и некоторые другие письменные источники *d*- и *d*~*z*-языка.

К «среднеазиатским» памятникам авторами относятся «Хикметей» Яссави и Бакыргани, сочинения: ал-Замахшари «Мукаддима ал-адаб», Ибн-Муханны «Китаб хуллийат ул-хасан ва хулбат ул-лисан», анонимных авторов «Му'ын ул-мурид», «Сираж ал-Кулуб», «Нахдж ул-фарadis» и другие, написанные на *ž*, *ž*~*j* и *j*-языках, согласно терминологии А. Н. Самойловича — на среднеазиатском исламско-тюркском литературном языке.

«Золотоордынские и мамлюкские памятники» в статье делятся на две группы: а) памятники живой разговорной речи и б) памятники письменного литературного языка. Относясь к *ž*~*j*-языку, они, наряду с фонетико-грамматическими особенностями, различаются также и по географиче-

ским (региональным) признакам: 1) памятники, созданные на территории *Дешт-и Кыпчака* (в западной ее части) — «Кодекс куманикус» и нарративные материалы, входящие в хроники и летописи восточноевропейских народов; 2) памятники, написанные на литературном языке Золотой Орды — «Кисса-и Юсуф» Али, «Мухаббат-нама» Хорезми, ханские ярлыки и т. д.; 3) памятники, созданные на литературном и разговорном языке мамлюков — «Гулистан», «Тарджума Шахнама», грамматические справочники и словари; армянские документы, зафиксированные на кыпчакском языке. Памятники чагатайского языка: произведения Атаи, Сакаки, Лутфий, Амири, Навои и т. д.

В свете этих разысканий авторы возражают Э. И. Фазылову, относящему поэмы «Гулистан», «Мухаббат-нама», «Хусров ва Шырын» и др. к староузбекским памятникам¹ (стр. 123). Авторы статьи считают, что указанные письменные памятники являются общим достоянием многих тюркских народов, что отмечается и в предисловии к сборнику (стр. 7). Поэтому памятники XI—XIV вв. А. Курмышжанов и А. Ибатов предлагают именовать «старотюркскими», а памятники XV—XVI веков и более поздние, в зависимости от их конкретной принадлежности — староказахскими, староузбекскими, старотатарскими и т. д.

¹ Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века. Ташкент, т. I, 1966; т. II, 1971.

В разделе «Критика и библиография» напечатана статья А. Курмышжанова «К изучению лексикона „Кодекс куманикус“» (стр. 178—196), посвященная анализу лексических материалов этого памятника. Автор утверждает, что в факсимильном издании 1936 года «более ста куманских слов нуждается в уточнении в отношении их транскрипции, перевода, места цитирования, фонетических вариантов» и даже в выяснении «наличия тех или иных форм вообще» в языке этого памятника (стр. 179). Иллюстративные примеры сгруппированы в пяти таблицах (стр. 184—196).

Сборник в целом может быть использован как учебное пособие для филологических факультетов вузов республики. Его появление свидетельствует о том, что в казахском языкознании усилился интерес к изучению памятников средневековья. Вопросы истории казахского языка в этом сборнике рассматриваются на фоне языковых ситуаций XIV—XVII веков в связи с функционированием и распространением ряда старотюркских литературных языков.

Появление рецензируемого сборника, с нашей точки зрения, следует считать подготовительным этапом в деле создания фундаментальной истории казахского языка. Памятники старотюркской письменности — один из важных источников изучения истории этого языка, ибо в них зафиксирован определенный этап его формирования и развития.

Х. Каримов

К. Ш. ХУСАИНОВ. В. В. РАДЛОВ И КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК.

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1981, 172 стр.

Монография молодого тюрколога К. Ш. Хусаинова о В. В. Радлове является одним из первых отдельных изданий, посвященных жизни и научной деятельности выдающегося русского тюрколога. Автор ограничивает свою задачу рассмотрением теоретических положений В. В. Радлова, «которые имеют непосредственное отношение к истории изучения казахского языка... для выявления особенностей развития казахской лексики в советскую эпоху» (стр. 5).

К. Ш. Хусаинов сопоставляет лексические материалы по казахскому языку, собранные В. В. Радловым в начале второй половины прошлого столетия, с фактами современного казахского языка (там же). Анализируя научное наследие В. В. Радлова, автор не ограничивается проблемами только казахского языкознания, обращаясь к таким важным вопросам общей тюрколо-

гии, как состав гласных фонем, фонемно-фонетический состав дифтонгов и трифтонгов, функции гармонии гласных.

Монография начинается с описания жизни и деятельности ученого. Это, пожалуй, наиболее полный биографический очерк о В. В. Радлове, содержащий множество интересных сведений о нем и имеющий большое познавательное значение, особенно для молодого поколения тюркологов.

Автор особо останавливается на известной работе В. В. Радлова «Фонетика северных тюркских наречий», издававшейся только на немецком языке и являющейся в настоящее время библиографической редкостью.

Второй раздел монографии знакомит читателя с фонетическими разработками тюркского вокализма и сингармонизма. Читатель получает достаточно полное пред-

ставление о труднодоступных работах «создателя первой сравнительной фонетики тюркских языков» (стр. 66).

Сопоставляя акустико-артикуляционную характеристику гласных казахского языка В. В. Радлова с современными данными экспериментальной фонетики, К. Ш. Хусаинов подчеркивает необычайную точность и прозорливость ученого в описании артикуляции каждого гласного.

Отмечая, что терминология, которой пользовался В. В. Радлов для классификации тюркских гласных, в настоящее время во многом устарела (хотя для своего времени и была большим достижением), К. Ш. Хусаинов подчеркивает, что в наиболее существенных случаях моментах эта классификация соответствует общепринятой ныне (стр. 74).

Автор монографии разделяет точку зрения В. В. Радлова, полагавшего, что в казахском языке имеется девять гласных звуков. Этот вывод ученым был сделан на основании анализа материалов казахских языковедов-фонетиков, в трудах которых наличие гласных в казахском языке определялось в количестве от 9-ти до 13-ти. Главной причиной такого расхождения в определении состава гласных фонем казахского языка, по мнению К. Ш. Хусаинова, является нечеткая дифференциация некоторыми языковедами ряда дифтонгов и отношение ими ряда сочетаний фонем к монофонемам. Как полагает автор, «дифтонгоидные образования *ij/ij*, *uw/wu* сохраняют свой сложный, составной характер в любом положении...» (стр. 76).

Таким образом, остановившись на наблюдениях и выводах В. В. Радлова относительно казахских гласных фонем, К. Ш. Хусаинов справедливо заключает, что фонетические факты и явления, описанные В. В. Радловым, верны и соответствуют результатам исследований современных тюркологов. Значение вывода В. В. Радлова о составе гласных фонем казахского языка трудно переоценить, ибо каждый исследователь-казаковед определял число гласных фонем в зависимости от того, какие сочетания относились им к монофонемам.

Для объективной оценки состава гласных фонем важное значение имел проведенный К. Ш. Хусаиновым фонологический анализ радловских «дзугласных», то есть дифтонгов и трифтонгов в казахском языке. Автор подчеркивает замечательную способность В. В. Радлова тонко анализировать весьма сложные фонетические явления, в частности, выделять трудноулавливаемые на слух сочетания гласного [y] с сонантом [j], а также правильно определять компоненты фонетических дифтонгов *aj*, *ej*, *uj*, *ij*, *oj*, *öj*. При этом К. Ш. Хусаинов указывает и на некоторые неточности, допущенные В. В. Радловым при оценке состава некоторых дифтонгов. В частности, В. В. Радлов, анализируя дифтонги *aw*, *ew*, *ow* и сочетание *ij*, неверно относит их к долгим гласным, тем самым допуская возможность не-

посредственного сочетания двух гласных в составе одного слова.

Тщательно рассмотрев радловские «дзугласные», автор монографии приходит к следующему выводу: «Идеальных дифтонгов, т. е. таких дифтонгов, которые состояли бы из двух несомненных гласных, в современном казахском языке нам обнаружить не удалось. Отсюда выходит, что наличие идеальных трифтонгов в современном казахском языке также невозможно» (стр. 86). На основании скрупулезного анализа каждого из дифтонгов и трифтонгов, выделяемых В. В. Радловым в казахском языке, К. Ш. Хусаинов приходит к выводу, что он не улавливает консонантного характера одного из их компонентов, а именно, сонантов [j] и [w]. Причину этого автор монографии правомерно видит в полной слитности компонентов дифтонгов и трифтонгов, трудноразличимых на слух.

Функциональные особенности и происхождение гармонии гласных, пишет К. Ш. Хусаинов, глубоко интересовали В. В. Радлова. Изучение его материалов и теоретических высказываний о проявлении гармонии гласных в процессе взаимодействия иноязычных слов или присоединения морфологических элементов к корневому слогу, а также о степени развитости палатальной и губной гармонии в тюркских языках способствует лучшему пониманию сложных фонетических явлений. Автором приводятся суждения многих языковедов, современников В. В. Радлова, о сущности и значении гармонии гласных, что позволяет читателю сопоставить научные положения ученого с лингвистическими теориями его времени.

В целом В. В. Радлов разделяет мнения своих современников о сущности гармонии гласных, считая, что она играет делимитативную и централизующую роль. При этом, как показывает К. Ш. Хусаинов, ученого крайне интересовали причины и время возникновения гармонии гласных в тюркских языках: наиболее архаичными, с этой точки зрения, В. В. Радлов считал киргизский и алтайский языки, отличающиеся особенно четко выраженной гармонией гласных. Для окончательного вывода автор считает необходимым провести сравнительное фонетическое изучение всех урало-алтайских языков.

Подробно изложив результаты исследования В. В. Радловым сущности и причины возникновения гармонии гласных в тюркских языках, К. Ш. Хусаинов заключает, что основная ее функция ученым охарактеризована правильно.

Вопросы возникновения и становления гармонии гласных в тюркских языках изучались и последующими поколениями тюркологов, однако многое до сих пор еще остается неясным. Автор подчеркивает важность и необходимость продолжения интенсивных исследований явления сингармонизма, которое в ряде учебников рассматривается весьма примитивно, зачастую лишь как фонетическая особенность, согласно которой гласные в слове «произносятся либо

одинаково твердо, либо одинаково мягко», в то время как сингармонизм — это явление, безусловно, не только фонетическое, но и фонологическое, требующее теоретического осмысления.

Знаменитый «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова рассматривается К. Ш. Хусаиновым в двух аспектах: во-первых, определения его типа, особенностей и функции и, во-вторых, диахронического изучения лексики казахского языка на основе его материалов.

Основываясь на современной типологической классификации (в частности, Л. В. Щербы), К. Ш. Хусаинов характеризует «Словарь» В. В. Радлова как переводной, сравнительный, частично этимологический и исторический. Таким образом, автором подчеркивается главная его особенность — универсальность, масштабность охваченного им материала.

В период издания «Словаря» его главное назначение заключалось в переводе незнакомых слов и разъяснении их значений в родственных тюркских языках.

В настоящее время наибольшую ценность представляет богатейший лексический материал словаря В. В. Радлова, используемый современными тюркологами для сравнительных, исторических и этимологических исследований отдельных тюркских языков. Так, например, диахроническое изучение лексики казахского языка базируется именно на этих материалах. Большое количество приводимых В. В. Радловым примеров позволило автору монографии проследить закономерности фонетической дифференциации слов в различных языках тюркской семьи и выявить ряд особенностей фонетической структуры казахского языка.

Лексика казахского языка, по мнению К. Ш. Хусаинова, развивается не только за счет привлечения внутренних и внешних ресурсов, но и в результате архаизации и выпадения отдельных слов из языка. В освещении этого вопроса «Словарь» В. В. Радлова оказал исследователям неоценимую помощь. Это наглядно продемонстрировано в разделе монографии, посвященном заимствованиям, архаизмам и историзмам в казахском языке.

В заключение позволим себе высказать

ряд замечаний и пожеланий. На стр. 76 некоторые сочетания неудачно определяются автором как «дифтонгоиды». Возможно, в данном случае проявилось влияние предшествующих исследователей казахской фонетики, широко использовавших этот термин для обозначения подобных сочетаний. Как известно, «дифтонгоидами» принято называть гласные, имеющие в своем составе (в качестве призвука) элемент, артикуляция которого близка основному звуку. Наличие такого элемента приводит к несколько неоднородному звучанию гласного, однако не делая его дифтонгом. Что касается сочетаний *ɨj/ij*, *ɯw/ɯw*, то они, как показали фонемно-фонетические исследования последних лет, являются сочетаниями самостоятельных фонем. Следовательно, называть их «дифтонгоидами» нет оснований, ибо это бифонемные фонетические дифтонги.

На работе сказалось влияние неправильного, однако весьма распространенного и утвердившегося в учебниках положения о том, что в современном казахском языке губная гармония распространяется лишь до третьего слога. Это заключение — результат ориентации на казахскую орфографию, которая, к сожалению, не учитывает такую важную особенность казахской фонологической системы, как губная гармония.

Данные непосредственного наблюдения за произношением носителей языка и кино съемка губных артикуляций подтверждают правоту В. В. Радлова, который фиксировал губную аттракцию даже на пятом слоге казахских слов. Имеются чопрежности и в транскрипции слов: *täwir*, *däwir*, *süjöjin* вместо *täwür*, *däwür*, *süjöjin*.

К. Ш. Хусаинов в своей монографии по достоинству оценивает огромный научный вклад В. В. Радлова в тюркологическую науку. Ученый предстает как основатель сравнительного изучения тюркской фонетики и создатель первого тюркского словаря, положившего начало интенсивному сбору и накоплению материалов по живым тюркским языкам.

Монография К. Ш. Хусаинова в известной мере обобщает также тюркологические исследования в области фонетики от В. В. Радлова до наших дней.

А. Джунибеков

Н. И. ИВАНОВ. ВРЕМЯ И СТИХ. ЛИТЕРАТУРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ЧЕБОКСАРЫ, ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1981, 190 стр.

Рецензируемое издание представляет собой значительно дополненные исследования автора по чувашскому стихосложению: «О чувашском народном стихосложении» (Чебоксары, 1957), «Чувашский стих» (Чебоксары, 1977) и др.

Проблемы поэтики — ритмика, строфика, рифма и эвфония — чувашских поэтических произведений до настоящего времени специально не изучались, а рассматривались лишь попутно в историко-этнографических работах (В. А. Сбоев, Ф. Е. Корш, Н. И. Золотницкий, Н. И. Ашмарин и др.).

Само название книги Н. И. Иванова «Время и стих» предполагает прежде всего ознакомление читателя не только с разными по времени написания стихами, но и с тем, какие художественно-эстетические идеалы и в какой манере выразились поэтами и народными певцами (сказителями) и как эта манера со временем эволюционировала.

Автор анализирует народные песни, классические произведения М. Федорова, К. Иванова, Н. Шелеби и новатора чувашского стиха Михаила Сеспеля и его последователей. Этот анализ показывает, что как бы не изменялся чувашский стих в процессе своего развития, он всегда остается органически связанным с истоками народной поэзии, лучшими образцами классики, с древним тюркским стихом.

Основой чувашского народного стиха, как справедливо отмечает Н. И. Иванов, является «стихотворная строка с определенным количеством слогов и относительно свободно чередующимися сильными ударениями». Этим определяется национальная особенность чувашского народного стихосложения, отличающая его от систем стихосложения на других тюркских языках. Следовательно, в чувашских народных песнях господствует своеобразный способ организации ритмической речи — *савă* — основной, с одной стороны, на чередующихся разных по силе ударениях и, с другой — на равном количестве слогов в стихотворной строке (стр. 44—45). Автор книги, усматривая преемственную связь между чувашским письменным стихом и народным стихом, справедливо утверждает, что «наше литературное стихосложение с самого начала строилось на чисто национально-чувашской, народной основе» (стр. 91—92). Это проявляется во всем, что составляет сущность стиха как особого вида поэтической речи — в ритмике, в строфике, в эвфонии. От силлабики чувашский письменный стих переходит к силлабо-тонике и даже — к тонике, которая, однако, в чувашской поэзии еще не получила распростра-

нения, хотя особенности чувашского языка и благоприятствуют этому. Эти особенности сводятся Н. И. Ивановым к следующим: 1) строгая упорядоченность в чередовании ударных и безударных слогов в пределах стихотворной строки или строфы; резкое подчеркивание (акцентирование) ударных слогов и выражений; 2) заданность ритма, его непрерывность или так называемый «сквозной ритм», обычно воплощающийся в таких стихотворных размерах, как ямб, хорей, дактиль, амфибрахий и анапест; 3) широкое использование паузы как ритмообразующего элемента. «Эти паузы, — пишет автор, — могут появляться в разных местах стихотворной строки и по времени могут равняться (условно) одному, двум, трем и т. д. слогам, в зависимости от основного движения ритма в стихе» (стр. 166—167). Основные законы тоники как системы стихосложения, являющейся как бы дальнейшим «углублением и развитием» (Маяковский) классического силлабо-тонического стиха, автор книги обосновывает на примере таких известных произведений М. Сеспеля, как «Чан черёлне» («Воястину воскрес») и «Кёпер хывăр» («Перекиньте мест»).

Н. И. Иванов последовательно проводит мысль о том, что распространение в чувашской поэзии новых систем стихосложения — силлабо-тонической и тонической — не противопоставлялось прежней, силлабической системе стихосложения, восходящей к народной поэзии, а происходило параллельно с развитием последней.

Подробно и аргументированно характеризует весь путь становления чувашского народного стихосложения (стр. 26—84), автор, однако, не осветил в своей работе исторические корни чувашского стиха. Именно потому в книге история чувашского стиха начинается лишь с XIX века. Хотелось бы пожелать Н. И. Иванову продолжить работу по изучению раннего периода истории народного стиха.

Существует мнение, что новаторские принципы в чувашском стихосложении утвердились в острой борьбе с защитниками архаических форм стиха, считавшими силлабический строй единственно приемлемым для последнего. Автор в целом разделяет это мнение (стр. 124). Чувашский народный стих, создававшийся неизвестными поэтами на протяжении веков, жив и сегодня. Именно этим стихом написаны историческая поэма И. Тăhti «Элихун» и его знаменитая сатирическая песня «Колчак». Н. И. Иванов справедливо пишет о праве на существование различных систем в стихосложении (стр. 189, 190).

В заключение мы хотели бы подчеркнуть свое полное согласие с приведенным в начале книги мнением профессора М. Я. Сироткина, о том, что «работа Н. И. Иванова

представляет незаурядное явление в современном стиховедении и несомненно вызовет научный интерес».

М. Р. Федотов

«ПАРЕМИОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА». ВЫПУСК III.

САМАРКАНД, 1981, 250 стр.

Новый выпуск библиографии по паремииологии, отражающий результаты систематизированного описания материалов о пословицах, поговорках, загадках и других паремийных единицах в узбекском регионе, специально посвящен обобщению публикаций на иностранных и национальных языках народов СССР. Составители А. М. Бушуй, Р. Х. Саламова, С. Д. Мастепанов стремились учесть пожелания, содержащиеся в ряде рецензий на предыдущие выпуски «Паремииологии Узбекистана»¹.

В настоящий выпуск включены материалы о паремийном богатстве узбекского, каракалпакского и крымско-татарского народов, опубликованные на азербайджанском, казахском, киргизском, чувашском и других тюркских языках. Значительное место здесь отводится также собраниям узбекских, каракалпакских и крымско-татарских паремийных единиц на русском, украинском, молдавском, польском, немецком и других языках.

Описанные в рецензируемом выпуске материалы охватывают значительный исторический период. Особое внимание составители уделяют источникам XIX века. Это «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (составитель М. А. Терентьев, СПб., 1876); сочинение Г. Вамбери «Очерки жизни и нравов Востока» (СПб., 1877) и др. Тщательно анализируются паремийные материалы, содержащиеся в труднодоступных источниках: в довоенных газетах и журналах, старых учебниках, литературных альманахах, иностранных изданиях на различных языках и др. В связи с библиографической редкостью привлеченных источников составители стремились полностью исчерпать все паремийные единицы. Так, из упомянутого сочинения Г. Вамбери выделено 36 узбекских пословиц, которые приводятся полностью: 1) «Кто держится за два корабля, наверно потонет»; 2) «Стыд — хуже смерти»;

3) «Кто плачет от сердца, вызывает слезы даже у слепого» и т. д. При этом составители сохраняют орфографию паремийного текста и приемы его интерпретации. Ср. подачу библиографией узбекской паремийной единицы из хрестоматии М. А. Терентьева: «Эйль угры-сыз булмас, тау бури-сыз булмас 'Племя вор-без не бывает, гора волк-без не бывает' — т. е. В семье не без уroda» (стр. 5).

Составители учитывают и факты художественной обработки паремийных единиц. Это, например, стихотворные вариации А. Наумова и других на темы узбекских и каракалпакских пословиц и поговорок типа: «Пока ты конный, не тверди, Что с пешим не знаком. Когда-нибудь и ты в пути Окажешься пешком!» (стр. 21), «Сидящий на лошади не узнает своего отца» (стр. 8).

Все материалы о загадках сопровождаются в библиографии указаниями на отгадки. Так, по хрестоматии Л. И. Климовича «Литература народов СССР» (М., 1971) сообщается о наличии 12 узбекских загадок с отгадками (стр. 29), ср.: 1) «Маленький котел, внутри пища вкусная» (Орех); «Идет и идет — назад не оглянется» (Река).

Если в описываемом библиографией источнике приводятся разноязычные параллели паремийных единиц, то и при отборе образцов последних составители сохраняют эту особенность. Например, при описании работы «Poppe N. Uzbek newspaper reader. (Bloomington, 1962)» библиография выделяет приводимые здесь узбекско-английские параллели паремийных единиц: «Яхши суз болдан ширин — A kind word is sweeter than honey» (стр. 9) — букв. 'Хорошее слово слаще меда' и т. д.

В третьем выпуске «Паремииологии Узбекистана» приводятся сведения о 2800 узбекских, около 1000 каракалпакских и более 1900 крымско-татарских паремийных единицах. Показательно, что значительная часть этого материала дается на различных языках. Так, на казахском языке в библиографии приводятся сведения о 380 узбекских и каракалпакских паремийных единицах.

Завершают библиографию указатели, где систематизируются информация об авторах паремииологических трудов, описания узбек-

¹ В. М. Мокиенко. (Рец.): Паремииология Узбекистана. Вып. 1. — «Советская тюркология», 1978, № 5, стр. 100—102; Д. С. Насыров, А. Бекберенов. Ценный указатель по каракалпакской паремииологии. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, Нукус, 1981, № 1, стр. 90 и др.

ской, каракалпакской и крымско-татарской паремиологии, приводятся перечень описанных паремиологических источников и словарные подборки узбекских, каракалпакских и крымско-татарских паремийных образцов на различных языках. При систематизации же крымско-татарских паремийных единиц учитываются графические различия письма в старых источниках. Так, выделяются словарные подборки образцов крымско-татарских пословиц, поговорок и загадок в оригинале — в латинской графике (185 паремийных единиц, стр. 229—233) и в русской графике (190 паремийных единиц, стр. 233—247).

Третий выпуск библиографической серии «Паремиология Узбекистана» имеет большое значение не только для исследования фольклора трех тюркоязычных народов (узбекского, каракалпакского и крымско-татарского), но и для общей сравнительной паремиологии. Приводимые здесь разноязычные паремийные единицы, и литература о них могут послужить необходимой основой для сопоставления паремийного богатства различных народов мира.

Ф. З. Мустафин

PERSONALIA

ВАХИД АБДУЛЛАЕВИЧ АБДУЛЛАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и сорок пять лет научно-педагогической деятельности видного узбекского литературоведа (поэта, публициста, общественного деятеля), академика Академии наук Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, заведующего кафедрой узбекской литературы Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени Алишера Навои, доктора филологических наук, профессора Вахида Абдуллаевича Абдуллаева.

В. А. Абдуллаев родился 15 мая 1912 года в городе Самарканде в семье крестьянина-бедняка. В 1930 г. по окончании Самаркандского государственного педагогического техникума он поступил в Ферганский государственный педагогический институт имени Улугбека на факультет узбекского языка и литературы. С 1933 года В. А. Абдуллаев аспирант Узбекского (ныне Самаркандского) государственного университета.

В 1935 году В. А. Абдуллаев назначается заведующим кафедрой узбекской литературы в Бухарский, а затем Самаркандский педагогический институт, где он читал лекции по узбекскому фольклору, теории и истории узбекской литературы.

В 1941 году В. А. Абдуллаев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Алишер Навои в Самарканде». Эта работа В. А. Абдуллаева выдержала три издания (1948, 1967, 1968).

С 1944 года В. А. Абдуллаев заведует кафедрой узбекской литературы Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, а с 1963 по 1970 гг. он ректор этого университета. С 1970 г. и по настоящее время он вновь заведует кафедрой узбекской литературы.

Все эти годы Вахид Абдуллаевич интенсивно занимался научно-педагогической и творческой работой. Его первые стихи, научно-популярные и публицистические статьи публиковались на страницах газет и журналов «Коммуна», «Ленин йули», «Бухоро

пролетари», «Бухоро хакикати», «Еш ленинчи», «Еш куч» и др.

В 1959 году на заседании ученого совета Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова в Баку В. А. Абдуллаев защитил докторскую диссертацию «Узбекская литература XVII—XVIII веков в Хорезме», в которой впервые широко осветил жизнь и творчество замечательных представителей узбекской литературы XVII—XVIII вв., таких как Вафои, Надира, Равнак, Роким, Мухаммади Хоксор, Нишати, Умар Боки и др.

В 1960 году В. А. Абдуллаев избирается членом-корреспондентом, а в 1966 году — академиком Академии наук Узбекской ССР.

В. А. Абдуллаев автор капитальных исследований: «Навои в Самарканде», «Поэт Нишати и его поэма „Хусну дил“» (1955), «Хоксор и его произведение „Мунтахаб-ал-лулот“» (1955), «Хоксор и Нишати» (1960).

а также написанных в соавторстве с Б. Н. Валихходжаевым книг: «Самарканд — город ученых и поэтов» (1968), «Дыхание веков» (1970), «Мири и его современники» (1977) и др.

В. А. Абдуллаевым написана вторая часть учебника «История узбекской литературы» для филологических факультетов университетов и пединститутов республики. Этот учебник трижды переиздавался с дополнениями (1963, 1967, 1980).

В. А. Абдуллаев — один из крупнейших нововедов. Изучению жизни и творчества Алишера Навои он посвятил три монографии и более ста научных и научно-популярных статей. Он является одним из инициаторов создания постоянного Комитета Президиума Академии наук Узбекской ССР по изучению творчества Алишера Навои.

В. А. Абдуллаев является одним из руководителей подготовки пятитомного академического издания «Истории узбекской литературы дооктябрьского периода» (1976—1980), третий том которого (1978) написан при его непосредственном участии.

С начала 80-х годов по инициативе В. А. Абдуллаева в Самарканде и Бухаре начата работа над коллективным трудом «Бухара — город ученых и поэтов» (история развития узбекской и таджикской литературы в Бухаре с древнейших времен до наших дней). В. А. Абдуллаев возглавляет также подготовку обобщающего труда «История литературно-эстетической мысли народов советского и зарубежного Востока» и участвует в создании двухтомной «Истории узбекской литературы дооктябрьского периода» (на русском языке).

Перу В. А. Абдуллаева принадлежит це-

лый ряд художественных произведений. В разные годы были изданы его поэтические сборники «Хайричка» (1935), «Из Самарканда фронту» (1942), «Самаркандские прогулки» (1970) и др.

Академик В. А. Абдуллаев большое внимание уделяет подготовке ученых-литературоведов. Под его руководством защищено четыре докторских и более сорока кандидатских диссертаций. Он часто выступает также в качестве официального оппонента на защитах диссертаций.

В. А. Абдуллаев член Правления Союза писателей Узбекистана, Республиканского общества по охране памятников старины, Комитета по присуждению Государственной премии имени Бируни, редколлегии журнала «Узбек тили ва адабиёти».

В. А. Абдуллаев дважды избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР (1963, 1967) и Самаркандского горсовета, где возглавлял постоянные комиссии по народному образованию.

За свою научно-педагогическую и общественную деятельность академик В. А. Абдуллаев награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета», медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. В 1972 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Многочисленные коллеги, друзья и ученики В. А. Абдуллаева горячо поздравляют юбиляра и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в многогранной научной и творческой деятельности.

Б. Юлдашев

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА УБРЯТОВА

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

Исполнилось 75 лет со дня рождения и 50 лет научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности одного из видных представителей советской тюркологической лингвистики — доктора филологических наук, профессора Убрятовой Елизаветы Ивановны.

Е. И. Убрятова родилась 27 октября 1907 года в Омске. После окончания в 1929 году филологического факультета Иркутского государственного университета и трехлетней работы в школах Черемховского района Иркутской области Е. И. Убрятова, работая преподавателем школы-интерната в Таймырском национальном округе Красноярского края, приступила к изучению языка

норильских долган (диалекта якутского языка).

В 1934—1937 годах Е. И. Убрятова проходила аспирантскую подготовку в Ленинграде при Институте народов Севера под руководством члена-корреспондента АН СССР С. Е. Малова. За научно-исследовательскую работу «Язык норильских долган», материалы которой собирались автором начиная с 1932 года, Е. И. Убрятовой была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

В 1950 году была опубликована первая часть ее капитальных «Исследований по синтаксису якутского языка», посвященная простому предложению (вторая часть, по-

117
—
85
92
33
16
7

священная синтаксису сложного предложения, вышла из печати в 1976 году в Новосибирске) и представлявшая собой первую и во многом новаторскую разработку вопросов тюркского синтаксического строя на материале якутского языка, за которую автору была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

На протяжении вот уже полувека Е. И. Убрятова интенсивно и весьма плодотворно изучает якутский язык в сравнительно-историческом и ареальном аспектах. Успешное исследование якутской диалектологии и синтаксиса якутского языка в советское время всецело связано с именем Е. И. Убрятовой.

В течение многих лет Е. И. Убрятова возглавляла диалектологические экспедиции в тюркоязычных автономных республиках и областях Сибири, проводившиеся Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. В изданной в 1960 году обширной монографии Е. И. Убрятовой «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» содержится широкое сравнительно-историческое описание диалектов и говоров якутского языка. В этой книге рассматриваются также вопросы происхождения и диалектного членения якутского языка.

Руководя длительное время всей работой по составлению диалектологического атласа тюркских языков Сибири, Е. И. Убрятова играет одну из ведущих ролей в подготовке «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

Кроме капитальных работ по диалектологии и синтаксису якутского языка, перу Е. И. Убрятовой принадлежит также целый ряд ценных исследований в области фонетики, графики и орфографии, словообразования и морфологии, истории изучения якутского языка и др. Е. И. Убрятовой многое сделано и как организатором науки. Неотценима ее постоянная помощь тюркоязычным республикам и областям в подготовке научных кадров. Самозабвенным служением советской тюркологической нау-

ке, беспредельной своей добротой, душевной щедростью и отзывчивостью Елизавета Ивановна, ученый и педагог, обискала горячую любовь и глубокое уважение своих многочисленных друзей-коллег и последователей.

Е. И. Убрятова — заслуженный деятель науки Якутской АССР и Тувинской АССР, член Советского комитета тюркологов и редколлегия журнала «Советская тюркология». За большие заслуги в развитии советской тюркологии, подготовке научных кадров она награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

Многочисленные коллеги и ученики Елизаветы Ивановны Убрятовой от всей души желают ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых достижений на благо советской науки.

А. К. Алекперов

ГУБАЙДУЛЛА АБДУЛЛАЕВИЧ ХУСАИНОВ

(К девяностолетию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет со дня рождения Губайдуллы Абдуллаевича Хусаинова, видного туркменского журналиста, переводчика, активного участника языкового строительства в Туркмении.

Г. А. Хусаинов родился в 1892 году в Оренбургской губернии в семье служащего.

Он окончил начальную религиозную школу. В 1915 году был мобилизован в армию. После февральской революции 1917 года Г. А. Хусаинов избирается в Совет солдатских депутатов секретарем мусульманской секции. С весны 1919 года — он комиссар по народному образованию исполкома Луц-

кого городского Совета солдатских и крестьянских депутатов. В том же году начинается его служба в Красной Армии в качестве политработника. После переезда политотдела армии в Ашхабад он работает редактором армейской газеты «Гызыл йылдыз» («Красная звезда») на татарском языке, а с 1921 года — редактором газеты «Туркменистан» — первого послеоктябрьского периодического издания на туркменском языке, выходившего в Закаспийской области Туркестанской АССР. В том же году Г. А. Хусайнов стал членом Коммунистической партии. Он отдавал много сил и энергии журналистике. В течение восемнадцати лет деятельность Г. А. Хусайнова на посту редактора и заместителя редактора газеты «Туркменистан» была неразрывно связана с развитием периодической печати в республике, а также с разработкой практических вопросов туркменского языка¹.

Неразработанность многих правил орфографии, общественно-политической терминологии и норм туркменского литературного языка значительно осложняли работу первых туркменских журналистов. И поэтому не случайно на страницах газеты «Туркменистан» в двадцатые годы публиковались многочисленные статьи, посвященные вопросам алфавита, правописания, терминотворчества, словоупотребления и т. д.

За исключением отдельных учебных пособий, газета «Туркменистан» была единственным массовым изданием, через которое распространялись среди населения проведенные в 1920, 1922 и 1925 годах реформы арабского алфавита, направленные на отражение на письме фонетических особенно-

стей туркменского языка. Сотрудники газеты во главе с Г. А. Хусайновым и ее рабселькоры вели большую работу по пропаганде нового туркменского алфавита на латинской графической основе, полный переход к которому приходится в республике на 1929 год. В газете печатались материалы первой научной конференции (май, 1930), посвященной вопросам литературного языка, орфографии и терминологии, первого лингвистического съезда Туркменистана (май, 1936).

Г. А. Хусайнов опубликовал ряд статей о путях создания новых терминов. Он выступал последовательным сторонником обогащения словарного состава туркменского языка за счет интернациональной лексики через посредство русского языка.

Ценные сведения содержат статьи Г. А. Хусайнова «Октябрьская революция и национальная периодическая печать», опубликованная в журнале «Большевик» (№ 6—7 за 1931 год) и другие его работы по этой проблеме.

Велики заслуги Г. А. Хусайнова и как одного из талантливых переводчиков общественно-политической литературы с русского языка на туркменский. Г. А. Хусайновым были переведены на туркменский язык и изданы в Ашхабаде такие книги, как: В. Карпинский «Вождь трудящихся дайхан». 1925; В. Нодель «Что должен знать каждый коммунист». 1925; Казаринов, Белицкий «Политграмота для партшкол-передвижек». Вып. 1, 1926; вып. 2, 1927; «Манифест оппозиции по национальному вопросу или дискуссия о нем». 1927; «Кодекс законов о льготах и преимуществах для военнослужащих и их семей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота СССР». 1927; Василевский, Гиринос «Мысли и заветы В. И. Ленина». 1928; «О посевной кампании (Сборник материалов для докладчиков)». 1929 г. и ряд других. Секретариат ЦК КП(б) Туркменистана вместе с другими партийными и советскими работниками республики включил Г. А. Хусайнова в состав переводчиков произведений В. И. Ленина на туркменский язык. Г. А. Хусайнов принимал непосредственное участие в переводе, редактировании и издании произведений классиков марксизма-ленинизма и в последующие годы. Он воспитал целый ряд переводчиков и журналистов.

В 1938 году Г. А. Хусайнов стал директором Института языка и литературы, где наряду с организаторской работой занимался исследованием туркменского языка, участвовал в составлении двуязычных словарей. В 1938 году вышел в свет «Карманный русско-туркменский словарь», составленный Г. А. Хусайновым в соавторстве с Х. Исмаиловым и М. Сакали. Работая вместе с видными туркменскими языковедами Х. Байлиевым (1905—1946) и К. Сопиевым (1905—1976), а также с Х. Исмаиловым и М. Сакали, Г. А. Хусайнов год спустя издал «Карманный туркменско-русский словарь». Эти словари, включившие в себя активную

¹ См.: М. Аннагурдов. Туркмен метбугатъның кервенбашысы. — Газ. «Эдебият ве сунгат», 1979 (19 декабря).

лексик
ную
двуязы
пособ
С 1
Г. А.
монп
непо
нико
му
ашх

лексику обоих языков, сыграли определенную роль в развитии туркменско-русского двуязычия, а также послужили полезным пособием для изучения туркменского языка.

С 1940 года и до конца своей жизни Г. А. Хусаинов работал директором Туркменпартиздата, затем Туркменгосиздата и непосредственно руководил изданием учебников и отдельных трудов по туркменскому языку. Г. А. Хусаинов погиб во время ашхабадского землетрясения 6 октября 1948

года. Память о нем, талантливом журналисте, переводчике, языкеводе, живет в сердцах его благодарных учеников и последователей.

Работы Г. А. Хусаинова по туркменскому языкознанию не утратили еще своего научного и практического значения, ими широко пользуются специалисты-филологи республики.

М. Соегов

117
85
92
93
96
7

ХРОНИКА

«ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСТРОВНЫХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ»

24 сентября 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР)» кандидатом филологических наук, доцентом Елабужского государственного педагогического института **Арслановым Леонидом Шайсултановичем.**

В диссертации впервые глубоко и всесторонне исследуются языки астраханских ногайцев-карагашей, юртовских и алабугатских татар, а также говоры татар, населяющих Волгоградскую, Астраханскую области и Ставропольский край.

На богатом языковом, историко-этнографическом и социологическом материале определены и научно обоснованы критерии выделения этнических групп карагашей, юртовцев и алабугатцев.

Рассмотрение проблемы формирования островных языков и диалектов в тесной связи с историей их носителей позволило диссертанту решить ряд спорных вопросов относительно происхождения и этнической принадлежности этих групп населения региона.

В диссертации выдвигается и доказывается тезис о том, что исследуемые языки являются (условно) самостоятельными бес-

письменными языками отдельных этнических групп, не имеющими в настоящее время непосредственных контактов ни с одним из тюркских письменно-литературных языков народов Поволжья. Говоры же татар Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края диссертант относит к среднему и мишарскому (западному) диалектам татарского языка.

В диссертации вводится новая терминология для обозначения изучаемых в языковом отношении этнических групп: «астраханские ногайцы-карагаши», «астраханские ногайцы-юртовцы», «астраханские ногайцы-алабугатцы».

Основные положения диссертации и выводы автора подтверждаются образцами (текстами) разговорной речи и фольклора данных этнических групп, картами (213 карт) «Атласа тюркских языков Нижнего Поволжья и Ставропольского края», составленного диссертантом.

Официальные оппоненты — член-корр. АН Казахской ССР Г. С. Садвакасов, д-р филол. наук, проф. Н. Х. Ишбулатов, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки ККАССР Д. С. Насыров, а также выступившие на заседании члены-корреспонденты АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров, А. И. Искаков, д-р филол. наук, проф. Ш. Ш. Сарыбаев охарактеризовали диссертационную работу Л. Ш. Арсланова как ценное и оригинальное исследование, вносящее немало нового в тюркскую диалектологию.

Специализированный совет Института вынес решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Л. Ш. Арсланову ученой степени доктора филологических наук.

Ф. Ф. Алиев, О. Накисбеков

«ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

4 октября 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита

докторской диссертации «Формирование и развитие технической терминологии узбекского языка», представленной заведующим терминологическим сектором Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР кандидатом филологических наук **Данияровым Ренатом**.

Диссертация посвящена монографическому исследованию технической терминосистемы узбекского языка послеоктябрьского периода. В работе уточняются некоторые теоретические вопросы создания терминов в узбекском языке, анализируются источники обогащения терминологии, определяются словообразующие ресурсы и основные терминообразующие модели технической терминологии, устраняется имеющаяся путаница, разнотой и другие недостатки в области создания технической терминологии, выдвигаются конкретные предложения по упорядочению и унификации современной технической терминологии в узбекском языке.

Исследуя техническую терминологию узбекского языка в монографическом плане, диссертант выявляет основные источники технического терминообразования: семанти-

ческое переосмысление слов, относящихся к другим пластам лексики узбекского языка, морфологический и синтаксический способы. Диссертант раскрывает общие и специфические особенности способов образования технической терминологии в современном литературном узбекском языке.

Глубокий лингвистический анализ с привлечением обширного фактического материала позволяет диссертанту дополнить новыми данными разделы словообразования и морфологии грамматики узбекского языка, выявить отдельные упущения нормативной грамматики, осветить вопросы заимствования терминов из других языков, раскрыть закономерности их прямого, комбинированного и семантического усвоения. В диссертации говорится также о недостатках в образовании технических терминов, затрудняющих обмен информацией, даются конкретные предложения по упорядочению и унификации правописания технических терминов в узбекском языке.

Работа Р. Даниярова может быть полезной при составлении общефилологических и терминологических словарей по различным отраслям техники. Она поможет улучшению и поднятию качества учебников, учебных пособий, переводной технической литературы.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов д-ра филол. наук, профессора М. Ш. Гасымов, А. П. Ходжиев, А. А. Ахундов дали высокую оценку исследованию Р. Даниярова.

Члены Специализированного совета вынесли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Р. Даниярову ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

111

85.

92

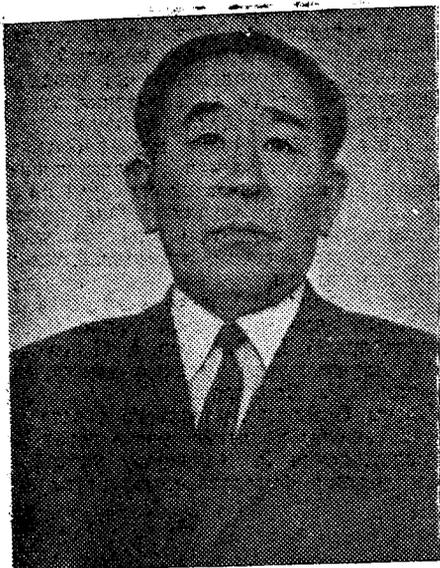
93.

96.

7

НЕКРОЛОГИ

САРЫБАЙ МОЛДОБАЕВИЧ КУДАЙБЕРГЕНОВ

31 августа 1982 года, на пятьдесят седьмом году жизни скончался известный киргизский языковед, доктор филологических наук, заведующий сектором тюркологии Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР Сарыбай Молдобаевич Кудайбергенов.

С. Кудайбергенов родился 25 октября 1925 года в селе Шалта Сокулукского района Киргизской ССР в семье крестьянина-бедняка. Свою трудовую деятельность он начал с 1942 года, работая учителем сельской школы. Он участник Великой Отечественной войны.

После окончания в 1950 году Киргоспединститута, был командирован в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. В декабре 1953 года он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Подражательные слова в киргизском языке».

С 1954 года С. Кудайбергенов работал в Институте языка и литературы Академии наук Киргизской ССР в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника сектора прагматики. С 1959 по 1976 год руководил сектором современного киргизского языка. В 1968 году успешно защитил докторскую диссертацию «Синтетический способ образования глаголов в киргизском языке». С 1976 года и до конца своей жизни С. Кудайбергенов возглавлял сектор тюркологии.

Научные интересы С. Кудайбергенова отличались многогранностью и широтой. Исследование морфологической структуры современного киргизского языка — одно из главных направлений научной деятельности ученого. К числу таких исследований относятся монографии: «Система словоизменения в киргизском языке» (1957), «Категория залога в киргизском языке» (1959), «Местоимение в киргизском языке» (1960), «Категория принадлежности в киргизском языке» (1961), «Некоторые аффиксы, образующие глагол в киргизском языке» (1965), «Синтетический способ образования глагола» (1968), «Образные глаголы в киргизском языке» (1981). Из двадцати пяти разделов капитального исследования морфологического строя киргизского языка девятнадцать принадлежит С. Кудайбергенову. Его работы, несомненно, послужили основой для создания научной грамматики, ряда учебников и учебных пособий по киргизскому языку, предназначенных для студентов высших учебных заведений и учащихся средних школ республики. С. Кудайбергенов один из основных соавторов учебников для вузов: «Морфология киргизского языка» (1957), «Современный киргизский язык» (1958), а также учебника киргизского языка для 8—9 классов средней школы, «Грамматика киргизского языка, ч. I, Морфология» (1964). Его заслугой является и создание научной грамматики киргизского языка «Грамматика современного

киргизского литературного языка, ч. I, Фонетика, Морфология» (на русском и киргизском языках).

Другим направлением научных разысканий С. Кудайбергенова была разработка некоторых вопросов истории киргизского литературного языка. Им опубликован ряд ценных статей, в том числе: «История киргизской письменности», «Публицистический стиль», «Совершенствование и унификация киргизского алфавита», «Орфография киргизского языка», имеющих большую практическую ценность.

С. Кудайбергенов занимался изучением и истории языка. До последних дней своей жизни он работал над «Очерком исторической грамматики киргизского языка». Разыскания в области тюркологии и алтаистики изложены С. Кудайбергеновым в его статьях: «Историко-лингвистические данные о связи алтайских языков», «Глагольные подтипы в тюркских языках», «Морфологические структуры количественных числительных в алтайских языках», «Лексико-грамматические параллели в тюркских и

монгольских языках», «Киргизский язык и южно-сибирские тюркские языки», «Тюркские количественные числительные». В этих работах ученый отмечал общность некоторых грамматических форм сибирского ареала тюркских языков, включая киргизский, с монгольским и тунгусо-маньчжурскими языками.

С. Кудайбергенов большое внимание уделял подготовке высококвалифицированных научных кадров. Его ученики в настоящее время плодотворно трудятся в вузах и научно-исследовательских институтах республики. С 1962 года и до конца своей жизни он был доцентом кафедры киргизского языкознания Киргизского государственного университета имени 50-летия СССР.

Светлая память о Сарыбае Молдобаевиче Кудайбергенове, большом ученом, чутком и отзывчивом человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и благодарных учеников.

*Т. Акматав, С. Сыдыков,
Ч. Джумагулов, С. Мусаев.*

117

85:

92:

93:

96:

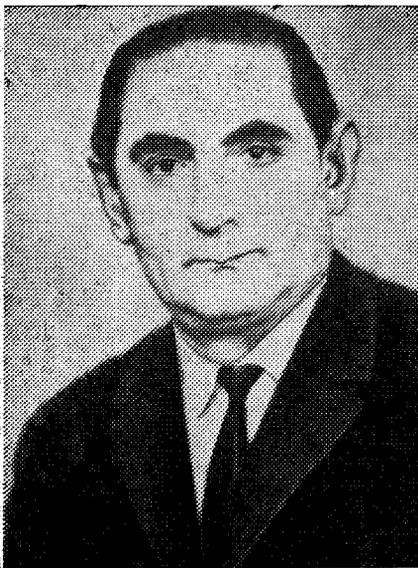
97:

9:

0:

1

МАМЕДГУСЕЙН АББАСКУЛУ ОГЛЫ ТАХМАСИБ

После продолжительной болезни, на 75 году жизни 5 октября с. г. скончался один из основоположников азербайджанской советской фольклористики, доктор филологических наук, профессор, член Союза писа-

телей СССР, заведующий отделом Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР Мамедгусейн Аббаскулу оглы Тахмасиб.

М. А. Тахмасиб родился в 1907 году в городе Нахичевани. После окончания Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина он работал методистом отдела народного образования в районах республики. С 1937 года М. А. Тахмасиб — научный сотрудник, а с 1945 года до последних дней своей жизни заведующий отделом устного народного творчества Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Одновременно в период с 1950 по 1958 год он читал лекции по истории азербайджанской литературы и фольклористики в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова. По настоящее время вузы нашей республики пользуются составленным М. А. Тахмасибом более двадцати лет назад учебным пособием «Курс устного народного творчества».

В 1945 году М. А. Тахмасиб защитил кандидатскую диссертацию на тему «Обрядовые и календарные песни в устном народном творчестве». В этой работе, первой диссертации в области исследования азербайджанского фольклора, обстоятельно характеризуются трудовые песни, магические слова, народные обычаи, обряды, традиции и праздники. И поныне не потеряли

своей научной значимости высказывания М. А. Тахмасиба о таких жанрах фольклора как *холовар* (песня пахаря), *фал* (гадания), *овсун* (заклинания), *ата-баба юну* (день поминания предков) и др.

В 1965 году М. А. Тахмасиб защитил докторскую диссертацию на тему «Азербайджанские средневековые народные дастаны». В этой работе, явившейся плодом длительного упорного труда, изучено в сравнительном плане около ста пятидесяти азербайджанских дастанов, сопоставлявшихся не только с произведениями восточного, но и мирового эпоса.

М. А. Тахмасибом впервые дана научная классификация азербайджанских дастанов. Характеризуя их поэтические особенности, тематику и идейное содержание, М. А. Тахмасиб дает убедительную этимологию терминов *ашыг*, *дастан*, *устад-шакыр*, *ад-тигул*, *илк муэллим*, *гәһрәмән*, *пәри*, *илһам*, *верки* и т. д.

Без преувеличения можно утверждать, что первые научные труды, посвященные всем жанрам азербайджанской фольклористики, особенно сказкам, анекдотам, баяты, ашугскому творчеству, связи поэтики устного народного творчества с письменной литературой принадлежат перу М. А. Тахмасиба.

М. А. Тахмасиб активно участвовал в создании трехтомной «Истории азербайджанской литературы», некоторые его работы издавались в союзных братских республиках, а также в странах Ближнего и Среднего Востока.

М. А. Тахмасиб — инициатор и ведущий автор шеститомного «Исследования по устному народному творчеству».

Неоценимы заслуги покойного ученого в деле собирания, подготовки и издания произведений азербайджанского фольклора. Эпос «Кероглу» и составленный им сборник «Анекдоты Моллы Насреддина» неоднократно издавались на азербайджанском и русском языках. М. А. Тахмасибом были подготовлены и изданы такие книги как «Голос ашуга» (1942), «Баяты» (1943), трехтомник «Азербайджанские сказки» (1941—1942), «Аг атлы оглан» («Парень на белом коне») (1954), двухтомник «Азербайджанские сказки» на русском языке (1945—1946), «Сказки Дашдамира» (1970), «Ашуг Алескер» в двух книгах (1972).

Под непосредственным руководством и с участием М. А. Тахмасиба вышли в свет также пятитомники «Азербайджанские сказки» и «Азербайджанские дастаны», а также капитальные «Азербайджанские любовные дастаны».

М. А. Тахмасиб имеет большие заслуги в области подготовки научных кадров. Он известен также как писатель. Его художественные произведения, созданные на основе народного творчества, собраны в книгах «Львиное логово» и «Цветущие годы». Его пьесы «В мире рубаез», «Весна» шли на театральных сценах республики и за ее пределами.

Светлая память о М. А. Тахмасибе, видном ученом, писателе, чутком и отзывчивом товарище, навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и учеников.

Б. Абдуллаев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. К. Кулиев (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов речи в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Н. Тихонов (Москва). Влияние русского языка на систему словообразования в узбекском языке 13

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- В. Г. Родионов (Чебоксары). К вопросу о генезисе чувашского фольклорного стиха 28

ОНОМАСТИКА

- А. Гусейнзаде (Баку). Ойконимы Закавказья, включающие этноним «биченек» 34

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Н. Нурманов (Андижан). Оппозиция монологичность — полилогичность негативных синтаксических конструкций 39
- Ф. Г. Хисамитдинова (Уфа). Генезис башкирских консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный» 52
- К. Т. Рамазанов (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы 58
- Н. Джунусов (Кзыл-Орда). Ареальная и семантико-грамматическая характеристика глагольной формы на -η, -уη, -iη в казахских говорах 69
- Л. В. Дмитриева (Ленинград). Исторические и поэтические тюркоязычные рукописи и их творцы 72
- И. Г. Добродомов (Москва). Труды Гуннара Ярринга по новобуйгурскому языку Восточного Туркестана 81

РЕЦЕНЗИИ

- М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина (Казань). «Татар телзенен анлатмалы сүзлеге» 85
- Х. Каримов (Алма-Ата). «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары» 92
- А. Джунусбеков (Алма-Ата). К. Ш. Хусайнов, В. В. Радлов и казахский язык 93
- М. Р. Федотов (Чебоксары). Н. И. Иванов. Время и стих 96
- Ф. З. Мустафин (Самарканд). Паремология Узбекистана. Выпуск III 97

PERSONALIA

Б. Юлдашев (Самарканд). Вахид Абдуллаевич Абдуллаев	99
А. К. Алекперов (Баку). Елизавета Ивановна Убратова	100
М. Соегов (Ашхабад). Губайдулла Абдуллаевич Хусайнов	101

ХРОНИКА

«Формирование и развитие островных языков и диалектов»	104
«Формирование и развитие технической терминологии узбекского языка»	105

НЕКРОЛОГИ

Сарыбай Молдобаевич Кудайбергенов	106
Мамедгусейн Аббаскулу оглы Тахмасяб	107

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

G. K. Kuliyeu (Baku). Lexical and semantical development of speech verbs in the Turkic languages	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

A. N. Tichonov (Moscow). Influence of Russian language on system of the word formation in the Uzbek	13
---	----

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

V. G. Rodionov (Cheboksari). To the genesis of Chuvash folk-lore verse	28
--	----

ONOMASTICS

A. Guseinzade (Baku). Oykonyms of Transcaucasia including ethnonym «bičenek»	34
--	----

REPORTS, SURVEYS

A. N. Nurmanov (Andizhan). Opposition mononegativity — polinegativity of negative syntactical constructions	39
F. G. Khisamiddinova (Ufa). Genesis of Bashkirian consonant combinations of the type «sonant + deaf obstruent»	52
K. T. Ramazanov (Baku). Twin words in south-west group of the Turkic languages	58
N. Dzhunusov (Kzyl-Orda). Areal and semantic-grammatical characteristics of verbal form on -η, -yη, -iη in the Kazach subdialects	65
L. V. Dmitriyeva (Leningrad). Historical and poetical turkic language manuscripts and their creators	72
I. G. Dobrodomov (Moscow). Works of Gunnar Jarring on new Ujgur language of East Turkestan	81

REVIEWS

<i>M. Z. Zakiyev, F. S. Safiullina</i> (Kazan). «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»	85
<i>Kh. Karimov</i> (Alma-Ata). «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары»	92
<i>A. Dzhunusbekov</i> (Alma-Ata). Қ. Ш. Хусайнов. В. В. Радлов и казахский язык	93
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). Н. И. Иванов. Время и стих	96
<i>F. Z. Mustafin</i> (Samarkand). Паремнология Узбекистана. Выпуск III	97

PERSONALIA

<i>B. Juldashev</i> (Samarkand). Vakhid Abdullayevich Abdullayev	99
<i>A. K. Alekperov</i> (Baku). Elizaveta Ivanovna Ubriatova	100
<i>M. Soegov</i> (Ashchabad). Gubajdulla Abdullayevich Khusainov	101

CHRONICLE

«Formation and development of island languages and dialects»	104
«Formation and development of technical terminology of Uzbek»	105

OBITUARY

<i>Sarybay Moldobayevich Kudajbergenov</i>	106
<i>Mamedgusein Abbaskulu ogly Takhmasib</i>	107

© «Советская тюркология» 1982 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 30.9-1982 г. Подписано к печати 29.12-1982 г. ФГ 30160. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 7145. Тираж 2905. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.